

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГОСУДАРСТВА И ПРАВА:
СРАВНИТЕЛЬНО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Монография

*Под научной редакцией
В.С. Елисеева, А.А. Бочкова*

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2024*

УДК 34
ББК 67
А43

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 6 от 10.03.2023.

Одобрено научно-техническим советом ВГУ имени П.М. Машерова. Протокол № 8 от 20.11.2023.

Авторы: **Э.Г. Аниськина, В.А. Барышев, П.В. Борботько, А.А. Бочков, Ю.С. Бутримова, П.В. Гурщенков, Т.В. Долголенко, В.С. Елисеев, Е.Ф. Ивашкевич, А.С. Кусков, Т.В. Мельникова, Е.В. Мороз, Н.Е. Муллахметова, С.В. Павлова, В.Ф. Прокофьев, Р.А. Ромашов, Г.Т. Ромашова, Н.Ю. Рычкова, Т.В. Сафонова, Н.В. Сирик, В.Г. Стаценко, А.А. Сухарев, Е.А. Шантырева**

Научные редакторы:
доктор юридических наук, доцент *В.С. Елисеев*;
кандидат философских наук, доцент *А.А. Бочков*

Рецензенты:
доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы,
кандидат юридических наук, доцент *В.С. Соркин*;
заведующий кафедрой теории государства и права Юридического института
Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого,
доктор юридических наук, доцент *С.И. Митина*

А43 **Актуальные проблемы государства и права: сравнительно-методологический аспект** : монография / Э.Г. Аниськина [и др.] ; под науч. ред. В.С. Елисеева, А.А. Бочкова. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. – 211 с.
ISBN 978-985-30-0094-8.

В монографии рассматриваются актуальные методологические, публично-правовые и частноправовые вопросы юриспруденции в компаративистском аспекте. Анализируются теоретические модели современного государства, концепции правопонимания, социальные, экономические, культурологические, духовно-нравственные, психологические основы правовой системы. Рассматриваются тенденции развития конституционного, избирательного законодательства, роль государственного сектора экономики в КНР, уголовная политика, борьба с коррупцией, экстремизмом, интеграционные процессы в ЕАЭС, ЕС, защита прав потребителей и др. Выделены белорусский контекст обсуждаемых вопросов и возможность международной рецепции.

Адресована ученым-юристам, юристам-практикам, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам юридических учреждений высшего образования и всем, кто интересуется проблемами юриспруденции.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-985-30-0094-8

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	7
1.1. Концептуально-методологические основы холистического понимания права в рамках единой юриспруденции (<i>А.А. Бочков</i>)	7
1.2. Современное государство: опыт теоретического моделирования (<i>Р.А. Ромашов, Г.Т. Ромашова</i>)	21
1.3. Культурологические основы юриспруденции (<i>С.В. Павлова</i>)	37
1.4. Правовая система – стабильность и динамика, концептуально-методологические подходы (<i>П.В. Гурценков</i>)	44
1.5. Агрессия – феномен социальной и юридической психологии (<i>А.А. Сухарев</i>)	55
1.6. Перспективные научные исследования в свете развития рынка образовательных юридических услуг (<i>П.В. Борботько</i>)	67
ГЛАВА II. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	79
2.1. Конституционно-правовые и идеологические основы государственной информационной политики в сфере защиты духовно-нравственных и традиционных ценностей в Республике Беларусь и Российской Федерации (<i>Т.В. Сафонова</i>)	79
2.2. Основные тенденции развития избирательного законодательства в странах ЕАЭС (<i>Е.Ф. Ивашкевич</i>)	88
2.3. Антикриминальная (уголовная) политика как регулятор общественных отношений (<i>В.Г. Стаценко</i>)	96
2.4. Особенности функционирования государственного сектора экономики Китая: правовой аспект (анализ на основе «Теории экономического права») (<i>В.С. Елисеев</i>)	102
2.5. Участие населения России в охране общественного порядка и борьбе с преступностью (исторический обзор) (<i>В.Ф. Прокофьев</i>)	108
2.6. Медиация в уголовном процессе по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь (<i>Н.Е. Муллахметова</i>)	118
2.7. Сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного антиэкстремистского законодательства (некоторые аспекты проблемы) (<i>Е.В. Мороз</i>)	124
2.8. Анализ системы государственных закупок в Республике Беларусь и зарубежных странах: сравнительно-правовое исследование (<i>Е.А. Шантырева</i>)	132

2.9. Криминализация коррупционных деяний медицинских работников, не осуществляющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции (сравнительно-правовой аспект) (<i>Э.Г. Аниськина</i>)	140
2.10. Особенности правового статуса органов прокуратуры (сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан) (<i>Ю.С. Бутримова</i>)	149
ГЛАВА III. ЧАСТНОЕ ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	157
3.1. Интегрирование частного права в Европейском Союзе (<i>В.А. Барышев</i>)	157
3.2. Право на односторонний отказ от исполнения договора и изменение его условий в одностороннем порядке по законодательству о защите прав потребителей Российской Федерации и Республики Беларусь (<i>А.С. Кусков, Н.В. Сирик</i>)	165
3.3. Торговля людьми и суррогатное материнство по УК Российской Федерации и УК Республики Беларусь (<i>Т.В. Долголенко, Т.В. Мельникова, Н.Ю. Рычкова</i>)	175
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	183
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	186
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	209

ВВЕДЕНИЕ

Представляемая вниманию читателя коллективная монография ученых Республики Беларусь и Российской Федерации посвящена актуальным проблемам современной юриспруденции, ее методологическим, публично-правовым и частноправовым аспектам.

Технологическая революция, связанная с внедрением систем искусственного интеллекта (ИИ), робототехники, био- и нанотехнологий во все сферы жизни, ведет к трансформации государства и права на макро- и микроуровнях. Это детерминирует поиск оптимальных моделей, способных отвечать на вызовы времени с учетом инноваций и национальных традиций.

Юриспруденция – это рациональное в своей основе научное аподектическое знание (от греч. *apodeiktikos* – достоверное, объективное, истинное, убедительное, необходимое) о государстве и праве. Современная юриспруденция – это синергия науки, образования и практики. Это комплексная система знаний, тесно связанная с общественными, естественными и техническими науками. Вырастая из мифологического, религиозного, обыденного сознания, натурфилософии, правоведение представляет сплав различных уровней общественного сознания и их объективацию.

Право невозможно поместить в прокрустово ложе только одной общественной дисциплины. Оно меж- и мультидисциплинарно, научно и не научно, рационально и иррационально.

Право, как и юридический мир в целом, – это идеальная, материальная и виртуальная реальности. Прежде чем надстраиваться над эмпирической действительностью, юридизировать и управлять ею, правовая жизнь в форме должностования создается творческим, конвенциональным гением человека в виде правовых понятий, догм, доктрин, аксиом, презумпций, фикций, симулякров, мемов, мифологем, физических, юридических лиц и др. Право – это сложный, многогранный, единый и диалектически противоречивый социальный организм, характеризующийся динамикой и статикой, непрерывностью и прерывностью, линейностью и цикличностью, консерватизмом и инновационными изменениями, организованностью и хаотичностью, детерминизмом и синергетичностью, объективностью и предвзятостью и т.п.

Главная задача юриспруденции в рамках когнитивно-инструментально-функционального подхода – создание правовых условий для сохранения и развития консолидированного общества. Холистический взгляд на действительность исходит не только из необходимости комплексного решения вопросов в интересах общества, социальных групп, индивидов, но и интегрированного права, консолидированного государства, плюралистической методологии, объединяющей диалектико-материалистический и метафизически-идеалистические методы в единстве с инновационно-информационными технологиями.

В монографии представлены авторские материалы, объединенные в три раздела: «Методологические основы современной юриспруденции»,

«Актуальные проблемы регулирования и реализации публично-правовых отношений», «Частное право в контексте интеграционных процессов».

В рамках первого раздела уделяется внимание концептуально-методологическому подходу холистического понимания права в рамках единой юриспруденции, теоретическому моделированию современного государства, культурологическим основам правоведения, содержательно-формальному анализу правовой системы, специфике отраслевого деления, исследованию феномена агрессии в рамках социальной и юридической психологии, перспективным научным исследованиям в свете развития рынка образовательных юридических услуг.

Второй раздел посвящен изучению конституционно-правовых и идеологических основ государственной информационной политики Республики Беларусь и Российской Федерации, основных тенденций развития избирательного права в странах ЕАЭС, исследованию антикриминальной уголовной политики, правового аспекта формирования государственного сектора экономики Китая, участия населения России в охране общественного порядка, анализу медиации в уголовном процессе по законодательству России и Беларуси, антиэкстремистского законодательства, криминализации коррупционных действий медицинских работников, системы государственных закупок, определению правового статуса органов прокуратуры стран ЕАЭС.

Третий раздел содержит материалы, отражающие процесс интегрирования частного права в Европейском Союзе, посвященные защите прав потребителей Российской Федерации и Республики Беларусь, анализу проблем, связанных с торговлей людьми и суррогатным материнством по УК Российской Федерации и УК Республики Беларусь.

Предметом исследования послужили концептуально-методологические аспекты юриспруденции в новых цифровых условиях, важные проблемы публичного и частного права. Понятие методологии рассматривалось в широком смысле – не только как совокупность методов, подходов изучения государственно-правовой реальности, но и как система мировоззренческих взглядов, через призму которых юрист видит и конструирует правовую действительность. Однако степень допуска конструкции, уровень дизайна должны основываться на объективной реальности, даже в условиях открытых, неравновесных систем.

Целью монографии была разработка доктринальных подходов, выработка направлений совершенствования законодательства и правоприменительной практики в рамках компаративистского анализа. Авторы не стремились логически увязать все материалы в единое целое, систему. Предлагаемая читателю монография направлена на обсуждение дискуссионного материала, совершенствование научно-исследовательского процесса, выработку предложений по правовому регулированию проблемных, кризисных, социально значимых вопросов.

ГЛАВА I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

1.1. Концептуально-методологические основы холистического понимания права в рамках единой юриспруденции

Мы живем в праве и правом.
Оно меч, щит и угроза,
наш абстрактный
и бесплотный суверен.
Мы – подданные империи права,
вассалы его методов и идеалов,
связанные духовно.

*Рональд Дворкин,
профессор философии права*

Возникновение юриспруденции – это закономерный сознательно-ценностный результат развития цивилизации, создавшей более надежный уровень регулирования и охраны. Вырастая из мифологического, религиозного сознания, натурфилософии, имея в своей основе рациональное научное знание, правоведение представляет сплав различных уровней общественного сознания и их объективацию. Юриспруденция – правовая наука, тесно связанная с политикой, моралью, философией, логикой, религией, искусством, риторикой, инновационными информационными технологиями, с интуитивным, иррациональным познанием государственно-правовых отношений. Это – комплексная система знаний. С точными науками ее роднит форма, процедура, система расследования, наказаний, с гуманитарными – содержание, духовно-нравственная наполненность, доктринальная обоснованность, связанность принципами права как исходными положениями, руководящими идеями. Отсюда – противоречие формы и содержания, науки и ненаучных знаний. Не случайно еще британский философ Б. Рассел (1872–1970) отказывал юриспруденции в научности и ставил ее в один ряд с теологией и средневековой схоластикой. Это же отмечал и немецкий мыслитель Х.Г. Гадамер (1900–2002), отрицая научно-теоретический характер юридической герменевтики. Право невозможно поместить в прокрустово ложе только одной общественной дисциплины. Оно меж- и мультидисциплинарно, сложно, многогранно, притягательно и влиятельно. Отсюда не прекращающиеся попытки найти его место между истиной (тяготеющей к абсолютной) и справедливостью (хотя бы юридической), властной элитой и народовластием.

Появление правоведения обусловлено потребностями общественной практики, задачами по обслуживанию государства и права, познавательными творческими поисками человека. Данная отрасль знаний находится на границе таких понятий как законность, истина, объективность, справедливость и власть. По сравнению с другими общественными дисциплинами юриспруденция больше всего задействована в политике, государственно-властной деятельности, зависит от них, устанавливает рамки поведения между законностью и целесообразностью, правомерностью и противоправностью.

Право, как и юридический мир в целом – это особая абстрактная и конкретная реальность. Прежде чем надстраиваться над эмпирической действительностью, юридизировать и управлять ею, правовая жизнь в форме должностования создается творческим, конвенциональным гением человека в виде правовых понятий, догм, доктрин, аксиом, презумпций, фикций, симулякров, мемов, мифологем, физических, юридических лиц и др. [28]. При помощи юриспруденции мир удваивается, а в условиях цифровизации даже утраивается через электронные государство, правительство, физическое лицо, квазиюридическое лицо, виртуальные правоотношения и др.

Право – это главный элемент юриспруденции, с которого она начинается и чем объединяется. Его порождают преимущественно социальные, политические, идеологические, экономические, психологические, духовные причины, связанные с достижением осязаемого результата: власти, богатства, привилегий, безопасности, комфорта, выходящего за пределы правовой сферы. Государственная власть, собственность, распределение, права, свободы, обязанности, юридическая ответственность – основные направления правового регулирования. Их объем определяется балансом, ресурсом полномочий власти и народа. Демократический централизм действует в единстве на уровне принятия и выполнения решений. Концентрация властных полномочий только в одном центре без делегирования другим субъектам, как свидетельствует история, неизбежно приводит к краху не только власти, но и всего общества. Утилитарный подход видит в праве воплощение интересов различных социальных групп, их разграничение, достижение благосостояния через солидарность, компромисс, коммуникацию, диалог, конфликт, революцию.

Право, справедливость, истина, счастье, красота, любовь – это многогранные человеческие понятия, социализирующие природные и общественные отношения. При этом специфика правовой материи, напрямую зависящая от властных структур государства, его принуждения, гарантий, в том, что форма может становиться определяющей в отношении качественной характеристики содержания (формы государства, правления, проведения выборов, реализации права и др.). Именно форма, как исток и источник права, становится необходимым объективированным условием его существования. В позитивном праве – это официально

единственно возможное, пользующееся юридической силой узаконенное состояние социально-правовой материи. Оно устанавливает и санкционирует образование, структуру и компетенцию власти, законодательное оформление, цементирует и стабилизирует весь государственно-политический каркас общества. Формой права, юридической догмой, обеспечивающей регулирование и охрану, выступает норма как общеобязательное правило поведения. Несмотря на то, что право – это не только нормы но и идеи, доктрины, принципы, воля, свобода, интерес, равенство, менталитет, правовая культура, правопорядок, коммуникация, первое, как типичное, унифицированное, традиционное правило поведения сыграло (и играет) главную революционизирующую роль в регулировании, охране и сохранении социума.

Проблема правопонимания имеет важное доктринальное, методологическое и практико-применительное значение. Это «глаза, компас, ключ» для юриста, основа чувственного и интеллектуального восприятия государственно-правовой действительности для рядового гражданина. Понятие права представляет собой закодированный мир юриспруденции, истинная и идеальная цель которой – служение народу. Это основной вопрос правоведения, который не поддается однозначному решению, где теоретические конструкции обгоняют их практическое применение ввиду отсутствия механизма воплощения, наличия прямой и обратной связи. Понятие права – это отражение государственно-правовой реальности во всех правомерных и противоправных ипостасях, что требует их изучения в различных проявлениях, создающих целостную картину. Целостное право включает в себя различные его виды: формальное и содержательное, идеальное и материальное, интуитивное и рациональное, естественное и искусственное, типичное и нетипичное, традиционное и модернизированное, земное и вечное, устное и письменное, реальное и виртуальное, машинописное и машиночитаемое, фаталистическое и волюнтаристское, право притязаний и привилегий. Выделяют «живое» и «мертвое» право, гуманное и право наказаний, достижимое и недостижимое, право государства, господствующего класса и класса эксплуатируемого, элиты и народа и т.п.

Данные разновидности действуют в рамках законов диалектики: единства, борьбы, перехода, отрицания, когда форма содержательна, а содержание оформлено. Разрыв недопустим. При этом целостность касается человека, права, государства, суверенитета, общества. Абсолютизация и противопоставление одной из сторон приводит к дискредитации и даже гибели идеи и предмета.

Знание различных видов антиправа: криминального, нейтрального, комформистского, злоупотреблений (шикана), нецелесообразного, нигилистического, пограничных ситуаций, коллизионного – помогает лучше осмыслить положительное право. Они не являются правом в традиционном, официальном, собственном смысле слова, однако имеют место в обыденном

сознании и эмпирической практике. Негативное право, как насилие, произвол, беспредел, замаскированное зло, властная несправедливость, коррупционная сделка, власть богатых за счет бедных, ложь и лицемерие подрывают авторитет государства, официального права, законности, правопорядка и способствуют росту правового нигилизма. Важно определить их причину, последствия, создать механизм профилактики, противодействия. Следует согласиться с академиком В.С. Нерсисянцем, что понятие права – это сжатая юриспруденция, а вся юриспруденция – развернутое определение права [127]. Необходимо рассматривать понятие права через призму юриспруденции в целом, ее задач, проблем и вызовов, которые ставит общество. Каждая правовая дисциплина руководствуется не только общим понятием (нормативным), но и своим специфическим аспектом. Появление новых юридических дисциплин, отраслей права, циклических массивов углубляют, уточняют, дополняют, переформируют традиционные понятия, выделяют новые грани и возможности. Последние, в свою очередь, обуславливают стратегические направления и тенденции развития правоведения. Право постнеклассического периода – это сложная, синергетическая, открытая, нестабильная, самоорганизующаяся система, полууправляемого хаоса, обладающая программами воспроизводства и саморегуляции, характеризующаяся иерархической организацией элементов [243].

Причина формирования новых представлений о праве в эпоху постмодернизма связана с массовым разочарованием в его возможностях, когда право народа, разума, мира и компромисса заменяется правом олигархов, насилия и войны. Мировое правительство транснациональных корпораций не только игнорирует общечеловеческие ценности, правовые принципы и нормы международного права, но даже и законы капиталистической экономики зависимых государств. Если раньше марксисты подчеркивали, что политика – это концентрированное выражение экономики, а право – воля господствующего класса, которую он с помощью государственной машины навязывает обществу, то сейчас можно утверждать, что экономика и право – концентрированное выражение политики богатых, элитарных кругов, демагогически прикрывающихся и попирающих интересы простых граждан. Военная операция США и НАТО в Украине, беспрецедентная политика экономических санкций ставят вопросы национального суверенитета России и Беларуси. Мобилизационные мероприятия необходимы не только в военной, экономической, инновационной, технологической, но и правовой сферах.

Реализация практических потребностей нуждается в теоретическом обосновании. Ответ на чрезвычайные вызовы времени требует, с одной стороны, усиления единовластия в рамках позитивного права, с другой стороны, – понимания и поддержки гражданского общества в рамках единой концепции демократического социального правового государства. Форма цифрового, машинообразующего и электронно-реализуемого права

в условиях тектонических изменений в мире не может осуществиться без мировоззренческо-философского, естественно-правового, лингвистически-антропологического наполнения.

Если вопрос деидеологизации, деполитизации, декоммерциализации «чистого» права требует решения, то освобождение права от морали, религии, эстетики, психологии, духовной основы ведет к его выхолащиванию, делегитимации и делегализации, потере созидательного потенциала.

Ввиду сложности, многогранности, полифоничности обсуждаемого института, стремительного изменения содержательно-формальных характеристик, пока не удастся приблизиться к единому целостному определению. По мнению И. Канта (1724–1804), вопрос, что такое право, может также смутить правоведа, как пресловутый вопрос, что такое истина, обращенный к учителям логики [88].

Для того, чтобы идея овладевала массами, она должна быть не только внешне привлекательной, но и практически осуществимой. Представляется, что существует «чистое», идеальное право, идея (идеи) права («эйдос»), сущность «в себе», «для себя», «инобытие». Она неуничтожима, пока в ней есть потребность. Идея, даже будучи фальсифицированной, не реализованной на практике (коммунизм, социализм, народный капитализм, нравственное государство, либеральная демократия, чистая теория права, Царство Божие на Земле), продолжает существовать, пока в ней не разочаровались народные массы и ее апологеты. Ее жизненность зависит от способности зарядить позитивной энергией, убедить и внушить веру в победу, способствовать росту материального и культурного благосостояния народа.

По мнению советского ученого, доктора философских наук М.К. Мамардашвили (1930–1990) истинное право не содержит в себе «оснований зла и несчастья» [120]. Платоновские идеи, по мнению философа А.Ф. Лосева (1893–1988), существуют везде и нигде, они вечны, и представляют царство абсолютных целей, как первообраз, чистая парадигма, идеальная реальность [113]. Идея и есть сама вещь в своем максимальном присутствии, считал автор¹. Это «справедливость в себе», истина, чистая красота, геометрическая фигура как идеальные формы. Они существуют метафизически, априорно, доопытно, исходя из обычаев, традиций, присутствуя на чувственном, интуитивном, генном уровне. Идея (дух права) вытекает из единства, гармонии, связанности мира абсолютной идеей, мировым разумом, Богом, судьбой. Ее воплощают *homo and society juridicus* (юридические человек и общество). Познать красоту идеи права можно через мифологическое, религиозное, эстетическое, научное, правовое, психологическое сознание. Гегелевская идея права связана с его понятием, осуществлением, свободой, законностью и нравственностью. Право, как внешняя и внутренняя красота идеи, образа, содержания, результата (Конституция,

¹ Лосев, А.Ф. *Философия имени* /А.Ф. Лосев; [предисл. А.Л. Доброхотова; послесл. В.И. Поставалова]. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С. 47.

Кодекс, закон, правовое государство, единство власти и народа, механизм правового регулирования) воплощает органическую, системную связь элементов, направленных на установление правды, справедливости, истины, добра, равенства, демократии и гуманизма.

Духовность права выступает его абсолютным началом. С точки зрения П.И. Новгородцева (1866–1924), российского ученого-правоведа, философа и историка, самое дорогое и ценное для юридической науки – это доверие к идее права [130]. Если нет веры в право на массовом уровне, то оно потеряет свое истинное предназначение и превратится в служебный придаток властной элиты. Идея выступает как субъективно-объективный образ, выражение мечты и реальности, мысли и чувства. Реализовать ее можно только в единстве всех компонентов в консолидированном государственно-гражданском обществе. Будучи в разных модификациях, право всегда сохраняет свое предназначение, идеальную сущность в той или иной степени. Это зависит от зрелости объективно-субъективных факторов.

Человека во все времена притягивает власть, сила, богатство, мужество, благородство, свобода, красота. Прекрасное в праве, как эстетическая категория, связано с гармонией, пропорциональностью, соразмерностью, правильностью, симметричностью, единством правды, свободы, ответственности, централизации и демократии, убеждения и принуждения, прав и обязанностей, коллективных и индивидуальных интересов, формы и содержания. Право является правом только по форме, в которой содержательно заложены моральные, политические, религиозные, эстетические и другие идеи и ценности. Задача – их совместить [119].

Красоту в природу и в общественные отношения вносит человек. Это результат антропоморфизма, очеловечивания, наделения его физическими и духовными качествами. Природа сама по себе не социальна, не моральна, не эстетична, не логична, находится вне прекрасного и безобразного. Красота юридического мира подчеркивает его значимость, ценность для человека. Правовая гармония направлена на преодоление несовершенства цивилизации. Она включает нормативность, неперсонифицированность, формальное равенство, объективность, честность, справедливость, аргументированность, убедительность, законность, легитимность. Можно говорить о красивой шахматной, бильярдной партии, футбольной, хоккейной, волейбольной игре, о решении математической, физической, технической задачи. В судебном процессе вызывает восхищение яркая, аргументированная речь адвоката, доказательность, ораторское искусство государственного обвинителя. Красота и совершенство тесно взаимосвязаны. Авиаконструктору А.Н. Туполеву приписывают слова: «Некрасивый самолет не полетит». Поэтому некрасивое право (противоречащее идее, природе, сущности), некрасивый закон (волонтаристский, авторитарный, нелегитимный), оторванные от жизни, эффективно работать не будут. Красота как совершенство формы и содержания, порождает любование, восхище-

ние, лад. Последнее – внешняя и внутренняя гармония человека с окружающим миром и самим собой. Когда нет лада в семье, обществе, с самим собой, то никакое право не поможет. По мнению философа В.С. Соловьева, задача права не в том, чтобы лежащий во зле мир превратился в Царство Божие, а в том, чтобы до времени он не превратился в ад.

Можно говорить о красоте Фемиды – богини справедливости, этимологии понятия «право», юридической техники римского права, доктрины социального демократического правового государства, инаугурации президента, процедуры судопроизводства, формы сотрудников правоохранительных органов, торжественного построения и выноса знамени, принятии присяги, смены почетного караула у Вечного огня, праздничного салюта и др. Красота в праве – это проявление его созидательной энергии, положительных качеств, соответствия общечеловеческим ценностям и стандартам.

Право представляет должное и сущее, идеал и эмпирическое выражение. В истории политико-правовой мысли данное понятие в рамках мифологического, религиозного, философского, научного, правового, цифрового сознания идет от природного, божественного, человеческого идеала, правды, справедливости через персонификацию, огосударствление норм до их этикотизации, эстетизации, понимания как «математики» свободы, равенства, гуманизма, демократии [61].

Православный священник Флоренский П.А. (1882–1937) считал, что истина, добро и красота – эта метафизическая триада не трех разных начал, а одного – истинности Бога в любви. Это духовная жизнь, рассматриваемая под разными углами зрения. В целом, она есть Истина. Воспринимаемая как непосредственное действие другого – она есть Добро. Предметно созерцаемая третьим, она – Красота [240, с. 75].

Б.А. Кистяковский (1868–1920) помещал правовую действительность между произведениями скульптуры и живописи, с одной стороны, и произведениями литературы и музыки, с другой, причем ближе к первой [90]. Очевидно, это связано с полифункциональностью юриспруденции в плане познания, преобразования, предвосхищения, общения, воспитания, внушения, эстетического восприятия и выражения мира в юридических образах, понятиях и построениях. Судья выносит постановление, основываясь на внутренней убежденности, исходя из общественной опасности, доказанной вины правонарушителя, руководствуясь принципами справедливости, объективности, совести. Правовую действительность роднит с произведениями скульптуры и живописи эмоционально-рациональное восприятие, творческий субъективно-волевой деятельный аспект пространственно-временного освоения мира, формализованное в текстах, институтах, учреждениях, структурах. Здесь также «лепят, отливают» юридические формы с надеждой на их долговечность и стабильность, особенно если это касается государственного аппарата, законодательства и работы правоприменительного механизма. Это запечатленная юридическая среда субъектно-объектных от-

ношений, состоящая из правды, реальности, герменевтического толкования, приближающая социальный оригинал к юридической копии. Юридическая материя в скрытом виде содержит связь прошлого, настоящего и будущего. Так в нормах права закодирована статика и динамика правовых действий, предпосылки, условия, сущность, соответствующие последствия. Правовая картина жизни окрашивается в символические тона беспристрастного юриста-художника, опирающегося на нормативные правовые акты и юридические факты. Игра света и тени на юридическом «полотне» – это правомерное и противоправное поведение, реализация исполнения и использования, смягчающие и отягчающие обстоятельства юридической ответственности.

Создание права лишь в определенной степени является творческим, прорывным процессом, создающим качественно новое. В значительной степени это – процесс сохранения традиций, преемственности, следования «духу народа», последовательности, связанный с профессионализмом, скрупулезностью, ответственностью и дисциплиной разработчиков. С одной стороны, право должно быть стабильным, долговечным, детерминированным, приводящим к заранее установленному, предсказуемому результату. С другой – без открытия новых подходов реализации внутреннего потенциала государства и права, активизации социальной инициативы масс, использования цифровых ресурсов невозможна современная трансформация правовой системы. Регулирование уходит от жесткой регламентации к правовым принципам, общему правилу, диспозитивным нормам, дающим простор индивидуальному решению в условиях быстро меняющейся ситуации. Поэтому правовая норма должна быть более гибкой, вариативной, способной к амортизации, адаптации в неопределенных, порой непредсказуемых жизненных ситуациях.

Нужен простой и понятный алгоритм верификации, пересмотра, дополнения, отмены нормы. Необходима тесная связь (прямая и обратная) нормотворчества и правоприменительной практики с целью повышения эффективности и устранения недостатков [29].

Эстетическое чувственно-рациональное освоение юридической действительности возможно только в слове (знаке, цифре). Следует согласиться с философом А.Ф. Лосевым (1893–1988), что бессловесного мышления не существует, это либо отсутствие, либо недоразвитость мышления. Слово – это связь субъекта и объекта, предметная сущность вещи в субъективном выражении. При этом большое значение имеет герменевтический аспект толкования, где правоведение выступает как система знаний, выраженная в словах, имеющая свою философию имени. Юридическая герменевтика уделяет особое внимание познанию, осмыслению и трактовке юридических текстов. Это философско-лингвистическое искусство превращает философию понимания права в интерпретационную практику. Разные субъекты обладают своими информационно-цивилизационными кодами и могут вкладывать разный

смысл в понимание и содержание права. Поэтому языки написания, прочтения и объяснения текстов часто не совпадают. Здесь нужны унифицированные (в том числе автоматизированные) подходы. Недооценка роли интерпретатора в правоприменительной, судебной деятельности может привести к нежелательному результату. Неточность, неясность юридического языка, ошибки оценочного характера искажают правовую ситуацию. Толкование стремится прежде всего к адекватности, строгости, авторскому подходу. В отличие от художественной литературы, юридические тексты не подлежат домысливанию, дополнению и изменению. Историческая школа права рассматривает его появление и развитие по аналогии с языком, вбирающим в себя весь опыт, становящийся формой мышления и юридического освоения действительности. Юриспруденция, как и литература, стремится к целостности, переплетению и взаимодействию сторон, свойств, особенностей, начиная от методологии познания до формирования и осуществления содержания правовой системы.

В известном смысле математика является пропедевтикой юриспруденции, так как последняя тяготеет к точным формулировкам, понятиям, четкому алгоритму действий, убедительной системе расследования, доказательств, жесткой процедурно-процессуальной последовательности, конкретной структуре норм, институтов, отраслей, отмеренным правам, обязанностям, санкциям, выстроенной юридической иерархии и соподчиненности власти и системы законодательства. При этом, если количественная форма поддается цифровизации, то юридическое содержание нуждается в духовно-нравственном наполнении. Немецкий историк, философ и культуролог О. Шпенглер (1880–1936) рассматривал правовое мышление как родственное математическому, поэтому считал важным установить чистую форму предмета, чистый тип ситуации, чистую связь причины и действия [257, с. 69].

Несмотря на то, что музыка очень сильно отличается от юриспруденции своим внепространственным, хаотическим, бесформенным бытием, сплошным настоящим, они едины постоянным динамизмом, устремленностью, процессуальностью, всеобщей слитностью. Музыка способна возбуждать отвагу и мужество, благоговение, ярость и ненависть, стойкость и панику, оптимизм и депрессию [114, с. 210–211]. Юриспруденция, как и музыка, является не только отображением предметного мира через призму человеческой души, но и наших чувств и мыслей: радости, печали, скорби, возмущения. Если эмоциональное переживание и окрашенная чувством идея в музыке выражается через звуки, то в правоведении – через тексты, юридические артефакты как «интонации страстно возбужденной речи» (Г. Спенсер) [26, с. 290–291]. Государственный гимн – национальный символ и атрибут, главная музыкальная идея, провозглашающая суверенитет, величие, достижения, задачи, амбиции государства. Он должен звучать

так, чтобы найти отклик в сердцах каждого гражданина. Например, государственный гимн Республики Беларусь подчеркивает ее миролюбивый характер, единство народа, готовность защищать, трудиться в интересах Родины. Гимн Российской Федерации показывает ее могучую волю, великую славу, связь поколений, обширные просторы для мечты и для жизни, союз братских свободных народов, которые могут гордиться своей многовековой священной, хранимой Богом историей. Современные гимны Польши, Украины, США, Великобритании, Италии несут ярко выраженную направленность против врагов, готовность умереть за свою Отчизну, веру в победу. (Например, гимн Польши, марш Домбровского был написан в 1797 г. Юзефом Выбицким: «Еще Польша не погибла, если мы живы. Все, что отнято вражьей силой, саблей вернем...»). Похожий и гимн Украины, принятый в 2003 году).

Специальная музыка способствует росту социальной активности, патриотизма, героизма, самопожертвования граждан. Ее воздействие направлено на формирование чувства гордости за свою страну, желание ее защищать; военные, победные марши, классическая, народная музыка – средство объединения и сплочения общества.

Предназначение юриспруденции – быть искусством правды и справедливости, направленном против лжи и беззакония. Его проявляют милиционеры, следователи, прокуроры, адвокаты, судьи, таможенники, профессионально, честно и мужественно выполняющие свой долг служения Отечеству и народу.

Несмотря на санкции, насилие, несправедливость (связанную с нелегитимной и нелегальной властью, бескультурьем граждан), недоверчиво-настороженного отношения части населения к государству и праву («чтоб не знала ваша хата ни врача, ни адвоката»), сущность права и его институциональное (объективированное) выражение не могут не вызывать эстетического чувства восхищения, любования, наслаждения, ощущения радости, надежды, веры, свободы при достижении идеала. Это связано с тем, что результатом является торжество жизни, справедливости и правды, безопасности, спокойствия, стабильности, наказание зла. Стоит задача преодоления разрыва между идеальным, текстовым, «книжным» и правом реальным, эмпирическим, работающим.

Этимология слова «право» идет от правосудия, справедливости, правильности, истины, правила, основания, правомочия, притязания, нормы, закона, наличия прав на что-либо. Если религия обращается к Богу, душе, вере, любви, мораль – к добру, совести, чести, милосердию, искусство – к эмоциям, гармонии, вдохновению, возвышенному, прекрасному, то право – к правам, ответственности, свободе, равенству, соразмерности.

Понятие «право» используется в разных значениях: как идея, процесс, результат, имеющий объективное, субъективное выражение, институт, институциональное создание, силовой блок, система наказаний. Поэтому од-

нозначное определение отсутствует. Существующие десятки научных школ и более сотни дефиниций не в состоянии охватить всю многоликость.

К традиционным концепциям причисляют: религиозную, естественно-правовую, нормативистскую (позитивистскую), социологическую, психологическую, диалектико-материалистическую (марксистскую), нравственную, реалистическую, историческую, солидаристскую, юридиико-либертарную, цивилитарную, коммуникативную, синтетическую (интегративную). Последняя признается самой перспективной в плане объединения теоретических и практических аспектов права, их синтеза. Считается, что интегративная юриспруденция идет с глубокой древности от египетских фараонов, вавилонского царя Хаммурапи, пророка Моисея, римского, средневекового права. Попытки объединить божественное и естественное право, публичное и частное, цивильное и каноническое, позитивное и социологическое, философское и интуитивное, право личной свободы и общественного блага, закона и обычая, выработать философию всеединства (В.С. Соловьев) предпринимаются постоянно. Американский профессор Р. Дворкин (1931–2013) подчеркивал, что право не есть каталог правил или принципов, не есть реестр должностных лиц и их полномочий. Свой идеал автор видел в «очищенном», целостном, честном, справедливом, интегративном по своей сути праве, направленном на удовлетворение индивидуальных предпочтений людей и достижение общего блага [58].

Возникает вопрос: по какому критерию объединять концепции без потери содержания? Каждая из них выделяет свой аспект, в то время как интегрированное понятие права должно включать всю правовую целостность, быть единым правовым «объектом знания» (Д. Холл). Право должно быть таким социальным регулятором, который обеспечивает своим охватом всю правовую систему. В социальном измерении право – это психосоциокультурный монолит, создаваемый непрерывной правовой коммуникацией (А.В. Поляков) [149]. Считается наиболее приемлемым интегрировать нормы и принципы, наполнять их духовно-нравственным, естественно-правовым содержанием, исходить из социальной обусловленности и социального результата, волеизъявления народа, направленного на сочетание коллективного и индивидуального интересов. Безусловно, что многие важные характеристики права оказываются неучтенными. Не решены вопросы объективирования духовных ценностей. При этом, вероятностная динамика синергетического, цифрового права также выпадает из традиционной орбиты.

Известный экономист и философ А.А. Богданов (1873–1928), создатель учения о тектологии (с греч. – учение о строительстве), выступал за превращение общества в единую тектологическую систему мультидисциплинарных экономических, социальных, политических, юридических, психологических знаний и практического опыта. Учение о тектологии пред-

восхитило кибернетику Н. Винера и У. Эшби, общую теорию систем Л. фон Берталанфи и синергетику И. Пригожина [21, с 48]. Автор считал, что в мире побеждают более организованные формы, основанные на взаимодействии, сотрудничестве, взаимопонимании. Чтобы преодолеть разрушительные последствия, система должна вернуться в состояние равновесия, разрешить внутренние противоречия за счет органического единства, установления дополнительных связей. Этому поможет «механизм двойного взаимного регулирования», где формальные связи дополняются неформальными, естественными, традиционными, личными, обратными [22, с. 77].

Международное право «войны и мира» (Г. Гроций), успехи современного сравнительного правоведения, несмотря на разграничительные барьеры, установленные США и Западом, ставят вопрос о выработке компаративистского понятия права, регулирующего новый правопорядок. Компаративистское право, как однородный транснациональный институт способно интегрировать такие общие признаки права разных правовых систем, как нормативность, официальность, формальную определенность, результативность, легитимность, и создать в условиях кризиса, девальвации международного права работающую систему международно-правовых отношений [65].

Если раньше говорили о перепроизводстве концепций правопонимания, которые вносят мировоззренческий и методологический сумбур, мешают реализации права, ведут к субъективизму и правовому беспределу, то сейчас основной акцент делается на изучении максимального количества граней права и их сближении. Для этого предлагают новые подходы и методы (юридической конвергенции, межотраслевого анализа, коммуникативно-солидаристский, юридического логарифмирования, Big Data, коллективного и индивидуального психоанализа и др.). Особые надежды возлагаются на мультидисциплинарный метод, который рассматривают как функциональный синтез естественных, технических и общественных наук. Он нацелен на соединение науки, технологии и искусства, не отвергает роль рационального и иррационального, сознательного и бессознательного. Его можно использовать при изучении равновесных и неравновесных, детерминистских и вероятностных, открытых и закрытых систем. С его помощью можно изучать необычные правовые явления: турбулентность, лихорадку, беспорядочность законодательства, сквозняк, законодательную бесшабашность, ажиотаж, инфляцию, интервенцию права и др. [4, с. 18]. Исходя из многомерности права, предлагается шире использовать синектический метод (греч. синектика – совмещение разнородных элементов). Он направлен на сравнение разнородных, даже противоречащих друг другу, неконкурирующие сущностей, с целью поиска аналогичных решений в различных областях знания и практики. Использование аналогий, инсайта

(анг. *insight* – озарение, внезапная догадка), искусственного интеллекта, робототехники способствует генерированию идей. Более полное описание права с позиций «дополнительности» (Н. Бор), «неопределенности» (В. Гейзенберг), «неполноты и непротиворечивости формальных систем» (К. Гедель), «противоречивости как целостности и блага» (А.Б. Мигдал) поможет создать его полиморфное видение в различных ракурсах [40, с. 37]. Для многогранного изучения права нельзя абсолютизировать ни один из методов, имеющих свои плюсы и минусы, нужен комплексный подход, где доминирующую роль играет диалектико-материалистический метод. С погружением субъекта в объект происходит его «заражение», «окрашивание» и субъективирование объекта. Мир – это во многом проекция моих ощущений, представлений, сознания, мировоззрения, мой «конструкт». Создавая государственно-правовую модель, нельзя терять почву объективной реальности, иначе – опасность подделок, «симулякров», иллюзий и фальсификаций, которые ведут к разочарованию и шоку от будущего [226, с. 24–25].

Авторы компрехендной (лат. *comprehendo* – всеохватывающий) теории права, профессора С.И. Захарцев, В.В. Сальников исходят из неоднозначности, противоречивости права, его всесторонности (*all round* – англ.), что требует оформления качественно нового понятия права, которое как бриллиант засверкает всеми своими гранями [77, с. 11]. Данное желание похвально, однако вряд ли достижимо. Представляется, что сумма относительных истин никогда не превратится в абсолютную, особенно если учитывать синергетическое изменение общества, государства, человека, веерный рост доктрин правопонимания. Количество сущностей будет множиться и здесь не поможет никакая «бритва Оккама». Выход – в объединении сущностных, эффективных характеристик права, исходящих из его идеи. Идея права проявляется в его целостности как отражении общественного бытия, государственно-правовой реальности, внутренних закономерностей и тенденций различных доктрин. Множественность значений права выступает как его своеобразная аритмология (А.Ф. Лосев).

Проблема отчуждения права (в праве) привела к поиску актуального, действующего, «живого» права. По мнению русского юриста и философа Б.П. Вышеславцева (1877–1954), рассматривающего проблемы Закона и Благодати, трагедия, бессилие закона в том, что он хочет и не может, требует и не выполняет, обещает и не дает. Неудачу закона он выводил из «сопротивления» плоти, искушения его преступить, сопротивления всей подсознательной сферой инстинктов и влечений, связанных чувственно-телесным миром (плотские помышления), которые не подчиняются сознательной воле и закону ума [39, с. 40, 42].

Закон – рациональное правило, обращенное к уму, сознательной воле, а не к иррациональным, бессознательным инстинктам и влечениям.

О качестве права мы судим по косвенным показателям уровня жизни граждан, ее защищенности, росту благосостояния, правам и свободам человека, их гарантиям и реальному воплощению. Качество права – это способность правовой системы объективно отражать социальные закономерности, определять стратегию, тенденции прогрессивного развития, учитывать интересы и потребности субъектов государственно-организованного общества. Для этого требуется работоспособный механизм (в том числе цифровой) формирования, реализации, адаптации, самонастройки, устранения противоречий и пробелов в праве [23]. Развивающаяся юридическая квалиметрия нацелена на формулирование и закрепление количественных и качественных стандартов права в концепции демократического социального правового государства. Только реальное выполнение триединства данных характеристик государства создадут необходимую основу и обеспечат практическое воплощение права.

Требует своего дальнейшего исследования психологическая составляющая права (и закона) и его реализации на рациональном и иррациональном уровне с выделением правового компонента и внутренней убежденности. Идеальные с точки зрения содержания, юридической техники нормативные правовые акты смогут воплотиться на практике только с учетом их позитивного восприятия населением. Поэтому на стадии законодательства нужно учитывать умонастроение общества.

Холистическое определение права включает его целостность, комплексность, взаимообусловленность. Право должно быть воплощением нормативности, воли, разума, добра, интересов, свободы, равенства, формально определенной точности в отношении прав и обязанностей. Это невозможно без включения в право всего ценного, присущего нравственности, религии, обычаям, традициям и всего лучшего, накопленного предыдущей историей права.

Главным является вопрос содержания права. Буква закона имеет душу. Этой душой является его социальность, гуманистическая направленность, справедливость, свобода, естественные права человека. Важно наполнить право христианскими ценностями, философией гуманизма, ненасилия, антропокосмизма, учением о ноосфере. Вся проблема заключается в том, как вдохнуть их в право, перевести из сферы теории в сферу практики. Здесь необходима прочная материальная, социальная, политическая и духовная база, сформированная на основе рыночной экономики, консолидированного гражданско-правового государства, возрожденных национальных ценностей. Философии права тут принадлежит важная роль.

Итак, право – это система государственно-определенных правил поведения (принципов и норм), выражающих волю народа (политической элиты), выступающая нормативным оформлением реализуемой на практике меры свободы, гуманизма, равенства и справедливости.

1.2. Современное государство: опыт теоретического моделирования

Опыт теоретического моделирования в истории политико-правовой мысли.

Попытки создания теоретической модели идеального государства предпринимались мыслителями начиная с момента появления государственной организации общества.

Для античных авторов идеальный полис – это гармоничное сочетание сословно кастовой стратификации гражданского общества, в котором представители каждого сословия занимают строго определенное место в системе социальной иерархии, и идеи патриотизма как готовности жертвовать личными и корпоративными (сословными) интересами во имя полиса. Именно в античный период получает широкое признание концепция циклического развития полиса, в основу которой положен закон вырождения. Так, по мнению Цицерона: «Государство (*res publica*) есть достояние народа (*res populi*)... Когда верховная власть в государстве находится в руках у одного человека, мы называем этого одного царем, а такое государственное устройство – царской властью. Когда она находится в руках у выборных, то говорят, что гражданская община (собственно государство. – *P.P.*) управляется волей оптиматов. Народной же является такая община, в которой все находится в руках народа. И каждый из трех видов государства, правда, несовершенен и не наилучший, но он все же терпим, хотя один из них может быть лучше другого. Ибо положение и справедливого и мудрого царя, и избранных, т.е. первенствующих, граждан, и даже народа (последнее менее всего заслуживает одобрения) все же, если только этому не препятствуют несправедливые поступки или страсти, по-видимому, может быть прочным» [248].

Впоследствии рассуждения об идеальных моделях государства переносились в область теологии (концепция «града небесного» Августина Аврелия), политической идеологии (концепция «договорного государства» Т. Гоббса, Дж. Локка); советского социалистического государства как государства «нового типа» В.И. Ленина, И.В. Сталина), либо были представлены различными утопиями («Утопия» Т. Мора, «Город солнца» Т. Компанеллы, «Икартия» Э. Кабе). Общей особенностью всех этих концепций был их заведомо оторванный от реальной политико-правовой практики характер.

В настоящий период можно выделить три основные теоретические модели государства: национальное, правовое, социальное.

В рамках первой модели внимание акцентируется на восприятии государства в качестве государственно-организованного народа-нации как носителя государственного суверенитета и источника государственной власти.

В основу создания второй модели положено представление о государстве как об установленной при помощи права и ограниченной им форме публичной власти, основанной на принципах естественного права, общественного договора и разделения властей.

Третья модель рассматривает государство как инструмент осуществления социальной заботы об обществе и защиты интересов людей, отнесенных к так называемым социально незащищенным группам.

Следует подчеркнуть, что выделенные модели не следует рассматривать в качестве автономных, и, уж тем более, противопоставляемых конструкций. В практической жизни не существует национальных, правовых, социальных государств в «чистом виде». Предлагаемые авторами модели представляют собой теоретические построения абстрактного характера, в основу создания которых положены определенные факторы организации и функционирования современных государств. В реальности эти модели носят взаимосвязанный и взаимно обуславливающий характер.

Кроме того, в данном разделе будет уделено внимание рассмотрению модели «цифрового государства» (digital state), представляющего продукт постиндустриальной эпохи и выступающего в виде специфической формы социально-политической организации, качественным образом отличающейся от государства, сложившегося на этапе индустриализации.

Национальное государство.

Национальное государство представляет собой организацию политически (государственно) объединенного народа – нации, выступающей в качестве социальной основы публичной политической власти государства и коллективного носителя государственного суверенитета.

По мнению П.А. Сорокина, «нация состоит из индивидов, которые: являются гражданами одного государства; имеют общий или похожий язык и общую совокупность культурных ценностей, происходящих из общей прошлой истории...; занимают общую территорию, на которой живут они и жили их предки.

Только тогда, когда группа индивидов принадлежит к одному государству, связана общим языком и территорией, она действительно образует нацию» [212].

В таком аспекте национальное государство – это государство, в котором и власть, и общество объединены единой историей, общими целями и задачами будущего развития. Понятие нации при этом приобретает не национально-этнический, а конфессиональный либо политико-культурологический смысл. К примеру, в Российской империи русская нация образовывалась не по национальному признаку, а по конфессиональному: русским считался всякий человек, исповедующий православие, соответственно, принадлежность индивида к русской нации определялась не столько фактом рождения от русских родителей, сколько фактом крещения (P.P.). Юридическое толкование нации как общности равноправных граждан, впервые введенное Конституцией Франции 1791 г.: «Суверенитет принадлежит нации: он един, неделим, неотчуждаем и неотъемлем...Нация является единственным источником всех властей...» (ч. 1, 2), нашло применение в современном праве. В действующей Конституции Франции (1958 г.) закрепляются положения,

в соответствии с которым: «Национальный суверенитет принадлежит народу...» (ст. 3), «Правительство определяет и проводит политику нации» (ст. 20). Аналогичный подход отражен в Конституции Испании (1978 г.). В ст. 2 говорится о «нерушимом единстве испанской Нации, общем и неделимом Отечестве всех испанцев». Причем в ст. 11 понятия «гражданство» (*nacionalidad*) и «национальность» фактически отождествляются: «Ни один испанец по рождению не может быть лишен своего гражданства».

Так как в национальном государстве национальные интересы «сливаются с собственно государственными задачами в одно целое, в совокупность общественно-публичных интересов» [258, с. 23], то, по мнению сторонников этатистского подхода, интересы нации как единого субъекта выражаются прежде всего в международном праве, где феномены государство и нация воспринимаются как синонимичные понятия. В частности, в Уставе ООН (1945 г.) отмечается, что «Членами Организации Объединенных Наций являются государства...» (ст. 3).

В зависимости от структурирования нации выделяются мононациональные и полинациональные государства.

В мононациональных совпадают названия нации и титульной национальности, по наименованию которой определяется название государства: как с республиканской (Франция, Германия, Италия, Киргизия, Азербайджан и др.), так и с монархической (Дания, Испания, Япония и др.) формы правления. Особенностью мононациональных форм социальной организации и публичной власти является производность государства от национального сообщества.

В полинациональных понятие нации носит комплексный характер и выражается как «многонациональный народ» (Австралия, США, Российская Федерация и др.). При таком подходе государство является первичной базовой категорией, а нация носит производный характер (американская нация как совокупность американских граждан складывается в результате обретения государственного суверенитета США, общность советского народа – следствие формирования советского государства СССР и т.п.) [223].

Основополагающими принципами национального государства являются:

- равенство национально-этнических групп (национальностей, народностей, этносов), образующих нацию. Недопустимость национальной дискриминации и расизма;
- юридическое закрепление государственного языка наряду с сохранением языков межнационального общения;
- национальное самоопределение (культурная автономия);
- недопустимость сецессии – выхода локальной национально-этнической группы из состава единого государства, единой нации.

Правовое государство.

Используемое в русском юридическом языке выражение «правовое государство» представляет собой перевод немецкого словосочетания *rechtsstaat*. При этом в наиболее общем смысле государство может считаться правовым в том случае, если его деятельность осуществляется на основании и в соответствии с правилами и принципами, получившими свое закрепление в правовых нормах [247, с. 135]. Иными словами, правовое государство – это социально-политическая форма организации сообщества, в рамках которой право как система общезначимых и общеобязательных правил и принципов поведения в обществе главенствует над различными видами и формами индивидуальных и корпоративных усмотрений, зачастую сводящихся к личному либо классовому волюнтаризму (субъективному произволу).

Теория правового государства возникла в результате естественного и в достаточной степени традиционного стремления ученых к моделированию идеальной формы государственного устройства. Попытки подобного рода предпринимались на всех этапах социального развития и, как правило, включали в себя достаточно стандартный набор «добродетелей», необходимых для «совершенного государства»: прежде всего, это наличие справедливых законов, которым подчиняются как сами подвластные, так и властители; далее – эффективная система социального управления, представители которой используют имеющиеся у них властные полномочия для достижения общегосударственного блага, а не для удовлетворения эгоистических потребностей; это также механизм обеспечения социальной стабильности, позволяющий снизить (а в перспективе ликвидировать) социальные противоречия между представителями различных классов (каст, страт и т.п.); наконец, это система действенных государственных гарантий, посредством которых осуществляется забота о социально незащищенных членах общества.

В современной отечественной юридической науке не существует единого определения правового государства, при этом, как правило, предпринимаются попытки взять за основу его понимания инструментальный либо формально-юридический методы.

Инструментальный позволяет рассматривать правовое государство в качестве инструмента, используемого для «обеспечения и защиты свободы, чести и достоинства личности, борьбы с бюрократией, местничеством и ведомственностью» [194, с. 61]; «достижения и реализации права, созданного человеком» [117, с. 18]; «сохранения общества при помощи права» [224, с. 12] и т.п. Следует отметить, что среди названных определений предпочтение отдается целевому либо функциональному аспекту правового государства, иными словами, авторы, не давая определения собственно правовому государству, говорят о том, какие целевые установки с помощью единого государственного инструмента можно реализовать.

Сторонники формально-юридического метода исходят из принципа приоритета права по отношению к государству. При этом, как правило, в качестве идейно-теоретической основы используется теория естественного

права, в соответствии с которой государство возникает с единственной целью – защиты естественных прав членов сообщества. Определение правового государства в соответствии с таким подходом, по сути тождественно тезису о правовом государстве как о государстве, в котором господствует право. Недостатком данного подхода является его абстрактный, декларативный характер. Непонятно, каким образом на практике можно обеспечить «правовое господство», и кто в этом случае будет выступать в качестве «господствующего субъекта».

Представляется, что правовым может быть признано государство, в котором действует система юридических гарантий, обеспечивающих, с одной стороны, баланс и консенсус законных интересов государства, общества, личности, а с другой – эффективное противодействие противоправным посягательствам как в сфере публичного, так и в сфере частного права.

Говоря о признаках правового государства, следует выделить две группы свойств, характеризующих данный феномен: общие (свойственные для всех видов государств) и специфические (характерные только для правового государства) черты.

К общим относятся признаки, отличающие государство от других видов и форм социальных организаций. Таковыми являются: наличие обособленной территории; наличие института гражданства (подданства); наличие аппарата публичной политической власти; государственный суверенитет.

К специфическим признакам правового государства следует отнести: демократический политический режим; развитое гражданское общество; признание и юридическое закрепление самоценности человеческой личности.

Демократический политический режим – это и условие, и характерная черта правового государства. В демократическом правовом государстве признается и гарантируется идеологическое многообразие, многопартийность, возможность легальной политической оппозиции (ст. 13 Конституции РФ). Единственным источником государственной власти является народ как совокупность граждан (подданных). Народ осуществляет свою власть непосредственно (участвуя в свободных альтернативных выборах и референдумах) и опосредованно – через органы государственной власти и местного самоуправления, которым делегируются соответствующие властные полномочия (ст. 3 Конституции РФ).

Применительно к сфере экономических отношений демократия проявляется в признании многообразия и паритета (равенства) форм собственности и многоукладности экономики.

В сфере социальных отношений демократический режим способствует обеспечению прав и свобод человека и гражданина (ст. 17, 18 Конституции РФ), созданию условий для достойной жизни всех без исключения членов сообщества (ст. 7 Конституции РФ), уважению прав и законных интересов социальных меньшинств (ст. 19, 26, 28 Конституции РФ) (те же положения утверждаются в конституциях других стран. В частности, в ст. 3 Конститу-

ции ФРГ говорится о том, что «...никто не может быть поставлен в менее выгодное положение по сравнению с другими из-за своих физических или умственных недостатков», а ст. 6 устанавливает, что «внебрачным детям законодательством обеспечиваются условия для физического и духовного развития наравне с детьми, рожденными в браке». – *P.P.*)

Развитое гражданское общество представляет собой признак и одновременно структурный элемент правового государства. В условиях плюралистической демократии государство уступает часть своих полномочий в хозяйственной и управленческой сферах социальной жизнедеятельности самоорганизующимся и самоуправляющимся структурам, в совокупности образующим гражданское общество. При этом, выступая неотъемлемой частью государства (в социальном смысле), гражданское общество характеризуется не совпадающими с государственными (но и не противоречащими им) интересами, а также наличием механизмов, позволяющих обеспечить реализацию этих интересов исключительно за счет внутренних ресурсов самого гражданского общества.

Политическая свобода как таковая вытекает из личной свободы; обе они предполагают взаимосвязь прав и обязанностей всех членов общества. В сущности, сам факт утверждения гражданского начала тесно связан с утверждением и упрочением личной свободы. Гражданин, будучи субъектом политической свободы, должен осознавать не только свои индивидуальные, частные интересы и цели, но также общие интересы и цели, скрепляющие всех членов социума в единое целое.

Рассматривая проблему соотношения гражданского общества и правового государства, следует отметить, что автономия и обособленность первого (по существу – его свобода) от публично-правовых институтов государства основывается прежде всего на его экономической самостоятельности (неслучайно сам факт создания гражданского общества большинством ученых связывается с выходом на политическую арену третьего сословия и законодательным закреплением паритета государственной и частной форм собственности. – *P.P.*). Вместе с тем говорить о их разделении и противопоставлении нельзя. Гражданское общество функционирует на территории государства и представлено его гражданами. В своей деятельности, наряду с нормами частного права, оно руководствуется нормативно-правовыми предписаниями публичного характера. Таким образом идеальной, на наш взгляд, является такая система взаимодействия гражданского общества и государства, где государственный механизм обеспечивает первому незыблемость определенных прав и свобод (в первую очередь, права на частную собственность), последнее же проникает в сферу деятельности государства, участвуя в формировании государственных институтов и контроле за их деятельностью. Суть складывающихся отношений, в том, что государство выстраивает предполагаемую правовую модель гражданского общества, которая затем наполняется конкретным содержанием. Само гражданское общество представляет собой

комплексное явление, регламентированное не только нормами субъективного права, но и моральными, религиозными, корпоративными установками, которые определяются историческим опытом, национальными традициями, уровнем развития демократии и культуры [252].

Важнейший признак правового государства – признание и юридическое закрепление самоценности человеческой личности. Доказательством того, что правовое государство является реальностью, служит его уважение к человеческому достоинству.

«Конституция России, объявляя государство правовым, закрепляет положение, в соответствии с которым человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2).

Самоценность человеческой личности, кроме того, выражается в том, что на законодательном уровне закрепляются так называемые абсолютные права, т.е. такие права, законное ограничение либо изъятие которых не допускается ни при каких обстоятельствах. К их числу Конституция России относит право на гражданство (ст. 6), право на достоинство личности (ст. 21), право на судебную защиту своих прав и свобод (ст. 46), право на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48) и др.

Принудительное вмешательство в сферу частных и корпоративных интересов в правовом государстве допускается лишь с целью достижения общественного блага и должно осуществляться в строгом соответствии с требованиями действующего законодательства с соблюдением определенных законом сроков и процедур. Во всех остальных случаях, по ставшему хрестоматийным выражению премьер-министра Канады в 1970 – начале 1980-х гг. П. Трюдо, «государству нет места в спальне своей нации» [95, с. 28].

Принципами правового государства, т.е. основополагающими началами его формирования и функционирования, являются: верховенство правового закона; разделение властей; взаимная ответственность государства, общества, личности.

Принцип верховенства правового закона собирательно символизирует наиболее важные аспекты правового государства. Он исходит из верховенства права по отношению ко всем неправовым социальным регуляторам, а также из приоритета закона по отношению ко всем формальным источникам права. Таким образом суть данного принципа заключается в том, чтобы, с одной стороны, добиться от всех субъектов права законосообразного поведения, а с другой стороны, обеспечить правомерный характер самих законов. Правовой закон при таком подходе рассматривается как одинаковая, равная мера свободы для правящих и подвластных. Однако, если для гражданина его верховенство определяется формулой «разрешено все, что не запрещено законом», то в отношении государственной власти (подчиняющейся этому же закону) действует другое правило: «разрешено только то, что разрешено законом».

Закрепление главенствующей роли правового закона означает презумпцию правомерности закона, действующего в государстве, и поэтому данный нормативный акт подлежит обязательному выполнению всеми субъектами правоотношений (и в первую очередь, самим государством).

Вместе с тем вполне возможна ситуация, когда по тем или иным причинам принятый и вступивший в юридическую силу закон будет содержать положения противоправного характера. В подобной ситуации должен работать механизм противодействия противоправному закону. В правовом государстве этот механизм включает в себя: нормативно-правовое обеспечение субъектов, обладающих правом инициирования процедуры признания закона противоправным; субъектов, правомочных принимать решения о противоправности законов; нуллификацию закона, признанного противоправным; компенсационный механизм, деятельность которого связана с возмещением ущерба, причиненного действием противоправного закона.

Нормативные акты или их отдельные положения, признанные Конституционным Судом РФ неконституционными, утрачивают свою юридическую силу (ч. 6 ст. 125 Конституции РФ; ст. 87 ФКЗ РФ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Разделение властей как принцип правового государства предполагает разграничение предметов ведения и распределение полномочий между одноуровневыми органами государства (ветвями государственной власти). При этом в основу взаимодействия различных ветвей власти положена система сдержек и противовесов, препятствующих чрезмерному сосредоточению властных полномочий у одного из должностных лиц (либо в одном государственном органе). Основной задачей, решаемой при помощи разделения властей, является распределение объема властных полномочий между примерно равными по политической значимости государственными структурами, каждая из которых объективно стремится к абсолютной власти, однако, не имея возможности такую власть получить, не позволяет сделать этого и конкурирующей стороне. Таким образом, посредством сдержек и противовесов обеспечивается баланс ветвей власти в правовом государстве [89].

Кроме того, наличие данной системы позволяет осуществить досрочное прекращение властных полномочий должностных лиц (государственных органов) в случае невыполнения ими своих служебных обязанностей, злоупотребления служебными полномочиями, совершения преступлений.

В частности, ст. 93 Конституции Российской Федерации определяет, что «Президент Российской Федерации может быть отрешен от должности Советом Федерации только на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, подтвержденного заключением Верховного Суда Российской Федерации о наличии в действиях Президента Российской Федерации признаков преступления и заключением Конституционного Суда Российской Федерации о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения».

Взаимная ответственность государства и личности как принцип правового государства означает, что на практике публичные интересы государства и частные интересы конкретных индивидов выступают в качестве неразрывно связанных категорий, при этом пренебрежение к интересам одной из сторон неминуемо приводит к негативным последствиям в отношении другой стороны.

В правовом государстве складывается действенный юридический механизм обеспечения баланса интересов государства и личности, важнейшей составной частью которого являются корреспондирующие этим интересам взаимные обязательства.

При этом ключевыми понятиями, положенными в основу реализации взаимных обязательств государства и личности, являются свобода и необходимость.

Свобода означает возможность выбора между исполнением и неисполнением соответствующей обязанности. Что же касается необходимости совершения соответствующих поступков, то предполагается, что в условиях существующей альтернативы субъект должен самостоятельно принять решение, позволяющее реализовать имеющиеся у него обязательства. Реальная свобода предполагает совпадение границ свободы и ответственности, поскольку по-настоящему свободным человек становится лишь тогда, когда он добровольно и осознанно принимает решения и отвечает за них [129].

Говоря о выполнении индивидуальных обязательств личности в отношении государства, следует иметь в виду, что в любом случае государство может заставить индивида выполнять направленные в его адрес властные предписания при помощи использования аппарата государственного принуждения. При этом основным побудительным мотивом правомерного поведения будет выступать страх перед наказанием, предусмотренным за отклонение от установленных государством правил. Соответственно, в обязательственных отношениях личность–государство в отношении первой в большей степени представлена необходимостью. Что же касается обязательств государства в отношении личности, то в арсенале индивидуального воздействия на государственный аппарат средств принудительного воздействия, безусловно, нет. Таким образом, государство относительно свободно в своем выборе и обладает реальной возможностью как осуществления своих обязательств, так и отказа от них (естественно, делая это под благовидным предлогом – как правило, в качестве объяснений используются ссылки на временные экономические либо социальные трудности). В подобной ситуации возрастает значение правосознания должностных лиц, действующих от имени государства. Осуществляя законодательную и правоприменительную деятельность, чиновники должны действовать в рамках, установленных действующим законом, не на словах, а на деле реализуя свои функциональные обязанности перед народом страны. В противном случае государство (в

лице аппарата) и население как совокупность индивидов – носителей частных интересов будут выступать как оторванные друг от друга социальные системы, а это негативным образом скажется на легитимности государственной власти, повлечет за собой ослабление социальной стабильности, обусловит снижение эффективности правового регулирования.

Социальное государство.

Социальное государство – это организация публичной политической власти, деятельность которой направлена на обеспечение достойного образа жизни граждан, это государство формирующее.

Принципами социального государства являются:

- обеспечение социальной справедливости, выражающееся в создании условий жизни, признаваемых справедливыми со стороны большинства граждан;

- сочетание государственной заботы о гражданах и социальной активности самих граждан;

- обеспечение «минимума человеческого достоинства» в отношении социально незащищенных групп населения [35].

В качестве основных целевых установок функционирования социального государства следует рассматривать социальные стабильность и баланс и, как следствие, низкий уровень социальной конфликтности, социально-активную личность, выступающую в качестве основополагающей ценности и вместе с тем объекта целевого воздействия социального государства.

Социальная стабильность.

В любом государстве (социальное государство исключением не является), стабильность социальных отношений рассматривается в качестве базового условия, с которым связываются все остальные производные виды социальной жизнедеятельности. В качестве факторов, обеспечивающих социальную стабильность, следует рассматривать сильную власть, единую правовую систему, уважительное отношение к позитивному праву, устойчивую (суверенную) экономику.

Сильная государственная власть – в данном контексте «сила власти» – связывается, прежде всего, с наличием эффективного механизма государственных гарантий по реализации правовых предписаний, а также юридической ответственности за их нарушение. При этом сильной может считаться такая власть, которая на практике обеспечивает претворение в жизнь издаваемых от имени государства законов. Иными словами, сильная власть – это власть, с одной стороны, реальная, а с другой, функциональная. Ее реальность означает, что она имеет формальное выражение (аппарат), эффективный инструментарий и, что тоже немаловажно, народное признание (легитимацию). В свою очередь, функциональный характер – это властное воздействие на общественные отношения, необходимое не только для существования самих властных структур (направленность власти на самосохранение), сколько для решения наиболее значимых проблемных вопросов социума.

Единая правовая система, в рамках которой обеспечивается взаимодействие и непротиворечие нормативных регуляторов всех уровней. Данный тезис означает, что в государстве объективное право, выраженное в законодательстве, не должно вступать в противоречие с юридической практикой реализации субъективных прав, разрешения спорных ситуаций, осуществления мер юридической ответственности. Внутри единой правовой системы недопустимо наличие двойных стандартов: «право для всех» и «право для избранных».

Уважительное отношение к праву на всех уровнях социальной организации. В основу правомерного поведения положены два основных фактора: уважение к праву и осознание общесоциальной и индивидуальной полезности правомерного поведения и страх перед наказанием за поведение, противоречащее правовым установкам (нормам права). В то же время если для подвластных право может выступать и в качестве стимула (жить по праву полезно для самого субъекта и для тех, кто его окружает), и в качестве ограничителя (нарушать право нельзя, так как за это предусмотрено наказание), то для самой власти сама возможность подвергнуться наказанию за правонарушение, а следовательно, и страх перед наказанием, минимизированы. Если же страх отсутствует, то подчинение себя праву может носить только добровольный характер (состояние самоограничения правом). При этом до тех пор, пока власть не поймет жизненную важность правового самоограничения, правомерное поведение, общественный правопорядок и основанная на нем стабильность отношений в социуме будут связываться у подвластных преимущественно со страхом перед возможным наказанием за поведение, квалифицируемое властью как противоправное. В подобной ситуации правопорядок не может быть стабильным, поскольку тогда, когда страх утрачивает свое значение в качестве сдерживающего фактора, а реального уважения к правовым регуляторам у представителей общественной организации не выработано, официальное право лишается своего верховенства и замещается неправовыми регуляторами (прежде всего криминальными, поскольку криминальное принуждение представляет собой своеобразный аналог государственного).

Стабильная экономика.

Материальную основу стабильного социума представляет сбалансированная экономика. Причем тип экономики в данном случае особой роли не играет. Более того, командно-административная экономика более устойчива, нежели рыночная, другой вопрос, что первая, не в пример, более инертна, нежели вторая.

Социальный баланс.

Социальный баланс это:

– официальное признание факта социального расслоения (стратификации); создание теоретической модели взаимодействия различных общественных групп – стратов;

– выделение социальных групп, не обладающих самостоятельными возможностями (дееспособностью) в сфере реализации права на человеческое достоинство (инвалиды, нетрудоспособные пенсионеры, лишенные родителей малолетние дети, лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы, больные СПИДом и туберкулезом и т.п.). В отношении названных групп следует осуществлять комплексные программы социализации, основной задачей которых является преодоление взаимного отчуждения названных лиц и «нормального общества»;

– разумная пропорция между производительным и непроизводительным секторами (с одной стороны, те, кто финансируется из государственного бюджета, – кроме перечисленных категорий – учителя, врачи, военные, милиция и т.п., а с другой стороны, те, кто государственный бюджет формирует);

– ограничение криминалитета до социально безопасного уровня;

– обеспечение территориальной целостности.

Социально-активная личность.

В социальном государстве происходит переход от установки тоталитарного государства – «государство – мы» к идеологическому концепту «государство – я», предполагающему осознание гражданином себя как маленькой, но вместе с тем самозначимой частицы государства, от которой в определенной степени зависит жизнь этого государства сегодня и завтра. Данный концепт предусматривает, что, во-первых, делая лучше себя и воздействуя на свое ближнее окружение, я как гражданин в определенной степени улучшаю и государство; во-вторых, от того, насколько активно лично я участвую в его делах, зависит не только будущее государства, но и мое; в-третьих, являясь частью государства, вместе с тем я самостоятелен в своем стремлении улучшать собственную жизнь всеми непротиворечащими закону силами и средствами, при этом государство обязано обеспечить лишь некий минимум социальных благ; в-четвертых, я формирую государственную власть (в лице ее представительных органов) и содержу эту власть (за счет взимаемых с меня налогов).

Таким образом в социальном государстве, с одной стороны, обеспечивается социальная стабильность и минимизируется социальная конфликтность, связанная с неравномерным распределением в обществе материальных благ, а с другой, создаются условия, предоставляющие людям возможность самостоятельно заботиться о достижении и приумножении собственных благ и благ своих близких.

За послевоенные годы в развитых странах мира с рыночной экономикой сложились различные модели социальных государств и, соответственно, различные механизмы реализации социальной политики. Среди них можно выделить три основные модели:

– либеральную;

– корпоративную;

– общественную (солидарную).

Они отличаются друг от друга ролью и степенью участия в реализации социальной политики, во-первых, трех ее основных субъектов – государства, корпорации, личности, а во-вторых, иных институтов гражданского общества. У каждой свой базовый принцип, который вытекает из соотношения доли участия в реализации социальной политики ее основных субъектов.

Либеральная модель социального государства предполагает личную ответственность каждого члена общества за свою судьбу и судьбу своей семьи. В данном случае роль государственных структур в непосредственной реализации социальной политики минимизирована. Ее основными субъектами являются личность и различные негосударственные организации – социально-страховые фонды и ассоциации. Финансовую основу реализации социальных программ при данной модели составляют, в первую очередь, частные сбережения и частное страхование, а не средства государственного бюджета.

В рамках либеральной модели социальной политики государство берет на себя ответственность лишь за сохранение минимальных доходов всех граждан и за благополучие наименее слабых и обездоленных слоев населения. Но оно максимально стимулирует создание и развитие в обществе различных форм негосударственного социального страхования и социальной поддержки, средств и способов получения и повышения гражданами своих доходов. Таким образом, при данной модели государство участвует в реализации социальной политики в большей степени опосредованно, не через финансирование социальных программ из своего бюджета, а посредством организационно-правовой институционализации негосударственных финансовых потоков на социальные нужды (образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение, пособия по безработице, социальную защиту и др.) и одновременно через развитие всей рыночной инфраструктуры получения доходов в обществе [118]. Подобная модель социального государства присуща США, Англии, Ирландии.

Корпоративная модель социального государства предполагает максимум ответственности корпорации (предприятия, учреждения) за судьбу своих работников. Создавая систему пожизненного найма, предприятие стимулирует работников к внесению максимального трудового вклада, за что предлагаются различные виды социальных гарантий в виде пенсионного обеспечения, частичной оплаты медицинских, рекреационных услуг и образования. В данном случае и государство, и негосударственные организации, и личность также несут долю ответственности за социальное благополучие в обществе, но все же большую роль здесь играют предприятия, которые имеют собственную разветвленную социальную инфраструктуру, свои социально-страховые фонды.

Финансовой основой данной модели являются, в первую очередь, страховые взносы корпораций. При корпоративной модели большую роль в осуществлении социальной политики играют организации-работодатели, для которых последняя, в свою очередь, является существенным элемен-

том системы управления трудовыми ресурсами. Классическим примером корпоративной модели сегодня служит Япония.

Последняя типологическая модель социального государства – общественная, в основе которой лежит принцип солидарности. Он означает ответственность всего общества за судьбу своих членов. Это перераспределительная модель социальной политики, при которой богатый платит за бедного, здоровый – за больного, молодой – за старого. Основным общественным институтом, осуществляющим такое перераспределение, является государство. Именно оно берет на себя большую часть ответственности за социальное благополучие своих граждан [217].

Финансовыми механизмами перераспределения выступают государственные бюджет и социально-страховые фонды, средства которых идут на обеспечение широкого спектра государственных социальных гарантий, выступающих для населения в большей части в бесплатной (безвозмездной) форме. В условиях рыночной экономики наличие развитой государственной системы социального обеспечения и социального обслуживания не исключает возможность существования частных и корпоративных институтов социальной политики, однако большую роль в ее обеспечении все же играет государство.

Солидарный принцип осуществления социальной политики предполагает: во-первых, солидарность между различными социальными группами и слоями общества, между различными поколениями, между государством и гражданским обществом, которая осуществляется за счет системы перераспределения финансовых средств; во-вторых, солидарность между тремя основными субъектами социальной политики – государством, корпорацией, личностью, которые каждый в своей определенной пропорции участвуют в ее реализации через систему бюджетных отчислений, страховых взносов работников, работодателей.

Среди современных европейских государств можно выделить как минимум два типа стран с принципиально различным соотношением доли участия государства, работника и работодателя в финансировании социальных программ.

С одной стороны, это страны социально ориентированной рыночной экономики типа Германии и Франции, где бюджетные отчисления и страховые взносы работника и работодателя на социальные мероприятия примерно равны, а основными каналами перераспределения являются государственные и частные (но находящиеся под контролем государства) социально-страховые фонды.

С другой стороны, это государства так называемого рыночного социализма типа Швеции, Швейцарии, Дании, где значительная часть расходов на социальные нужды берет на себя государство, а основным каналом перераспределения является бюджет. Таким образом, можно заметить, что даже при солидарной модели непосредственная финансовая роль самого государства в осуществлении социальных программ и мероприятий может быть различной. Однако в любом случае при данной модели основную ответ-

ственность за социальное благополучие своих граждан несет государство, а не корпорация или сам человек, так как именно оно организует и реализует в обществе систему перераспределения (будь то бюджет или социально-страховые фонды) и осуществляет сам принцип социальной солидарности.

Конечно же, рассмотренные выше модели представляют собой идеальные типы и в чистом виде вряд ли где имеют место. В реальности в каждом конкретном государстве присутствуют элементы и либеральной, и корпоративной, и солидарной модели, но все же доминирует какая-то одна из них, по которой мы и относим ту или иную страну к конкретной разновидности социального государства.

Процесс формирования социального государства в условиях постсоветской России предполагает создание синтезированной модели, в рамках которой совмещаются либеральные социально-экономические ценности и этатистские установки в сфере административно-управленческой деятельности.

Таким образом, на современном этапе развития для нашего государства продолжает оставаться открытым вопрос о том, какая именно модель социально-экономической политики будет наиболее адекватной российским условиям [189]. Но уже сегодня очевидна необходимость коренных изменений во взаимных обязанностях государства, общественных организаций и отдельных индивидов, а также активизация деятельности государства в социальной сфере и регулировании социальных процессов.

Цифровое государство (digital state).

Современный мир представляет собой сложно структурированную конструкцию, сформировавшуюся в результате двух глобальных процессов, получивших свое завершённое воплощение в XX в., – разрушения мировой колониальной системы империализма и краха мировой социалистической системы. На смену мировому порядку, основанному на коммуникации (как конфликтной, так и партнерской) двух основных мировых культур – западной (капиталистической) и советской (социалистической), пришла поликультурная синергетическая система, в рамках которой в настоящее время не удается выстроить устойчивые внутригосударственные и межгосударственные отношения. Мир переживает кризисное состояние и находится на грани перехода в состояние политикоправовой аномии (хаоса). В сложившейся ситуации функциональная роль традиционного государства как формы социальной организации общества и механизма публичной политической власти, в основу которых положены обособленная территория, государственно-организованный народ, национальная бюрократия и национальное право, существенным образом снижается. Большинство людей как в западном, так и в постсоветском мире дистанцируются от государства, воспринимая его не в качестве сакральной Родины, организационной основы обеспечения личной безопасности и комфорта, а как опосредованную собственным пребыванием средо обитания, способную оказывать на общество как позитивное, так и токсичное воздействие, и предполагающую возможность изменения, равнозначную простой смене места жительства. Кризис

парадигмы традиционного государства обуславливает появление многочисленных теоретических рассуждений, связанных с дальнейшими перспективами политико-правовой организации общества. Как уже ранее отмечалось, при анализе государства как социокультурного феномена следует прежде всего отказаться от его формационной типологии, основывающейся на концепции линейной истории, и в дальнейших изысканиях руководствоваться теорией цикличности. Новейшая история доказала ошибочность теории смены общественно экономических формаций (прежде всего, применительно к разрушению буржуазной и формированием на «ее обломках» социалистической). Крушение социалистической государственно-правовой системы показало невозможность (по крайней мере, в обозримой исторической перспективе) построения коммунизма ни в отдельно взятой стране, ни тем более в мировом масштабе. Однако отказ от формационной концепции государственной типологии не означает конца истории государства. В настоящее время происходит трансформация традиционных представлений о государстве и праве. Ее итогом является концептуальное обоснование и практическое воплощение феномена «цифровое государство – digital state» [190].

Говоря о сущности «диджитал стейт» как социально культурного явления, следует помнить о том, что английское слово «state», если быть точным, переводится на русский не как «государство», но как «состояние, порядок». В свою очередь, государство по-английски – это «kingdom» (объект владения короля/государя). Таким образом, дословный перевод на русский *digital state*, означает цифровой порядок. Проводя сопоставление *digital state* с другим английским словосочетанием *state of law* – порядок, установленный законом (правовое государство), можно выделить следующие отличительные черты:

State of law	Digital state
<ul style="list-style-type: none"> – в основу государства – «законом установленного порядка» – положено представление о законе как главенствующем формальном источнике национального права, выраженном при помощи национального языка и опирающимся на национально-историческую правовую традицию; – государственные законы действуют в государственном пространстве, определяемом юрисдик- 	<ul style="list-style-type: none"> – государство «цифровой порядок» основывается на «цифровом праве», первичным элементом которого является двоичный цифровой код, а в качестве источников выступают цифровые технологии, одинаково воспринимаемые во всех национально-культурных общностях, безотносительно особенностей культурно-исторического развития; – цифровые технологии формируются в мировой сети Интернет и не ограничены в своем действии государственными границами; – «цифровое государство» – это сетевой порядок, если не исключаящий, то минимизирующий значение бюрократической иерархии. В условиях digital state национальное государство в значительной степени утрачи-

- ционной территорией государства;
- государство обладает монополией на законотворчество, правосудие, легальное принуждение.
- вает доминирующую роль в процессах управленческого воздействия, а также перестает рассматриваться в качестве «верховного судьи» в спорах об информационном праве и информационных конфликтах.

В условиях непрерывно изменяющегося мирового порядка, формирование *digital state*, как новой формы социальной организации и социальной власти, не вытесняющей «государственный формат» из практики общественных отношений, но в ряде областей успешно конкурирующий с ним – это уже не утопия, а реальность. Среда Интернета, основанная на цифровых кодах, являющихся универсальными, вневременными и вненациональными факторами, существует и оказывает фактическое манипулятивное воздействие на сознание и поведение миллиардов людей независимо от их национальности, вероисповедания, гражданства.

Именно *digital state*, а не мифическое коммунистическое сообщество, равно как и «государство всеобщего благоденствия», способно стать реальной альтернативой существующему государственно-правовому порядку. Каким будет этот порядок и каким образом в него будут встраиваться системы национального государства, государственного и международного права, покажут грядущие перспективы.

1.3. Культурологические основы юриспруденции

Необходимой задачей современной теоретической юриспруденции следует признать сочетание результатов научного анализа с выводами всего гуманитарного знания о человеке. В поисках новой парадигмы правопонимания современное научное правоведение предлагает культурологический подход к анализу политико-правовых явлений. В его основу заложены выводы представителей дореволюционной русской философии права, которые связывают сущность права и государства с духовной природой человека, выступающим субъектом правоотношения.

В условиях признания комплексности права результатами поставленной автором задачи стало выявление культурологических основ права. Главным культурообразующим фактором выступает духовно-нравственное начало бытия человека и общества.

Культурологический подход исходит из признания права феноменом человеческого бытия [155]. Способность регулирующего воздействия права на общественные отношения определяется его природой, а именно человекоразмерностью. Недаром античные философы призывали искать природу права в природе человека.

В этом смысле сегодня юридическая наука неизбежно «привязана» ко всему гуманитарному знанию, настроенному на изучение человека и общества. Это и современная психология, которая смогла вызвать к жизни психологическую теорию права, это и социология с соответствующим подходом к правопониманию, это и теология, признанная сегодня в России научной специальностью, результатом взаимовлияния с которой стала русская религиозная философия права. Это, конечно, теория естественного права в античном варианте с попыткой ее возрождения отечественной юриспруденцией на рубеже XIX–XX веков.

В теории о праве нет такого учения о правопонимании, которое не обращалось бы к человеку (начиная с известной характеристики человека как полисного существа). Наука определяла его природу исходя из признания в качестве главной ценности некую смысловую направленность жизни, наиважнейшее целеполагание. Отсюда человек виделся как существо полисное (эпоха Античности), духовное (эпоха Средних веков), как свободный гражданин (теория либерализма Нового времени), как существо «подчиняющееся» (К.П. Победоносцев), как существо правовое (В.Д. Зорькин) и т.д.

Связь права с природой человека выводит исследователя на необходимость поиска тех обстоятельств, которые формируют те жизненные смыслы бытия, обуславливающие специфику проживаемой исторической эпохи. В свою очередь, в рамках исторической эпохи создается идентичная культура. Выявление мировоззренческой специфики и типа культуры позволяет дать верную квалификацию общекультурных оснований права, выражающих ценностные предпочтения правовой культуры рассматриваемого периода. С этих позиций адекватное прочтение текста с привлечением различных видов толкования, включая культурологическое, раскрывает его содержание в полной мере, что выражает необходимость комплексного исследования права. И наконец, выявляет вектор исторического развития конкретного государства и права, что особо актуализируется в кризисные, переходные времена.

Культурологический подход к политико-правовым явлениям различает виды общественного устройства в зависимости от типа культуры в рассматриваемый исторический момент. Сама культура определяется ценностными ориентирами общественного сознания. Важно заметить, что культурологический подход исходит из признания духовной природы человека, что делает его сопричастным Творцу. Это утверждал Б.Н. Чичерин, заявляя, что «наука должна признать духовную природу человека, и спорить об этом странно» [251, с. 15]. На этих постулатах развивалось дореволюционное отечественное правоведение, опирающееся на религиозную философию права, основоположником которой принято считать В.С. Соловьева. Однако, его предшественником уже в середине XIX века стал Н.Я. Данилевский, предложивший конструкцию и первую классификацию культурно-исторических типов.

В основе различения культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского лежат отличия в характере народов. Классифицируя их на 3 разряда, русский философ наиважнейшей чертой национального характера (общей для всего народа, постоянной и существенной) признает нравственный признак народа, служащий выражением существенной особенности всего психического строя. Указанным признаком становится руководящее высшее нравственное начало, на котором только и может основываться плодотворное развитие цивилизации как со стороны научной и художественной, так и со стороны общественного и политического строя.

Немаловажным становится и вывод автора при анализе ценностного основания русской культуры его времени. Мыслитель приходит к выводу, как, впрочем, и его оппоненты-западники, что религия составляла самое существенное, господствующее (почти исключительно) содержание древней русской жизни, и в настоящее время в ней же заключается преобладающий духовный интерес простых русских людей [57, с. 585]. Только западники в XIX веке считали православие тормозом русского общественного развития.

Культурология, при всей многогранности подходов к ее понятию, все-таки призвана не только к обобщению исследовательского материала, но и поиску того культурообразующего фактора, который связывает все элементы культуры в качественное своеобразие, отличающее одну культуру от другой. Этим занимался еще один отечественный культуролог Питирим Сорокин, разработав теорию социокультурных циклов, созвучную теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского. Первопричиной динамики социокультурного процесса у обоих авторов становится с очевидностью духовная основа культуры, ее внутренняя сторона.

По мнению Питирима Сорокина, каждый тип культуры отличается своей природой ценностей, «собственной ментальностью, собственной системой истины и знания, имеет собственную философию и мировоззрение; особый тип религии и образцы «святости»; свое собственное представление о правильном и неправильном». И этот блок ее характеристики следует признать определяющим. Вспомним А. Фета, выявившего иррациональное восприятие действительности как особенность российского менталитета.

В своем творчестве П. Сорокин явно отдает предпочтение идеациональному типу культуры с его постижением сущностных форм построения мира, хотя и делает оговорку о том, что вероятно ни чувственный, ни идеациональный типы культуры никогда не существовали в чистом виде. В действительности, замечает он, все культуры состоят из различных соединений этих двух логико-смысловых форм, с преобладанием первого или второго («жизнь по разуму» или «жизнь по вере»). Конкретная культура «приближена» к первому или второму типу, либо представляет собой синтез двух чистых форм, который назван автором идеалистическим типом культуры [211, с. 62].

В особой главе, посвященной этико-юридической ментальности, Сорокин прослеживает непосредственную связь морально-правового сознания, отображенного в официальном праве и нравственных нормах, с чередованием той или иной разновидности культуры. Он доказывает на примере уголовного права, что позитивное право отражает главные изменения в морально-правовом сознании. Прогнозом ученого становится необходимая смена типов культур в целях выживания человечества. В бесконечном стремлении к совершенству и совершенному часто происходит подмена понятий истины на ложь. Ошибки дорого обходятся человечеству, оборачиваются кризисами, войнами и революциями, которые ведут к изменению культуры. Но эта динамика и смена ценностных ориентиров есть неизбежность и норма социокультурного процесса, считает Сорокин. Именно в кризисе базовых ценностей суть цивилизационного кризиса.

В его системе знания главная функция чувственной культуры – покорение природной стихии, при этом самое опасное в ней – низведение человека до уровня примитивного существа, простого рефлексивного механизма, лишённого малейшей Божественной искры и какой-либо абсолютной ценности. Главная функция двух других типов – обуздание самого человека, контроль человека над самим собой, который невозможен без системы абсолютных, универсальных и непреходящих ценностей [211, с. 792–794]. Человек, действующий в рамках таких аксиологических норм, уверен мыслитель, сможет построить более справедливое и вечное общество.

Квинтэссенцией русской религиозной философии стало наследие выдающегося русского правоведа И.А. Ильина. В основе его миропонимания лежит тезис: невозможно устроить мир материи, не устроив мир души, ибо душа есть необходимое творческое орудие мироустройства [83, с. 152]. Душа, покорная хаосу, бессильна создать космос во внешнем мире. Самопознание и самопреобразование человеческого духа должно лежать в основе всей жизни, дабы она не сделалась жертвою хаоса и деградации. А также и признание Творца верховным благом. Вне этого знание становится пародией на знание, искусство вырождается, религия становится самоопьянением, право и государство становятся орудием зла [83, с. 153].

Формула Ильина следующая: внешний порядок жизни право может творить только через внутреннюю упорядоченность души [83, с. 408]. Этот тезис – главное завещание всей религиозной русской философии права.

Обращенность ученого к проблемам религиозного опыта вполне объяснима его методологическим учением: «В основе всякого права, и правопорядка, и всякой достойной государственной формы лежит духовное начало человека» [82, с. 446].

Вся задача права в том и состоит, чтобы создавать в душе человека мотивы лучшего поведения. В этом его значение – воспитания души.

А наполняя своим содержанием души людей, право, как необходимая форма бытия, воздействует и на внешний образ жизни, внося в нее свободный, мирный и справедливый порядок существования.

У Ильина стержнем правосознания, определяющего необходимость правомерного поведения, становится истинная религиозность, которая определяет цель, смыслы человеческого бытия и приводит к культуре духа. Свободен только тот человек, который способен созидать свой дух, удерживая в равновесии страсти и таланты. Внешняя свобода, в том числе и политическая, теряет смысл при отсутствии внутренней свободы и, более того, несет разрушительное действие, если не подкрепляется духовным осмыслением своего статуса в важнейших вопросах бытия – семья, государство, собственность.

Как Аристотель, так и Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства», считали, что государство происходит из семьи. Также и юриспруденция в цепочке становления государства первенство отдает семье. Марксисты, называя семью первоячейкой общества, делали ставку на семью в разрушении буржуазного типа государства, а затем и его отмирании вместе с правом. Первой кодификацией советского законодательства в 1918 году стало семейное право с отменой церковного брака и заменой его регистрацией органами записи актов гражданского состояния. Это стало первой ступенью уничтожения института брачных отношений. Семья, настроенная на воспитание любви как высшей добродетели, перестала рассматриваться как духовный союз мужчины и женщины. Через столетия показательна статистика разводов в России – еще 70 лет назад процент разводов в России составлял всего 4%; 30 лет назад – 42%. Сегодня по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы распадается 68 браков из 100. Гражданским браком стало совместное проживание мужчины и женщины без какого-либо юридического оформления отношений.

Семья – не просто традиционная ценность, которая в современном мире распадается, в том числе и под ударами внешнего воздействия. Она – несущий элемент в фундаменте государства. От ее состояния зависит устойчивость государства как союза людей на определенной территории, объединенных общими жизненными целями, идеей справедливости, следовательно, единым правовым идеалом. Люди как духовные существа способны сохранять целостность на основе целеполагания, начиная с малых групп, прежде всего семьи, где родители априори любят своих детей. Возрождение личности и государства возможно на пути духовного обновления.

И.А. Ильин заявляет в качестве насущной задачи обновления правосознания – оценить и принять духовную свободу как предметную цель права и государства. Поэтому юридическая наука оказывается на переднем крае поля битвы за нормальное правосознание и правопорядок, законность

и правомерное поведение. Без такого правосознания, одухотворенного религиозным смыслом бытия, не может быть речи о правовом государстве, правах и свободах человека и гражданина. Без этого никогда не состоится патриотическое государство как объединение духовно солидарных людей. Без этого утрачивается чувство родины. Задача науки, по мнению мыслителя, духовно осмыслить кризис и творчески его преодолеть.

Система ценностей влияет на смысловые ориентиры общественного бытия, законы окружающей действительности, познание, переживание, общее понимание мира, влияет на формирование мировоззрения как элемента духовной культуры. Сегодня утверждается важный методологический постулат: без ценностного компонента наука как сфера человеческой деятельности невозможна и немыслима. Аксиологические и антропологические критерии вносят смысл в явления окружающего мира. При этом главным из них предлагается полезность для людей [69].

Отсюда важна еще одна юридическая догма: право каждого государства сформировано на базе единых, разделяемых большинством населения идеях справедливости, определяющих ценностную базу доминирующей культуры. Она и составляет идеологическую основу законодательства, некую культурную конституцию, по выражению А. Энштейна.

Культура в своей религиозно определенной основе есть царство «вечных» смыслов, ценностей, идеалов, принципов, духовно организующих историческое бытие. Гуманитарной науке вообще, и юридической, в частности, необходимо изучать сферу общественного сознания, народные верования, нравственные понятия, мировоззренческие представления. Любое государственно-правовое исследование невозможно изолировать от изучения культурного развития государства как духовного организма. Духовные ценности характеризуют высшие запросы людей и в отличие от материальных не выражаются в количественных показателях.

Ценность права в том и заключается, что, закрепляя стандарты и образцы поведения, оно воспитывает сам образ мышления. Сегодня право часто замещает традиционные регуляторы, такие как моральные нормы, религиозные правила, которые представляют неизменный архетип российской культуры. Такое взаимопроникновение норм права, морали и религиозной нравственности становится трендом времени.

Преамбула действующей Конституции Российской Федерации провозглашает культурные ценности нации, такие, как почитание памяти предков, любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, стремление обеспечить благополучие и процветание России, ответственность за свою Родину. Более ярким примером стали поправки к Конституции 2020 года. Они свидетельствуют о стремлении законодателя учитывать духовные факторы бытия. Так, например, в главу 3, посвященной федеративному устройству России, включена статья 67¹,

закрепляющая преемственность в развитии Российского государства, предполагающую сохранение идеалов предков и веры в Бога.

Здесь же, в части 4-ой обозначена обязанность государства по отношению к детям, как его приоритетной политики, по созданию условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей. Одухотворение нашей Конституции поправками от 1 июля 2020 года, утвердившими веру в Бога, семейные ценности и тысячелетнюю традицию государственности, имеет колоссальное значение, так как связывает право с другими мощнейшими социальными регуляторами – моралью и религиозной нравственностью. Этому нормативу созвучен вывод известного современного автора: «Именно в рамках права, на пути формирования правового и социального государства надо искать соединение традиции соборности, общинности и коллективизма с правом как формой свободы индивида» [78, с. 44].

Позитивное право бессильно в своем регулятивном воздействии без духовной составляющей правового идеала как основы правосознания. Светскость государства не означает безнравственность его граждан. Именно нравственность участников правоотношения, в конечном итоге, определяет эффективность реализации права и правопорядок, поскольку субъект по своей природе представляет собой свободную личность и действует в соответствии с собственным выбором в отношении соблюдения правовых предписаний.

Этот вывод призывает современную юридическую науку к исследованию духовной сферы человеческого бытия, в том числе социальных отношений как предмета правового регулирования. Перед вызовами современной цивилизации главное для современного человека – не потерять свою духовность, отличающую его от остального товарного мира. Революция в правовой доктрине сегодня лежит через изменение сферы человеческого духа, к которому сопричастно и право как его феномен.

Новыми поворотами в методологии юриспруденции должно стать сочетание традиционных подходов к правопониманию и новаций времени, обусловленные происходящими трансформациями общественных отношений на всех уровнях – от семьи до межгосударственных. Ведь право развивается вместе с прогрессом общества и человека. Его циклы определяются трансформацией форм власти, экономическими и научно-техническими факторами. Право, как мера не только поведения, но и регулирования, как вмешательство в общественное отношение своей принудительностью, тоже требует определения меры и соответствующих средств вмешательства в этот процесс. В условиях чрезвычайных ситуаций (пандемия, военные конфликты, природные катаклизмы, техногенные проблемы) прогностическая функция права востребована как никогда. Обостряется проблема связи правотворческой деятельности и правоприменительной. Законодатель в правотворческом

процессе должен обладать гибкостью мышления и даже мужеством, ведь нормативный текст – не художественная романтическая литература.

Необходимо учитывать, что кроме классического регулирования происходит и саморегулирование общественных отношений. Современная социальная сеть распространяет свои властные требования, конструируя модели правоотношений без участия правовых норм и, следовательно, невозможности применения юридической ответственности. Выходом может стать сохранение ядра правовой системы, которая опирается на основополагающие принципы права. Именно в ситуации сочетания права и саморегуляции актуальной становится воспитательная функция права.

Показательно, что духовно-нравственные ценности, которые отстаивала дореволюционная отечественная философия права, легли в основу Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. Эти базовые нормы морали и нравственности как ядро российского общества, перечисленные в статьях 91–93, позволят сохранять и укреплять суверенитет России. Среди них особое внимание отводится приоритету духовного над материальным, что всегда отличало нашу историческую практику. В этом важную роль играет участие религиозных организаций традиционных конфессий по сохранению духовно-нравственных ценностей и противодействию экстремизму. Необходимость защиты исторической правды российского общества от внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия со всей очевидностью обращает внимание отечественной юридической науки к гуманитарным аспектам правового поведения как способа реализации права, а «понимание будущего всегда зависело от духовного мира людей» [259, с. 69]. Историческая память – это, прежде всего, духовная память народа, особенно спасительная в кризисные времена. Современная юриспруденция призывается к признанию духа права как абсолютного ориентира, движущей силы правовой системы [210, с. 167]. Сохранение самобытного характера русской культуры вообще и правовой культуры в частности должно стать приоритетной политикой духовного возрождения нации.

1.4. Правовая система – стабильность и динамика, концептуально-методологические подходы

Системность – важнейшее свойство права, без наличия которой оно не сможет эффективно функционировать. Его системные характеристики: структура, элементы, связи, целостность, многоуровневость, единство, организованность. В правовую систему входит все, что органически связано с правом, объединено его идеей, принципами, природой, назначением и целью. Специфика правовой системы заключается в том,

что она находится в неразрывной связи с народом и государственным аппаратом, включает позитивное и естественное право, опирается на государство и гражданское общество.

Система – это не только набор элементов, но и способ их прямой и обратной связи, который усиливает ее потенциальные возможности, упорядочивает, укрепляет, придает силу и стабильность. Это определенная организованность, сплоченность элементов, отношений и связей, действующих в едином направлении.

Общество как суперсистема, формирующая правовую систему, охватывает живые, технические, социальные, материальные и абстрактные, статичные и динамичные, закрытые и открытые, детерминированные и вероятностные (стохастические), органические (целостные) и суммативные (механические) объединения [219, с. 397].

По мнению профессора А.В. Полякова, в функциональном плане право представляет собой постоянно эволюционирующую плюралистическую систему, все элементы которой рационально не охватываемы [167].

Правовая система входит в более широкое понятие – правовая действительность (правовая реальность), которая в функциональном аспекте образует правовую жизнь, включающую правомерное и противоправное поведение с соответствующими институтами и структурами. Правовая система объединяет только системные элементы. Чем больше взаимосвязанных элементов, обладающих позитивным потенциалом, тем она прочнее и эффективнее. В нее не входят: антидемократический режим, противоправное, девиантное поведение, правонарушения (преступления и проступки), злоупотребление правом (шикана), правовой нигилизм, деструктивная оппозиция. Правовая система, как руководящее ядро правовой надстройки, раскрывает место правовых явлений в соотношении с экономическим базисом и их диалектическое взаимодействие.

Еще классики марксизма отмечали обусловленность правовой системы экономическими отношениями и воздействием первой на второе. Ф. Энгельс писал, что в современном государстве право должно не только соответствовать общему экономическому положению, но также быть его внутренне согласованным выражением, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий. С его точки зрения, ход «правового развития» состоит в попытке устранения противоречий, возникающих из непосредственного перевода экономических отношений в юридические принципы и установление гармоничной правовой системы. Современное право определяется прежде всего политико-властными отношениями наднациональных олигархических структур, на службе у которых экономика и право.

Предпринимаются попытки разграничения системы права и правовой системы с точки зрения объема и содержания. Следует согласиться с мнением белорусского профессора С.Г. Дробязко, который подчеркивал, что

система права и правовая система – это одна и та же категория, «охватывающая» право в системном аспекте [63].

Однако правовая система существует в широком и узком смысле слова, на макро- и микроуровнях. Это – внешняя оформленность и внутренняя организованность права. Можно выделять внутреннюю систему права, национальные правовые системы конкретных государств, основные правовые системы (правовые семьи) мира и мировую систему международного права.

Правовая система в широком смысле слова объединяет все, что связано с единым по направленности и цели правом, а именно целостность устойчивого правосознания, правовые нормы, пирамиду форм (источников) права, правотворческий и правореализационный механизмы, прогрессивно развивающиеся общественные отношения, непосредственно взаимодействующие с правом [63].

Правовая система состоит из мировоззренческо-идеологических, нормативных, институциональных, правореализуемых компонентов [125, с. 307].

Ее интегральная сущность также включает организационные, психологические, ментальные, доктринальные, культурологические, национальные стороны, связанные не только с государством и правом, но и социальной жизнью общества. Важную роль в ее жизнедеятельности играет легализация и легитимация, авторитет и поддержка народа в консолидированном обществе.

Система права в узком смысле слова – это внутренняя структура права как совокупность, взаимодействие ее основных элементов: норм, институтов (субинститутов) и отраслей (подотраслей) права [63].

Система права – это открытая и закрытая целостность, находящаяся в состоянии покоя и подвижного равновесия, проявляющаяся на макроуровне неизменной, стабильной, формализованной и закреплённой в системе законодательства. На микроуровне – это подвижная, динамичная, изменчивая, вероятностная, четко реагирующая на меняющиеся потребности и интересы общества, государства, населения.

Серьезной дискуссионной проблемой является определение системообразующего фактора правовой системы. За основу берутся различные компоненты: материальный либо духовный, объективный или субъективный, искусственный либо естественный, доктринальный или договорной, тип правопонимания, виды принципов права, определяющая роль различных субъектов права, характер правовой деятельности, зрелость правоотношений, прочность правопорядка, демократический, правовой, социальный характер конституции, качество и реализуемость норм законодательства, монархический или поликратический характер власти. По мнению профессора С.С. Алексеева, к фундаментальным правовым ценностям относятся юридические нормы как «модели на вечность», правовые идеи и принципы, где определяющее значение имеют юридические конструкции

как особые типовые соединения прав, обязанностей, ответственности, юридических фактов [10, с. 92–96].

Также в качестве системообразующих факторов выделяют научное, профессиональное и общественное правосознание; деятельность субъектов правотворчества, особенно государства, его правоустановительных органов; потенциальную возможность правотворческих процедур; обострение противоречий, требующих правового упорядочения во всех жизненно важных сферах; механизм действия объективных законов регулируемых общественных отношений; конкретно исторические условия, в которых они функционируют.

Ядром правовой системы являются национальные правовые ценности, идеалы, символы, правовые принципы, вытекающие из истории, культуры, традиций, менталитета народа и закрепленные на государственном уровне, прежде всего, в конституционных нормах.

О качестве правовой системы можно судить по решению следующих задач: 1) насколько верно и адекватно она выражает потребности и интересы народа, общества и государства, способна быстро и адекватно реагировать на вызовы времени; 2) насколько совершенна и эффективна ее юридическая структура и форма; 3) какова степень ее легальности и легитимности; 4) в какой мере она компетентна решать стоящие перед обществом задачи, особенно в плане построения правового государства, гражданского общества; 5) в состоянии ли она обеспечить, гарантировать надежную защиту прав и свобод человека, его жизни, здоровья, чести, достоинства, безопасность; 6) насколько она жизнеспособна и обладает ли необходимым потенциалом для оптимизации борьбы с негативными явлениями; 7) восприимчивость ко всему лучшему в мировом правовом опыте, собственной политико-правовой истории; 8) какие основные пути ее дальнейшего развития, моделирования и прогнозирования [122].

Правовая система – это сложная, многоуровневая, детерминированная и вероятностная целостность. Системность права требует принимать нормативные правовые акты исходя из объективных потребностей общества, в комплексе, в системе, всесторонне, диалектически и логически взаимосвязано. Она должна избегать пробелов и коллизий, обладать свойством адаптации и внутреннего самовосстановления. Системность означает недопустимость произвольных, волюнтаристских правотворческих и правоприменительных решений, фаталистической обреченности.

Правовая система включает публичное и частное право. Вопрос деления права на публичное и частное затрагивает основные стороны государственного и человеческого существования: превалирование коллективных либо индивидуальных интересов, либеральных ценностей или социальных гарантий, соотношение свободы и обязанностей, автономию воли и пределы вторжения государства в гражданскую, частную жизнь [249, с. 246]. Существует

порядка двух десятков различных доктрин деления на публичное и частное право [121, с. 250].

Хочется высказать некоторые принципиальные положения: 1) нельзя абсолютно противопоставлять публичное и частное право, они взаимосвязаны; 2) в зависимости от исторической обстановки приоритет может получать то одно, то другое; 3) чисто публично-правовой или частноправовой отрасли не существует; 4) в каждом – элементы того и другого с разным преобладанием; 5) чрезвычайная обстановка диктует рост публично-правовых отношений, стабильная – частноправовых; 6) прослеживается тенденция их конвергенции и интеграции в рамках единого государственно-правового и гражданского общества.

Согласно ст. 2 Конституции Республики Беларусь, человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Ст. 13 закрепляет государственную и частную формы собственности, а также предоставляет равные возможности их использования в социальных целях.

Материальные отрасли права определяют правовой статус субъектов, устанавливают условия и основания возникновения процессуальных отношений; процессуальные – определяют следственные, судебные или иные действия правоприменения, закрепляют порядок разрешения конфликтных ситуаций при реализации норм материального права. Процессуальное право – это форма выражения и реализации материального права. Материальные нормы принято считать объективными, первичными, исходными, базисными, рабочим механизмом системы права, а процессуальные – субъективными, вторичными, надстроечными, определяемыми «нормами относительно норм», «метанормами», имеющими властный, управленческий характер и связанными публично с правовым пространством [253].

Обсуждаемым является вопрос критериев отраслевого деления, их количество, субординация, объем, новые тенденции. В основе построения системы права лежат предмет и метод правового регулирования.

В структуру предмета входят субъекты (индивидуальные и коллективные), их поведение (поступки, действия), объекты (по поводу которых люди вступают в правоотношения), социальные факты (события, обстоятельства как основания соответствующих отношений) [122, с. 417].

Если предмет является материальным критерием, то метод – формально юридическим, инструментальным.

Метод правового регулирования определяет: границы регулируемых общественных отношений; юридические причины возникновения прав и обязанностей; правовой статус участников общественных отношений; степень самостоятельности субъектов права; способы правового регулирования; характер юридических последствий; способы обеспечения прав и обязанностей [122, с. 417].

Все методы правового регулирования взаимосвязаны, переплетены, действуют в сочетании друг с другом. Как считает профессор Р.З. Лившиц, в каждой отрасли права в большей или меньшей степени используются императивный и диспозитивный методы. Поэтому ни одна отрасль не обладает какими-то единственным и неповторимым [112, с. 117]. Некоторые авторы выделяют кроме основных и другие способы (например, убеждения, принуждения, рекомендации, согласования), которые действуют во всех отраслях права. Задача законодателя и правоприменителя – найти их гармоничное сочетание, дающее максимальный эффект.

Предмет, как правило, – первичный, определяющий правовой метод, однако последний в ряде случаев может предшествовать первому и создавать его. Например, методы приватизации и акционирования государственной собственности в России в конце XX в. сформировали новый слой собственников. Методы по регулированию рождаемости в КНР, РФ, Беларуси ограничивают либо активизируют ее [188, с. 34]. Можно также назвать методы по стимулированию социальной активности граждан, предпринимательства, развитию инновационных технологий, искусственного интеллекта, робототехники и т.п. Предмет и метод правового регулирования действуют во взаимосвязи, дополняя друг друга. Их единство ярко проявляется в уголовном и гражданском праве. Если предмет регулирования совпадает, а нормы относятся к различным отраслям права, тогда в основу разграничения берется метод правового регулирования (например, имущественные отношения регулируются, как правило, нормами гражданского права, но в то же время эти отношения есть в областях административного и уголовного права).

Некоторые авторы в качестве критериев, кроме обозначенных, также называют кодифицированный акт, понятийный аппарат, принципы права, юридическую доктрину, правовую практику, специфический вид юридической ответственности [249, с. 245]. Причем их количество может варьироваться от 13 до 33, что приводит к искусственному «раздуванию» отраслевой системы и неразберихе [179, с. 37–38].

Поэтому считаем нецелесообразным для выделения отрасли права специально определять интересы лиц, их волю, цели правового воздействия на поведение адресатов, состав участников правового общения, конвенциональность восприятия правового массива, функции правового регулирования, значимость общественных отношений, устоявшиеся традиции и др. [6, с. 7]. Для образования самостоятельной отрасли права необходимы объективные условия и государственная воля законодателя: 1) качественная однородность общественных отношений; 2) их определенный удельный вес, требующий особого правового регулирования; 3) невозможность дальнейшего урегулирования возникших отношений с помощью других отраслей права; 4) потребность применения особого метода правового ре-

гулирования; 5) правотворческие предпосылки, реализуемые на законодательном уровне [60, с. 310].

Сегодня возникают новые отрасли права: космическое, компьютерное, природоресурсное, экологическое и т.д., которые обособляются по своему предмету, а четкого метода регулирования нет, он смешанный, заимствованный из других отраслей. Предлагают считать самостоятельными также инвестиционное, инновационное, рекламное, оценочное, профсоюзное, медицинское, военное, образовательное, служебное право, интернет-право, сетевое, киберправо, роботоправо и др. без достаточных пока оснований [179]. Есть комплексные отрасли права, которые имеют несколько связанных между собой предметов регулирования, например, аграрное, торговое, энергетическое, природоресурсное право и т.д. Однако, не все авторы с этим согласны, так как комплексная отрасль права, по их мнению, это – исключительно доктринальное понятие, тождественное отрасли законодательства [249, с. 255].

Хозяйственное право как система норм, регулирующих экономические отношения, также рассматривается и трактуется по-разному. Существуют различные представления о содержании, функциях и месте хозяйственного права в общей правовой системе с момента его появления. Однако бесспорным является тот факт, что функционирующее хозяйство выступает объективной социально-экономической предпосылкой для совершенствования и перманентной модернизации хозяйственного права. Эффективное экономическое развитие, построенное на инновационных технологиях, умелом правовом регулировании – основа роста и процветания любого государства. Эффективное экономическое право экономике не мешает, но неэффективное способно угробить любую экономику [67, с. 139]. В ч. 1 ст. 13 Конституции Республики Беларусь закреплены равные для всех права для осуществления хозяйственной деятельности в интересах человека и общества, социальных целях.

В Беларуси создана своя модель экономики, где 70% занимает государственный, рыночный социализм (market socialism). Вместе с тем создаются необходимые условия для развития бизнеса, формируется специальный институт субъектов поддержки малого и среднего предпринимательства.

С учетом изложенного, хозяйственное право – это совокупность правовых норм, регулирующих предпринимательские и тесно связанные с ними иные отношения, в том числе некоммерческие по государственному регулированию экономики в целях обеспечения согласованных интересов предпринимателей, общества и государства, а также укрепления внутривозрастных связей.

Существуют различные подходы рассмотрения хозяйственного права в качестве отрасли, комплексной отрасли, мегаотрасли права [67, с. 89–95]. Считаем, сегодня нет достаточных оснований говорить о хозяйственном праве как отрасли права. Оно не может считаться и как подотрасль граждан-

ского права в силу обширной сферы публично-правового императивного воздействия.

Профессор Елисеев В.С. считает, что экономическое право – это система отраслей права, обеспечивающих экономические отношения [67, с. 92–95].

Хозяйственное право представляет собой нормативную форму гармонизации частных и публичных интересов в процессе организации и осуществления профессиональной экономической деятельности посредством регулирования отношений, возникающих между предпринимателями, а также между ними и другими субъектами в сфере хозяйствования. Право призвано создавать партнерские и добропорядочные взаимоотношения в хозяйствовании.

В отечественной правовой системе хозяйственное законодательство – относительно новое явление. Начало его формирования было положено принятием Закона о предпринимательстве в Республике Беларусь. Однако к настоящему времени хозяйственный оборот регламентируется многими тысячами только республиканских нормативных правовых актов (в среднем в стране принимается в день 18, а ежегодно около 3 тыс.). Правовые принципы и гарантии предпринимательства с учетом его социально-экономического значения должны определяться исключительно законом. Необходима унификация законодательства. В рамках систематизации целесообразно уменьшить количество актов хозяйственного законодательства; осуществить переход к регулированию хозяйственных отношений в основном законами, а не подзаконными актами [56].

Термин предпринимательство имеет законодательное определение и указывает на хозяйственную деятельность. Термины предпринимательство и бизнес – тождественны [55, с. 18].

Комплексные правовые институты объединяют разноотраслевые правовые нормы для регулирования общественных отношений, имеющих межотраслевой характер (собственность, право на жизнь, борьба с коррупцией). В рамках сложного института права выделяются субинституты. Например, институт подряда в гражданском праве включает: бытовой, строительный подряды, подряд на выполнение проектных и изыскательских работ, подрядные работы для государственных нужд. В институт преступлений против государства и порядка осуществления власти и управления в уголовном праве входят следующие субинституты: преступления против: государства; порядка управления; правосудия; интересов службы. При этом следует заметить, что сложные институты по своей структуре весьма близки к такому правовому образованию, как подотрасль права, поскольку между ними нет каких-либо существенных отличий и разграничений.

В тех отраслях права, которые регулируют обширный и разнообразный спектр общественных отношений, выделяют подотрасли права как совокупность однородных правовых институтов. Их называют еще сложным правовым институтом, «почти отраслью права». Среди правоведов ведутся споры по поводу перехода количественных правовых признаков в качественные и

обоснованности перевода различных подотраслей в разряд отраслей права (налоговое, таможенное, бюджетное право и т.д.) [178, с. 481–482].

По мнению профессора Ю.А. Тихомирова, статичная система отраслей права должна быть пересмотрена. Поэтому необходим поворот к совместному решению отраслями, правовыми комплексами стратегических задач [225, с. 8].

Российский академик Т.Я. Хабриева пишет о циклических правовых массивах в праве как новых комплексных образованиях, «кросс-отраслевых» юридических нормах, проникающих в большинство элементов системы права. В качестве примера рассматривается антикоррупционное законодательство, определяющее динамику развития конституционного, уголовного, административного, гражданского, финансового права и других отраслей [243].

Это может касаться законодательства о здравоохранении (особенно в условиях пандемии Covid-19), экологической безопасности, образования, информационного пространства, военных действий и т.д. Некоторые авторы даже предлагают выделить «вируспруденцию» как циклический правовой массив (Н.Н. Черногор, М.В. Залоило). Массивы должны включать не только законодательные нормы, но и доктринальную разработку проблем, создание механизма реализации, организационное, психологическое сопровождение и др.

В условиях стремительной цифровизации общества, появления новых видов цифрового права, активно обсуждаются вопросы выделения его как отдельной отрасли, имеющей свой предмет и методы правового регулирования. Часть ученых полагает целесообразным вместо отраслевого деления – деление права на публичное и частное в аспекте применения аддитивных технологий [79].

Считается, что они в 20–30 раз обладают более высокой производительностью, чем традиционные. Благодаря им можно проектировать, осуществлять компьютерное моделирование, 3D-печать, создавать объекты из различных материалов посредством послойного наращивания и синтеза предметов.

По мнению академика Т.Я. Хабриевой, требуется «цифровая прививка» гражданскому, трудовому, административному и другим отраслям права [242, с. 12]. Представляется, что цифровые технологии пронизывают все отрасли права, поэтому говорить о их качественно однородной сфере пока преждевременно. Однако можно обсуждать вопрос о циклическом нормативном правовом массиве как новой структурной единице системы права.

Система права и система законодательства – это выражение единого феномена права с внутренней и внешней сторон, когда их взаимодействие, совершенствование и развитие служит его социальному назначению.

Система права – это внутренняя структура права, совокупность норм, институтов, подотраслей и отраслей права. Система законодательства – это совокупность нормативных правовых актов. В широком смысле слова – это сложная конструкция, объединяющая все законодательные акты и отдельные

нормативные предписания, распределяемые в зависимости от объекта регулирования на отрасли, подотрасли и институты. В узком смысле слова – совокупность только законов. Российский профессор Лившиц Р.З. полагал, что широкое понимание законодательства, размывает закон, подменяет его подзаконными актами, управленческими решениями [112, с 111].

В соответствии со ст. 3 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» законодательство – это система нормативных правовых актов, характеризующаяся их внутренней согласованностью, иерархией и обеспечивающая правовое регулирование общественных отношений.

Система законодательства Беларуси включает в себя следующие нормативные правовые акты: Конституцию Республики Беларусь; решения, принятые республиканским референдумом; законы Республики Беларусь (программные и кодексы); указы и распоряжения Президента Республики Беларусь; решения Всебелорусского народного собрания; постановления Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь; постановления Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь; постановления Совета Министров; нормативные правовые акты Верховного Суда Республики Беларусь, Генеральной прокуратуры, нормотворческих органов, подчиненных (подотчетных) Президенту Республики Беларусь; нормативные правовые акты министерств, иных республиканских органов государственного управления; решения, принятые местным референдумом, местными Советами депутатов, исполнительных и распорядительных органов; нормативные правовые акты иных нормотворческих органов (должностных лиц); технические нормативные правовые акты, локальные, ведомственные нормативные правовые акты. Делегирование законодательных полномочий от Президента к другим органам власти, принятое в результате республиканского референдума 27 февраля 2022 года по изменению и дополнению Конституции Республики Беларусь, будет способствовать повышению эффективности правового регулирования, сплочению общества, реализации потенциала народной власти.

Проблема соотношения системы права и системы законодательства является дискуссионной. Одни авторы включают в единую суперсистему системы права и законодательства; другие полагают, что система законодательства входит в систему права; третьи считают, что система законодательства в горизонтальном разрезе – это система его отраслей, поэтому можно говорить лишь о системе законодательства; четвертые их данные отождествляют.

Многообразие указанных подходов объясняется не только сложностью предмета исследования, но и несовершенством законодательства и недостаточностью научных разработок этой темы.

Сегодня можно говорить о диалектической взаимосвязи, единстве и относительной самостоятельности данных систем.

На практике существуют отрасли законодательства, которые полностью совпадают с отраслями права: уголовное, административное, гражданское, трудовое, семейное, земельное и т.д., где предмет и метод правового регулирования совпадают. Например, уголовное законодательство – это единственная форма выражения и существования уголовного права. Безусловно, в реальной жизни могут приниматься отдельные нормативные правовые акты, содержащие уголовно-правовые нормы. Однако затем они обязательно включаются в структуру Уголовного кодекса, в систему уголовного права. То же самое касается административного законодательства.

В то же время в системе национального права функционируют отрасли, которые в системе законодательства не имеют строго определенной отрасли законодательства для своего воплощения и выражения (аграрное право и др.). Нормы этой отрасли могут быть размещены в Конституции (собственность на землю), в гражданском законодательстве (договоры на аренду земельных участков), в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (нарушение порядка использования земли и требований по ее охране). Или другой пример: чрезвычайное законодательство не соотносится с конкретными отраслями права, а имеет комплексный характер (конституционное, уголовное, административное право и прочее).

Не совпадают с отраслями права такие отрасли законодательства, как хозяйственное, горное, водное, лесное, торговое, природоохранное право, о милиции, о здравоохранении, об образовании и др. Например, законодательство об охране окружающей среды включает в себя нормы конституционного, административного, уголовного, гражданского, аграрного и др. Комплексные отрасли законодательства формируются, как правило, по предмету правового регулирования определенной сферы общественной жизни, которая характеризуется многоаспектностью, разнородностью (политическая, экономическая, социальная, культурная) и не имеет единого метода правового регулирования. В частности, в Кодексе об образовании Республики Беларусь содержатся нормы конституционного, административного, гражданского, финансового, трудового права, права социального обеспечения и т.д.

Наметившаяся тенденция сближения системы права и системы законодательства не приведет к их полному объединению и поглощению, а будет способствовать совершенствованию содержания и формы.

Таким образом, правовая система Республики Беларусь соответствует нормам и принципам международного права, в содержательном и формальном аспекте готова отвечать на вызовы времени. Государственный суверенитет, права и свободы граждан, повышение материального и культурного уровня населения, стабильность, мир и правопорядок – ее приоритеты.

1.5. Агрессия – феномен социальной и юридической психологии

В современном обществе агрессия и насилие становятся все более распространенными явлениями и поэтому требуют постоянного мониторинга и исследования. В психологии, как правило, отграничивают понятия «агрессивность» и «агрессия» («агрессивное поведение»). Под агрессивностью понимают устойчивое свойство личности, отражающее готовность или склонность к агрессивному реагированию. Агрессию рассматривают как совокупность некоторых действий, направленных на причинение ущерба (физического, морального, материального). Э. Фромм определил агрессию как нанесение ущерба не только животному или человеку, но и неодушевленному предмету. Понятие «агрессия» часто используют в связи с негативными эмоциями (гнев, ярость, аффект), мотивами, установками (расовая, религиозная предубежденность и др.), с психическими состояниями (фрустрация, тревога, страх, разочарование). В то же время следует понимать, что агрессивность не всегда реализуется в агрессивных действиях и не все они обуславливаются агрессивностью личности (А. Реан).

Агрессивность рассматривается как многомерное явление и поэтому исследуется различными отраслями науки: психологии личности, социальной, юридической психологией; криминологией, медициной, биологией, этикой, педагогикой.

Источники и причины агрессии в научной литературе часто изучают в рамках трех направлений: биологическое, социальное, биосоциальное.

У первобытных и древних племен проявление враждебности, жестокости, коварства по отношению к другим племенам оценивается как естественное средство выживания и обеспечения безопасности. Агрессия, в этом случае, выполняет следующие три функции: отстаивание территории и пищевых ресурсов, улучшение генофонда и сохранение потомства. Когда говорят о биологической предпосылке агрессии, то подразумевают: если нет агрессии – значит есть опасность потерять жизнь.

Заслуживает внимания этологическая концепция К. Лоренца, согласно которой агрессивность у людей, как и в целом у живых существ, обусловлена врожденным инстинктом борьбы за выживание, сохранение и расширение территорий. Вызывает научный интерес, разработанная К. Лоренцом оригинальная теория накопления и реализации организмом агрессивной энергии. По его мнению, организм постоянно накапливает агрессивность и поэтому существует объективная необходимость в периодическом ее выводе наружу в виде агрессивной реакции. При этом наблюдается обратно пропорциональная зависимость: чем ниже уровень, накопленной агрессивной энергии, тем требуется более сильный внешний стимул для вызова агрессивной реакции и наоборот.

Представление об агрессивности как врожденном свойстве личности приводит к пониманию ее инстинктивности и генетической детерминиро-

ванности. Это означает, что она способствует адаптации индивида к внешней среде; в разной степени присуща всем людям и сохраняется на протяжении всей жизни.

Идея агрессии как врожденной формы реагирования нашла воплощение в психоаналитической теории. Одним из первых ее основоположников является З. Фрейд. В его ранней модели поведение человека обуславливают два приоритетных влечения: сексуальное (эротическое) и агрессивное (деструктивное). Если первое связано с конструктивными устремлениями (внимание, любовь, участие, забота), то второе концентрирует в себе энергию разрушения (ненависть, враждебность, деструктивность, злоба). В силу антагонизма между этими влечениями существует непрерывный внутриличностный конфликт. Он также полагал, что тревожность и агрессивность могут порождаться в результате столкновения биологических влечений с социальными запретами. Фрейд определил место агрессивности в бессознательном компоненте структуры психики человека.

А. Адлер объяснял агрессивность как борьбу за превосходство. Он считал, что агрессивные устремления в человеке являются решающими в видовом и индивидуальном выживании. Агрессия может проявлять себя в виде властолюбия. Австрийский психиатр справедливо подчеркивал, что мужчины и женщины с целью достижения власти успешно используют сексуальность. Стремление к превосходству может иметь и негативное, и позитивное звучание. Адлер рассматривал личное превосходство как невротический симптом. При этом страх расценивал как одну из фаз агрессии. В то же время он позитивно связывал стремление к превосходству с заботой о безопасности и благополучии окружающих. Наряду с этим пояснял, что его научный интерес связан с изучением агрессивного влечения, которое находится в основе таких явлений, как властолюбие, жестокость и садизм. По его мнению, повышенная агрессивность свойственна людям с чрезмерным тщеславием и честолюбием. Агрессивное влечение, как и все другие, сопряжено с чувством удовольствия, а возникающие препятствия вызывают неудовольствие.

В Древней Греции сторонниками социальной природы агрессии являлись философы Демокрит, Гераклит, Диоген. Так, Гераклит считал, что причиной агрессии выступают войны; Демокрит – богатство. Диоген подчеркивал, что никогда тиранами не становились из-за бедности, а исключительно из-за богатства. По мнению Аристотеля, изъять агрессию из общества невозможно в связи с тем, что человек зачастую реализует свои цели с применением насилия.

Н. Макиавелли обосновал необходимость агрессии для управления государством. В своей работе «Государь» он проводит мысль о том, что для удержания власти все средства хороши. Мыслитель отвергает для государя христианскую этику, считая, что люди у власти только ослабят свою волю, следуя евангельским нормам. Такой подход породил тип

политического поведения «макиавеллизм». Данное понятие допускает использование в политической жизни, как пассивной агрессии в виде запугивания, угроз, проявления циничного отношения к другим, манипуляций, так и активной агрессии, основанной на грубой силе, вероломстве, жестокости.

В научных источниках достаточно широко агрессия рассматривается как форма социального или девиантного поведения. Выражением крайнего проявления агрессивного поведения выступают, прежде всего, насильственные преступления. В этом контексте оригинальную мысль по поводу характера преступлений и типов преступников высказал на Первом международном конгрессе антропологов в 1885 году французский криминолог А. Лакассан. По его мнению, любое общество обладает теми преступниками, которых оно заслуживает. Такая точка зрения закрепилась в формуле «социальный детерминизм». Преступность стала больше изучаться как социальное явление.

Французский социолог-позитивист Э. Дюркгейм, вводя в научный оборот понятие «аномия», обозначил такое состояние общества, при котором широко наблюдается дезорганизация социальных институтов и норм, осуществление социальных действий индивидами в условиях неопределенности и нестабильности, расхождение между установленными целями общества и отсутствием реальных законных способов их достижения. Также в условиях аномии в обществе отсутствует должная сплоченность или солидарность его членов, необходимая для поддержания устойчивого правопорядка. Наиболее выразительно аномия проявляется в периоды социальных потрясений общества: войны, революции, гуманитарных и техногенных катастроф. Ее состояние обуславливает значительный всплеск агрессивного поведения и соответственно рост преступности. Известно, что превалирующее число криминальных действий против личности сопряжено именно с проявлением агрессии. Э. Дюркгейм также убедительно доказал, что в период аномии у части населения значительно усиливаются внутриличностные конфликты, что находит выражение в резком увеличении суицидального поведения.

Дальнейшее развитие концепции социальной природы преступности осуществил американский социолог Р. Мертон. В частности, он выявил условия, при которых могут возникать ситуации, когда нарушение социальных норм воспринимается в обществе как «адекватная» реакция. Так, анализируя преступность в современном ему американском обществе, признавал, что действительно люди из нижних слоев (страт) зачастую склонны с целью достижения богатства использовать незаконные способы. Но наибольшего всплеска преступность достигает тогда, когда в обществе культурные и моральные ценности соединяются с целью достижения финансового состояния. Отсюда он делает вывод: преступность в низшем слое может возникать как «реакция нормальных людей на ненормальные социальные условия».

Проявление агрессивности З. Фрейд связывал со стадиями детского развития, начиная с самых ранних лет. Современные педагоги и психологи отмечают, что в целом дети и подростки стали более тревожными и агрессивными. Сегодня проводятся интенсивные исследования именно в плоскости тщательного изучения причин и условий развития детской агрессивности и поиска эффективных способов раннего предупреждения девиантного поведения.

Первые всплески агрессивности обычно связаны с психотравмирующими ситуациями, в качестве которых могут быть: развод родителей, рождение в семье другого ребенка и переключение на него внимания, появление отчима (мачехи), физическое и психологическое насилие со стороны родителей, пренебрежение интересами ребенка. Педагоги-практики отмечают, что, как ни странно, агрессивные дети одинаково часто встречаются и у слишком строгих родителей, и у чрезмерно мягких. Резкое подавление агрессивности у детей, вопреки ожиданиям родителей, не снижает ее, а наоборот развивает, возвращает.

К признакам девиантного поведения детей и подростков относят: драчливость; беспричинные вспышки гнева, озлобленности; склонность к созданию конфликтных ситуаций, к разрушению предметного мира; стремление унижить и оскорбить; замкнутость; чрезмерная подозрительность и настороженность; жестокое обращение с животными; упрямство, властность; завышенная самооценка; чрезмерная подвижность; беспокойный сон.

Выделяют агрессию нормативную и ненормативную. В случае нормативной исходят из ее всеобъемлющего характера, то есть присущности всем людям. В детстве она необходима для развития, становления, самостоятельности. Частое же и резкое ее проявление относят к ненормативной агрессии.

Особенности семейной среды агрессивных несовершеннолетних выражаются в формальном к ним отношении родителей. Внешне родители пытаются доказать свою привязанность, демонстрируя определенную заинтересованность, однако эмоционально они дистанцированы. Чаще всего суть формальных отношений вскрывается в случае, когда подросток допускает какие-то ошибки и отклонения. Реакция родителей при этом острая, непримиримая и не допускающая некоего диапазона прав и свобод ребенка, что порождает у него тревожность и неуверенность, а страх наказания вызывает замкнутость и отчуждение.

Родители агрессивных подростков часто негативно оценивают личность друг друга, культивируя эмоциональную отчужденность. Между ними периодически разгораются конфликты, при которых возможно перенесение части негатива на подростка, что также вызывает у него чувство страха и тревожности в ожидании новых конфликтов. Данные негативные состояния порождают защитные реакции в виде агрессии. Многочисленные исследования показывают, что агрессивность у несовершеннолетних, подвергнувшихся домашнему насилию или проживающих в семьях, в ко-

торых деформированы отношения между родителями, значительно выше, чем у их сверстников, воспитывающихся в нормальной семейной среде.

Распады брачных союзов выступают значительным фактором нарушения процесса социализации в семье. По данным Белстата в 2020 году число разводов по отношению к бракам в Беларуси составило почти 70%. Следует отметить, что тенденция увеличения разводов в целом характерна для мирового сообщества. Среди причин чаще всего: семейные конфликты, домашнее насилие, отсутствие общих интересов, злоупотребление алкоголем, противоборство характеров и утрата чувств, несовместимость взглядов. Разводам часто предшествует физическое и психологическое насилие, которые могут иметь кумулятивный эффект, что может приводить к криминальной развязке. В результате у несовершеннолетнего может возникнуть синдром посттравматического стресса, который проявляется в виде неуравновешенности, повышенной возбудимости, гневливости, импульсивного реагирования. В итоге вполне допустимо на базе посттравматического стресса развитие приобретенных психических аномалий: неврозов, акцентуаций характера, психопатий.

Негативные факторы семейной среды формирования агрессивного поведения подростков:

- разные подходы родителей к воспитанию;
- отсутствие у подростка возможности реализовать свое стремление к привязанности;
- эмоциональная отчужденность родителей;
- неразрешимые конфликты родителей;
- часто возникаемые у подростка состояния страха и тревоги;
- создание враждебной концепции мира.

Определены следующие виды агрессии:

- деструктивная – проявление агрессии с нарушением моральных, этических и правовых норм;
- дифференцированная – отсутствие условий и возможности осуществить деструктивные побуждения в полной мере из-за сильного подавления эмоциональных реакций и отсутствия необходимых поведенческих навыков;
- конструктивная – агрессивные побуждения выражаются открыто и в допустимой социальной форме, как справедливое возмущение каким-либо несправедливым действием или порядком.

Подавление потребностей и эмоций в детском возрасте часто обуславливает деструктивную агрессию. При этом следует учитывать, что подавление эмоциональности может происходить как со стороны взрослых, так и выработанной привычкой самоподавления, самоугнетения эмоций самим ребенком, вызванных эмоциональным неблагополучием в семье. Отсутствие у ребенка возможности открыто проявлять свои эмоции в семье, например, такие как гнев, неудовольствие приводит к тому,

что эти подавленные эмоции оседают в подсознании и препятствуют его нормальному развитию. К тому же способствуют формированию деструктивной агрессии, неспособность к самостоятельным суждениям, оценкам, выводам. Деструктивная агрессия несовершеннолетних проявляется в следующем поведении: негативных, часто скрытых чувствах по отношению к дисциплине, порядку, регламенту; склонности наносить ущерб материальным ценностям (например, поломка школьной мебели, спортивного инвентаря и т.п.); стремление к косвенной агрессии, действуя исподтишка и др. Такие подростки обладают высоким уровнем тревожности, подозрительности и враждебности.

Существует мнение, что в целом все действия деструктивного характера представляют агрессию, так как они имеют общую психологическую природу и сопряженную мотивацию.

Разновидностью дифференцированной агрессии выступает демонстративная агрессия. Она связана, прежде всего, со стремлением привлечь к себе внимание с использованием подчеркнуто негативных приемов: экстравагантная одежда, агрессивный внешний вид, проявление вербальной агрессии, использование лживых утверждений, проявление девиантных игровых мотивов.

Агрессия может подпитываться мотивом насилия, который формирует интернет, кинематограф, телевидение. Поэтому важен внимательный подход родителей к контролю за контентом телепередач, кинофильмов, компьютерных игр. В этой связи актуально обращение к родителям выдающегося педагога современности А.С. Макаренко, где он нацеливает их на то, что они постоянно должны знать: кем окружен ребенок, что делает, где находится. При этом он предостерегает от чрезмерной изоляции детей от отрицательных явлений, так как они должны приобретать навыки жизни и в неблагоприятных условиях [116, с. 91].

Некоторым подросткам свойственно с целью подавления воли, эмоционально-психического состояния неугодных сверстников, например, отличников, использовать психическую атаку, что при многократном повторении выливается в буллинг и терроризирование.

В детском возрасте существует два наиболее распространенных деструктивных способа поведения: *аккомодативный* и *ассимилятивный* (А. Бодалев, В. Столин). В случае аккомодативного поведения ребенок выбирает наступательную тактику, направленную на утверждение личного превосходства над окружающими. Однако преобладание экстернального способа контроля предопределяет негибкость поведения и недостаточную самокритичность. Ассимилятивный способ поведения обусловлен стремлением ребенка полностью соответствовать ожиданиям окружающих. При этом он приносит в жертву свои намерения и желания. Его поведение приобретает ригидный характер.

Важным способом предупреждения ранней агрессии является приведение несовершеннолетних к осмысленности окружающей действительности. Английский психолог Р. Бернс подчеркивает, что процесс жизни представляет собой диалог между Я-концепцией и реальностью. Российские авторы (А.А. Бодалев, И.С. Кон, А.Н. Леонтьев) убедительно доказали, что ценностно-эмоциональное отношение к миру и себе обусловлено, прежде всего, не осознанием своего «Я» и знанием своих свойств, а осознанием себя в системе социальных отношений [27, с. 68].

Приведение подростков к осмысленности жизни предполагает формирование у них понимания того, что окружающая среда, как правило, одновременно включает в себя как позитивные, так и негативные составляющие. Поэтому не следует пытаться искусственно отгораживать несовершеннолетних от негативных явлений, показывая им приемы рационального поведения и адаптации в любой среде. Осмысленность окружающей действительности позволяет подрастающему поколению занимать активную позицию в преодолении неблагоприятных ситуаций, проявлять чувство взаимопомощи, эмпатии, избегать различных форм виктимного поведения.

Реализация принципов потребительского западного общества и некритическое их восприятие порождают у подростков все большую психологическую зависимость от вещественного мира взрослых как основной ценности человеческой жизни. Поэтому сегодня для многих молодых людей становится весьма важным обладание определенным символическим набором вещей, обеспечивающих самодостаточность личности. Отсутствие таких атрибутов порождает тревожность и агрессивность. В современной психологии оба данных понятия часто рассматривают в сопряженных отношениях. Тревожность определяется как психическое свойство личности, индивидуальная психологическая особенность, проявляющаяся в склонности человека к переживанию тревоги. Различают высоко тревожных и низко тревожных индивидов. Тревожность проявляется в неуверенности в себе, в преувеличении возможных угроз и опасностей, а зачастую и в бессилии перед внешними силами. Считают, что в основе тревожности лежат некие неосознаваемые угрожающие факторы, например, беспредметный страх, страх вообще, страх неминуемой смерти.

В функциональном плане страх предупреждает о возможной опасности, позволяет выявить ее источник, найти пути ее избегания. В случае достижения страхом силы аффекта формируются такие стереотипы поведения, как защитная агрессия, оцепенение, бегство. Если источник опасности не определен, то возникает состояние тревоги (эмоциональное состояние в ситуации неопределенной опасности). Различают тревожность личностную как проявление субъективного неблагополучия и тревожность ситуативную, зависящую от конкретной внешней ситуации.

Исследования показывают, что тревожность у подростков наиболее выражена в их отношениях с родителями и сверстниками и менее с посто-

ронными взрослыми. При нарушении взаимоотношений в семье у них появляется тревожность как непреходящее свойство личности, которое обуславливает ожидание агрессии и готовности ей противостоять (Ю.М. Антонян). В данном случае тревожность рассматривают как субъективное проявление дезадаптации личности, ее психологического неблагополучия, как переживание эмоционального дискомфорта, ощущение предстоящей опасности.

Эмоциональное неблагополучие может возникать у несовершеннолетних в связи с неудовлетворением их притязаний на успех, со стремлением любой ценой удержать престижное положение в коллективе, характерное для лиц с высокой самооценкой. Однако недостаток необходимых знаний и умений, недостаточный уровень эмоционально-волевой устойчивости зачастую не позволяют достичь желаемого результата. При этом могут возникать соответствующие механизмы защиты в виде «проекции», переносящие причины собственных неудач на ближайшее окружение: родителей, учителей, сверстников.

Для преодоления тревожности могут использоваться психотерапевтические методы: получение поддержки; принятие и оставление опыта в прошлом; завершающее проживание и приобретение новых стратегий взаимодействия; техника формирования различных точек зрения на ситуацию.

Человек по своей природе потенциален. Раскрытие потенциальности обычно рассматривается через будущее. Предстоящая реализация способностей часто связана с возникновением тревоги, сомнений и требует большого умственного, физического и эмоционального напряжения для преодоления возможных препятствий, угроз и рисков. В случае планирования индивидом достижения поставленной цели в неблагоприятных условиях, тревога и агрессия могут выступать сопутствующим фактором защиты реализации потенциалов [158, с. 52].

Во многих других случаях личность, реально оценив риски и угрозы достижения перспективы с учетом издержек и затрат (временных, материальных, состояния здоровья) выбирает более щадящий вариант, но теряет при этом возможность более полной реализации своего потенциала.

Возникновение агрессии в рассматриваемой плоскости также может быть свойственно испытывающим ненормативные кризисы: переживание горя, адаптация к факту тяжелого заболевания, психотравмирующие расстройства, болезненное восприятие острой социальной несправедливости. В данном случае агрессия будет выполнять функцию освобождения от негативных эмоциональных значений и способствовать возможной реализации потенциалов.

К фрустрирующим факторам возникновения тревоги и агрессии можно отнести:

- опасения и тревожность молодых специалистов по поводу карьерных устремлений;
- быстрое устаревание многих профессий;

- тенденция замены работников на предприятиях автоматизированными комплексами;
- возрастающая конкуренция на рынке труда;
- ожидания и опасения в предпенсионный период.

Предположение о том, что фрустрация обязательно является причиной агрессии, было подвергнуто сомнению, и в результате Н. Миллер внес более приемлемое: фрустрация обуславливает разнообразные модели поведения, а агрессия представляет лишь одну из них [32, с 40].

В юридической психологии агрессивное поведение рассматривается в плане криминальной агрессии, которая лежит в основе насильственного преступного посягательства на личность (А.Р. Ратинов). К криминальной агрессии относят действия, попадающие под признаки преступлений и реализующие прямой или косвенный умысел. Общественно опасные действия и преступления против жизни и здоровья включают прежде всего различные виды убийств (ст. 139–143 УК Республики Беларусь), доведение до самоубийства (ст. 145 УК Республики Беларусь), умышленное причинение тяжких и менее тяжких телесных повреждений (ст. 147–153 УК Республики Беларусь), истязание (ст. 154 УК Республики Беларусь), насильственные действия сексуального характера (ст. 166–167 УК Республики Беларусь), а также некоторые другие преступления, сопровождающиеся угрозами, жестокостью, насилием, унижением.

Исследование мотивации криминального поведения показывает, что она зависит от внутренних и внешних факторов или, по-другому, личностной диспозиции и ситуационной мотивации. При этом установлено, что лица, успешно прошедшие социализацию, больше руководствуются внутренними стимулами, а с асоциальной или антисоциальной направленностью личности, приобретенной в результате неуспешной социализации, чаще руководствуются в своем поведении внешними обстоятельствами. Определение В.М. Бехтеревым принципа внутреннего опосредования внешних явлений позволило сформировать ясное представление о приоритетности личностной обусловленности поведенческих актов и в меньшей степени значения внешних условий. Наличие повышенной агрессивности или психических аномалий приводит к нарушению деятельности механизма психической саморегуляции и затрудняет адекватную реакцию в конфликтных и иных неблагоприятных ситуациях. В этой связи в исследованиях акцентируют внимание на необходимость выработки способности к торможению агрессивных побуждений. Названная способность больше развивается еще в детском возрасте путем поощрений и наказаний как реакцией взрослых на агрессивные выпады со стороны ребенка. В результате у него постепенно вырабатываются внутриличностные регуляторы девиантного поведения, которые со временем в процессе социализации приводят к умению осуществлять самоограничение, самонаказание, самопоощрение.

В юридической психологии также изучают реактивную или взрывную агрессию. Она свойственна лицам, обладающих психопатией возбудимого (взрывного) типа, а также акцентуацией характера эпилептоидного типа. Взрывные психопаты отличаются повышенной импульсивностью, гневливостью. В ярости и злобе они способны на убийство и причинение тяжких телесных повреждений. Также им свойственен повышенный эгоизм, себялюбие и отсутствие эмпатии. Поэтому свои преступные действия они обычно оправдывают приписыванием потерпевшему отрицательных качеств.

Для лиц эпилептоидного типа акцентуации характера присущи периоды злобно-тоскливого настроения с поиском объекта, на котором можно выместить свою агрессивность. Им свойственны садистские и мазохистские наклонности. Данные представители легко алкоголизируются. Опаивание обычно протекает тяжело, с проявлениями агрессивности и конфликтности. Следует отметить, что среди преступников, осужденных за убийства, 72% имели психические аномалии, а среди осужденных за нанесение тяжких телесных повреждений – 64,8%¹.

С учетом изучения зарубежного опыта определена психологическая типология криминальной агрессии (Ф.С. Сафуанов). Наиболее универсальным механизмом криминальной агрессии является непосредственная устремленность к реализации личностной агрессивности. При этом наблюдается самоопределяющая мотивация независимо от внешних стимулов.

Механизм непосредственной реализации личностных агрессивных побуждений может быть обусловлен следующими источниками мотивации:

- деформация биологических потребностей, что, например, зачастую проявляется в преступлениях сексуального характера;
- потребность в самореализации в специфических ситуациях;
- потребность с антисоциальными ценностями.

Другие механизмы криминальной агрессии:

- инструментальная агрессия – характерна для лиц с низким уровнем исходной агрессивности. Это убийства с целью завладения имуществом, наемные убийцы, заранее запланированное убийство новорожденного ребенка из-за материального неблагополучия и др.;
- ситуативная агрессия – как реакция на психотравмирующие ситуации;
- криминальная агрессия под влиянием групповых воздействий;
- агрессия как разрядка накопленного эмоционального напряжения;
- агрессия, совершенная в состоянии алкогольного опьянения;
- отсроченная агрессия, проявляющаяся в случае механизма воздействия тормозящих агрессию структур;
- агрессия как результат ошибочной оценки ситуации;
- агрессия под влиянием эмоционального возбуждения;

¹ Романов, В.В. Юридическая психология: учебник для студентов, обучающихся по юрид. специальности и юрид. Направлению / В.В. Романов. – М.: ЮРИСТЪ, 1999. – С. 281. – (Психология)

– агрессия в состоянии декомпенсации (характеризует лицо, которое в криминальной ситуации не могло в полной мере осознавать значение своих действий и руководить ими).

Коррупционные устремления и преступления способствуют значительному снижению степени эмоционального благополучия общества. Большинство коррупционеров в своем поведении руководствуется мотивами превосходства и самоутверждения [218, с. 28]. Наряду с представителями крупного и среднего бизнеса, они склонны к демонстрации своей приверженности к символам престижа и превосходства, что несомненно вызывает в других слоях общества возмущение, агрессивность, зависть.

Исследование внешних детерминантов агрессии (климатических, географических) позволило выявить зависимость количества насильственных преступлений от влияния погоды и загрязнений воздуха. Используя данные измерений в определенной местности концентрации окиси углерода, озона, двуокиси серы и аэрозолей исследователи определили, что чем выше содержание вредных веществ в воздухе, тем больше звонков в полицию о семейных скандалах. Также было установлено, что в жаркие дни сообщения о семейном насилии поступают намного чаще, чем в холодные и морозные. Также был подтвержден факт повышения агрессии при шумовом загрязнении и эффекте тесноты.

При изучении криминальной агрессии исследователи предлагают брать за основу три базовых измерения: уровни агрессивности личности, выраженности тормозящих агрессию структур, выраженности психотравмирующего воздействия ситуации.

После распада СССР обострились процессы, связанные с переходом к рыночной экономике. Выросла агрессивность в экономических отношениях, нередко направленная на подавление или устранение конкурентов. Отмечают разновидность криминальной агрессии, когда она реализуется в форме деструктивных, экономических приемов без использования физического насилия. Ввиду этого агрессию и насилие рассматривают как понятия неравнозначные. Предметом криминальной агрессии помимо живого существа может быть и неодушевленный объект, и юридическое лицо [250, с. 8].

Высокий темп жизни, увеличение числа конфликтов, неконтролируемый рост материального потребления, реализация вредоносного принципа «намеренное устаревание», искажение понятия «успешный человек» все больше сказываются на процессе отчуждения личности, повышения индекса ее тревожности и агрессивности. Э. Фромм, рассуждая о сущности зла, приходит к выводу, что стремление к превосходству и властвованию неизбежно перетекает в агрессию и насилие. В работе «Из плена иллюзий» он раскрыл способ, как помочь человеку избавиться от порока садиста, агрессора, разрушителя. Для этого ему необходимо приложить собственные усилия с це-

люю повышения своего творческого потенциала, развития способности наилучшим образом использовать свои духовные силы [241].

Большой вклад в исправление человеческих пороков путем улучшения социальных условий жизни внес английский социалист-утопист Р. Оуэн, который на свои средства провел масштабный социальный эксперимент.

В современных условиях темп жизни значительно ускорился благодаря глобальной компьютеризации. В свое время многие классики философии, социологии, психологии предупреждали о возможности машин поработать человека, в частности, устанавливая, свой ритм. Компьютер – это та же машина. Он способен задавать любой темп и человек вынужден под него подстраиваться. Соответственно среда и ситуации вокруг человека приобрели свойство быстрой изменчивости. Для адаптации к таким условиям ему необходимо затрачивать все больше жизненной энергии.

Глобальная компьютеризация породила небывалые по объему и скорости обновления информационные потоки. В сфере, например, школьного образования это привело к увеличению содержания знаний в основном экстенсивным путем. Это порождает перегрузку учащихся учебными занятиями, способствует росту у них тревожности и в опосредованном смысле, агрессивности. Возможно следует обратиться к концепции пансофии Я.А. Коменского, предусматривающей приоритет в отборе универсальных знаний.

В прошлые века массовая информация, новости не всегда доходили до большинства людей, за исключением круга непосредственных участников. В настоящее время тревожные реальные и фейковые сведения, агрессивная реклама, а также отсутствие у индивидов должных навыков в отборе релевантной информации приводят к целому набору тревог, усиливающих эмоциональное напряжение. В то же время известно, что частое или постоянное нервное напряжение приводит к психическому истощению.

Конфуций еще в свое время (V век до н.э.) был обеспокоен стремлением людей усложнять жизнь, которая, по его мнению, сама по себе достаточна проста и гармонична. Сегодня в обществе установилась устойчивая тенденция усложнения жизнедеятельности человека в различных сферах и, прежде всего, в профессиональной. Непрерывное увеличение количества критериев и оценок деятельности, излишняя детализация, завышенные требования приводят к нарушению внутреннего психофизиологического равновесия человека, нервным срывам, депрессии, возрастанию числа конфликтов.

Современное технократическое общество втягивает человека в бессмысленную гонку производства и потребления материальных продуктов. При этом значительно обедняется его духовный потенциал, деформируется морально-этическая сфера, теряется ощущение счастья и радости бытия. В этой связи многие школьные педагоги и воспитатели отмечают стремление многих современных родителей ориентировать своих детей на проявление большей твердости, жесткости и даже жестокости в достижении личностных целей. Поэтому представляется актуальным созда-

ние системы психолого-педагогического просвещения родителей, направленной на приобретение ими знаний и навыков для гармонического развития подрастающего поколения.

С целью снижения в обществе индекса тревожности и агрессии необходимо в глобальном масштабе культивировать духовный компонент, снижая материальный или, другими словами, в массовом сознании формировать убеждение о неизбежности постепенного перехода от материального комфорта к духовно-нравственному.

1.6. Перспективные научные исследования в свете развития рынка образовательных юридических услуг

На протяжении двух с половиной лет (2021–2023 гг.) проводилось исследование рынка электронных образовательных услуг. Одним из направлений научного поиска было изучение востребованности у населения Республики Беларусь и Российской Федерации как отдельных учебных предметов, так и отдельных тем.

Учитывая современный уровень цифровизации образования, бизнеса и государственного управления, материалом для сбора, обработки и анализа служили поисковые запросы, осуществлявшиеся жителями обоих государств в 2020–2023 гг. в поисковых системах корпораций Яндекс, Гугл и социальных сетях (Вконтакте, Одноклассники, Фейсбук и т.д.).

Если говорить об охвате населения и его различных социальных групп (по возрасту, образованию, полу, социальному положению, интересам, регионам и т.д.), то для исследования были доступны данные о десятках миллионов людей (таблица 1). Значительная часть из них, естественно, является гражданами Российской Федерации. Сразу стоит оговориться, что полученная информация не относится к закрытым или секретным источникам. Указанные сервисы не предоставляют конфиденциальные сведения.

Таблица 1 – Количество пользователей социальных сетей, учтывавшихся при проведении исследования

	Апрель 2022 г.	Апрель 2023 г.
Республика Беларусь	3770000 человек	3585000 человек
Российская Федерация	78989000 человек	87457000 человек
Общее количество	82759000 человек	91042000 человек

Аналізу подлежали поисковые запросы примерно 82–91 миллиона человек, что показывает их общие интересы, жизненные ситуации, правовое разрешение которых волнует людей; позволяет сделать валидные

выводы о тенденциях на рынке образовательных электронных услуг и об общей правовой культуре населения.

При этом в июне 2021 г. и в июне 2022 г. собирались статистические данные о запросах, предпочтениях и интересах будущих выпускников 2023–2025 годов. Полученный материал был сведен в общую таблицу (таблица 2), показывающую довольно большую выборку данных о выпускниках, позволяющую делать прогнозы и обоснованные выводы.

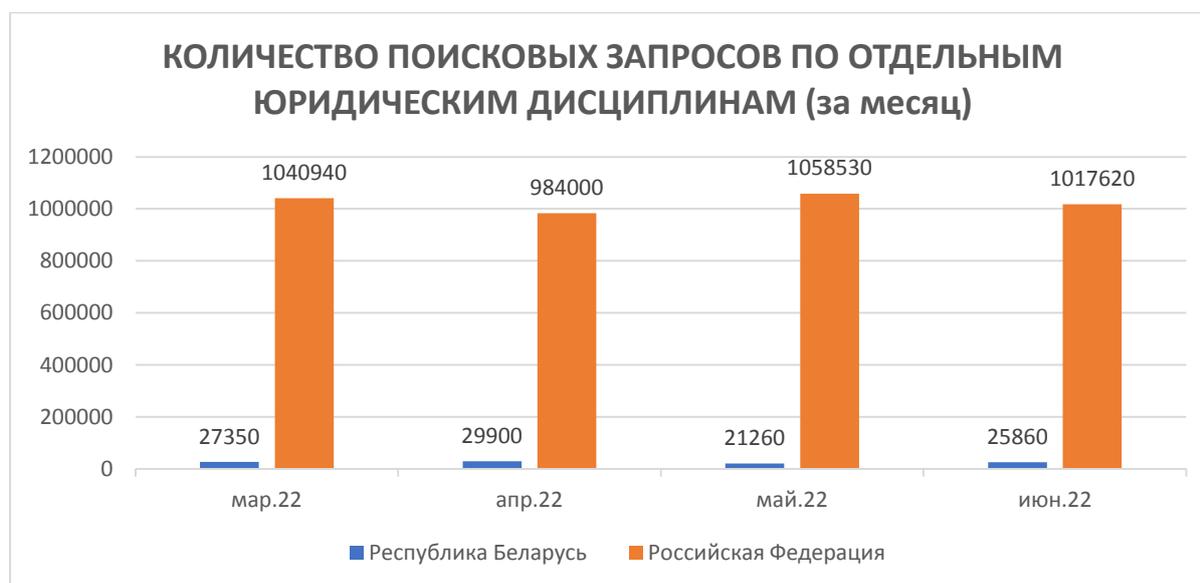
Таблица 2 – Количество будущих выпускников средних школ, делавших поисковые запросы в социальных сетях

ГОД ВЫПУСКА	Республика Беларусь	Российская Федерация
2023	19500 человек	109600 человек
2024	16420 человек	149700 человек
2025	10140 человек	139900 человек
Общее количество	46060 человек	399200 человек

Исходя из цифр, показанных в обеих таблицах (около 30% населения Республики Беларусь и 63% – Российской Федерации), можно судить, что исследование охватывало большинство населения обоих государств, и статистическая выборка может быть признана релевантной.

Вполне естественно, что не все учтенные пользователи социальных сетей искали какую-либо юридическую информацию. Пример, приведенный на рисунке 1, показывает, что общее количество запросов (в месяц) может превышать 1 миллион. Это является довольно значительным числом, несмотря на то, что охватывает всего около 1% исследованных групп населения (рисунок 1).

Рисунок 1

Сведения, полученные за 28 месяцев, свидетельствуют о том, что электронные образовательные ресурсы востребованы значительной частью населения как России, так и Беларуси.

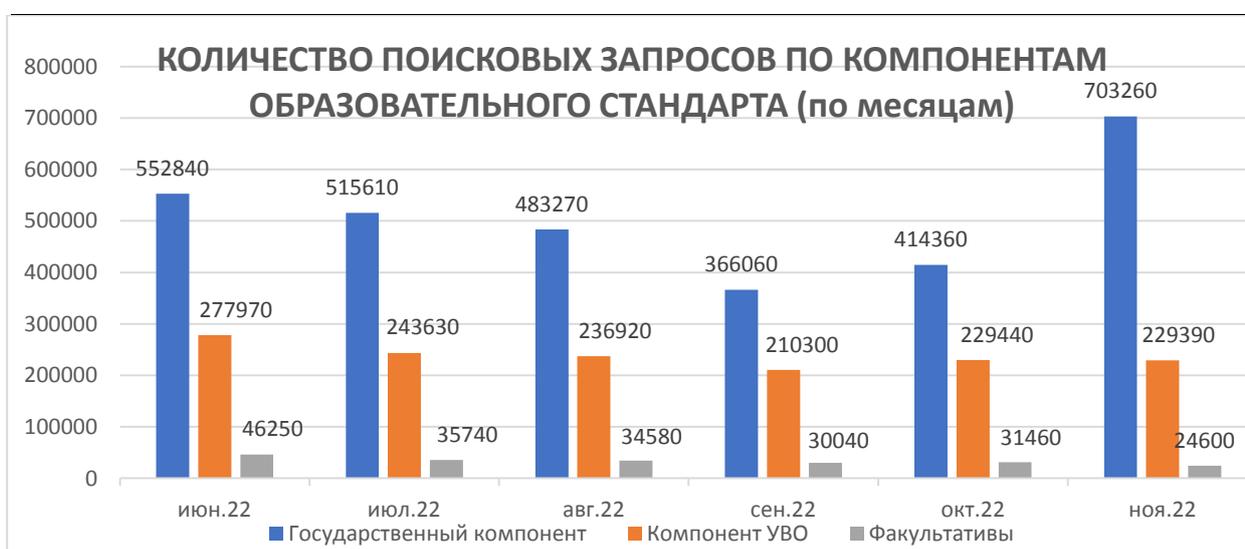
Динамика колебаний общего числа запросов, возрастая в период мая–июня и декабря–января, позволяет предположить, что большое их количество производится студентами в период зимней и летней экзаменационных сессий. Но, как будет показано дальше, не только ими.

Исходя из этого, можно предположить, что официальных электронных ресурсов УВО студентам не хватает для выполнения каких-то задач. Следовательно, юридический факультет, желающий выйти на рынок электронных образовательных ресурсов должен вести научные исследования по актуальным вопросам права, позволяющие создать уникальный и востребованный на цифровом рынке товар. Отсутствующий среди услуг, предлагаемых другими поставщиками. Для этого товар должен соответствовать потребительскому спросу по качеству и внутренним свойствам. Прежде чем оформлять его в какой-то цифровой вид и форму, следует значительное внимание уделить его внутреннему содержанию, актуальности для науки и образования.

Научные исследования, как правило, проводятся в рамках отдельных отраслей права. Которые, в свою очередь, отражены в комплексе учебных предметов, относимых образовательным стандартом ОСВО 1-24 01 02-2021 Правоведение к государственному компоненту, компоненту УВО, курсам по выбору, факультативам. Мы использовали положения указанного стандарта для удобства анализа и систематизации полученных данных.

Учитывая выше сказанное, можно проследить какие из запросов пользователей сети Интернет можно связать с теми или иными учебными предметами. Это позволит выделить приоритеты для создания наукоемкого востребованного цифрового товара (рисунок 2).

Рисунок 2

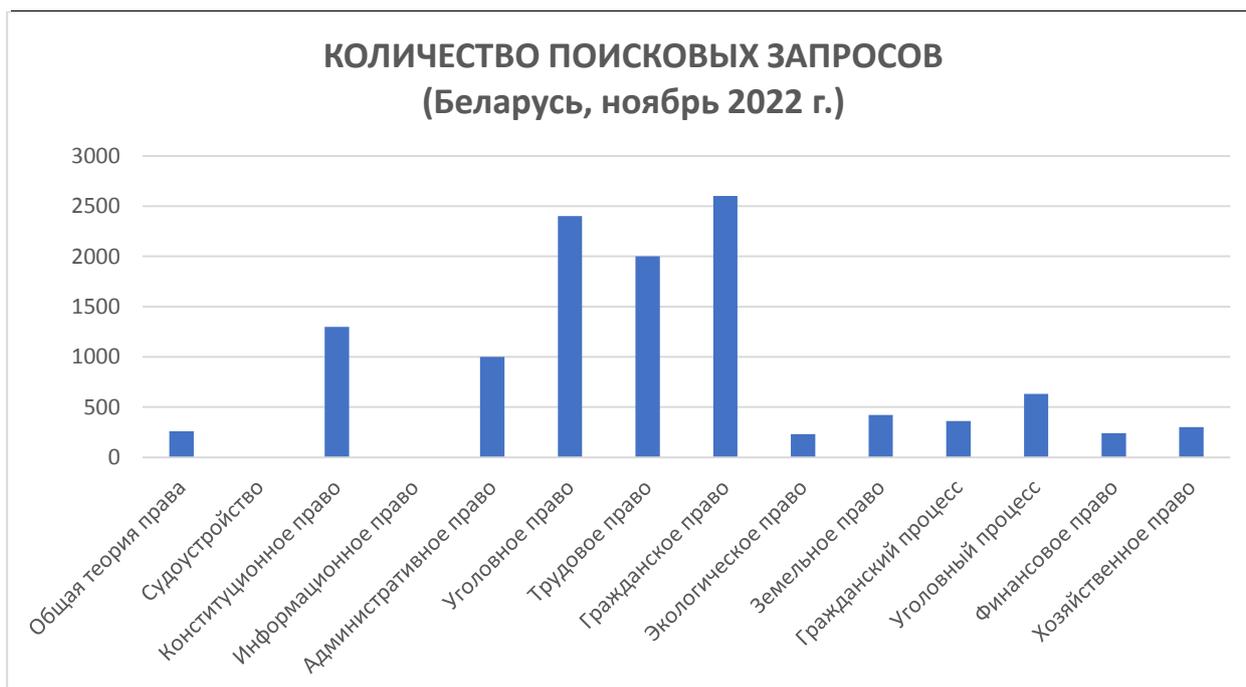
Как видно, ежемесячно материалы по предметам государственного компонента ищут до 70 тысяч человек; компонента УВО – до 27 тысяч, факультативов – до 46 тысяч.

Рисунки 3 и 4 демонстрируют востребованность электронных ресурсов по отдельным учебным дисциплинам государственного компонента и в Беларуси, и в Российской Федерации.

Рисунок 3

Рисунок 4

Из данных, сведенных в таблицу 3 можно заключить, что кафедры нашего факультета в 2021-м году поступили правильно, предложив включить в перечень дисциплин УВО предметы, имеющие, как оказывается, большую востребованность и в Российской Федерации. Это создает условия для проведения научных исследований с целью создания на их базе соответствующих электронных образовательных товаров.

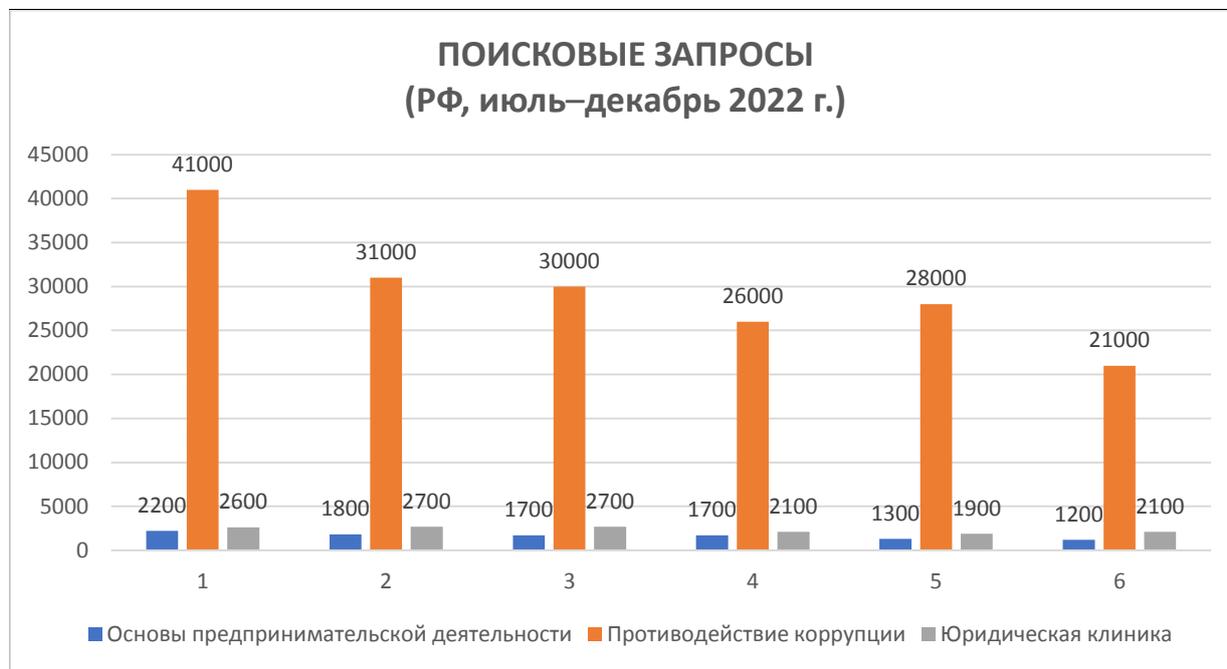
Нужно сделать примечание: в указанной таблице есть параметр «незначительное число». Дело в том, что количество запросов не более 99 единиц в месяц роботизированной поисковой системой не учитывается, поэтому в таком случае точные данные она не дает.

Таблица 3 – Количество поисковых запросов по учебным дисциплинам компонента УВО (РФ, июнь 2022)

	Российская Федерация	Республика Беларусь
Право прав человека	90000	4300
Семейное право	48000	1000
Криминалистика	44000	860
Налоговое право	16000	150
Право социального обеспечения	15000	Незначительное число
Право интеллектуальной собственности	13000	260
Криминология	6700	170
Корпоративное право	6500	Незначительное число
Юридическая психология	6100	220
Квалификация преступлений	5200	100
Римское частное право	3800	170
История государства и права зарубежных стран	1900	Незначительное число
Прокурорский надзор	1100	Незначительное число
Социология права	1000	Незначительное число
Правовая информатика	890	Незначительное число
Международное публичное право	780	Незначительное число
Конституционное право зарубежных стран	770	Незначительное число
История политических и правовых учений	610	Незначительное число
Юридическая этика	600	Незначительное число
Хозяйственный процесс	600	Незначительное число
Уголовно-исполнительное право	500	Незначительное число
Аграрное право	260	Незначительное число
Европейское право	250	Незначительное число
Международное гуманитарное право	170	Незначительное число

По аналогии с приведенными выше цифрами, рисунок 5 показывает динамику поисковых запросов (в РФ) по учебным дисциплинам, отнесенным к факультативным.

Рисунок 5

В условиях цифровизации экономики, интерес у отдельных исследователей вызывают учебные дисциплины, изучаемые в Российской Федерации как Легалтех 2.0 (таблица 4). При сборе и анализе статистического материала, мы обратили внимание и на поиск пользователями Сети информации по указанному блоку учебных предметов. Выборка делалась в марте, мае, июне, сентябре и ноябре 2022 года.

Ее результаты довольно неоднозначны. Во-первых, прослеживается постепенное снижение интереса к большинству предметов.

Во-вторых, из приведенной выше таблицы видно, что вопросы правового регулирования проблем кибербезопасности, управления активами предприятия, искусственного интеллекта вызывают значительный интерес у населения. Количество поисковых запросов по этим темам (за исследуемый период) выросло в разы.

Таблица 4 – Поисковые запросы по дисциплинам Легалтех 2.0 (РФ, 2022)

	Март 2022	Май 2022	Июнь 2022	Сентябрь 2022	Ноябрь 2022
Электронный документооборот	87000	69000	117000	187000	205000
Управление договорами	30000	21000	22000	21000	17000

Продолжение таблицы 4

Претензионно-исковая работа	820	810	620	640	450
Финансирование судебных споров	Меньше 100				
Управление активами	29000	10000	8800	9300	9800
Кибербезопасность	25000	30000	58000	51000	139000
Комплаенс	8400	4500	18000	11000	8500
Искусственный интеллект	409000	217000	233000	348000	1506000
Блокчейн	52000	56000	67000	57000	30000
Смарт-контракты	3100	700	620	320	580
Альтернативные юридические услуги	Меньше 100				
Чат-боты	214000	264000	233000	143000	124000
Программирование для юристов	Меньше 100				
Автоматизация судов	Меньше 100				
Цифровой юрист	2800	2800	2900	3500	5200

Схожая динамика выявлена и в Республике Беларусь.

Вполне естественно, что жизненные ситуации, с которыми сталкиваются люди, касаются не всего перечня вопросов и тем, изучаемых в рамках какого-либо учебного предмета. Исходя из данного положения, был проведен мониторинг материалов о наиболее востребованных темах каждого из предметов государственного компонента, компонента УВО, факультатива. Чаще всего (как в Беларуси, так и в России) ищут:

- вопросы, связанные с расторжением брака;
- заключением контракта;
- расторжением трудового договора и т.д.

Динамика интереса по данным темам держится постоянно. Эти проблемные вопросы меньше подвержены сезонным колебаниям, а значит, вызывают интерес не только у студентов, но и у иных групп населения и разных возрастных категорий (рисунок 6–8).

Рисунок 6

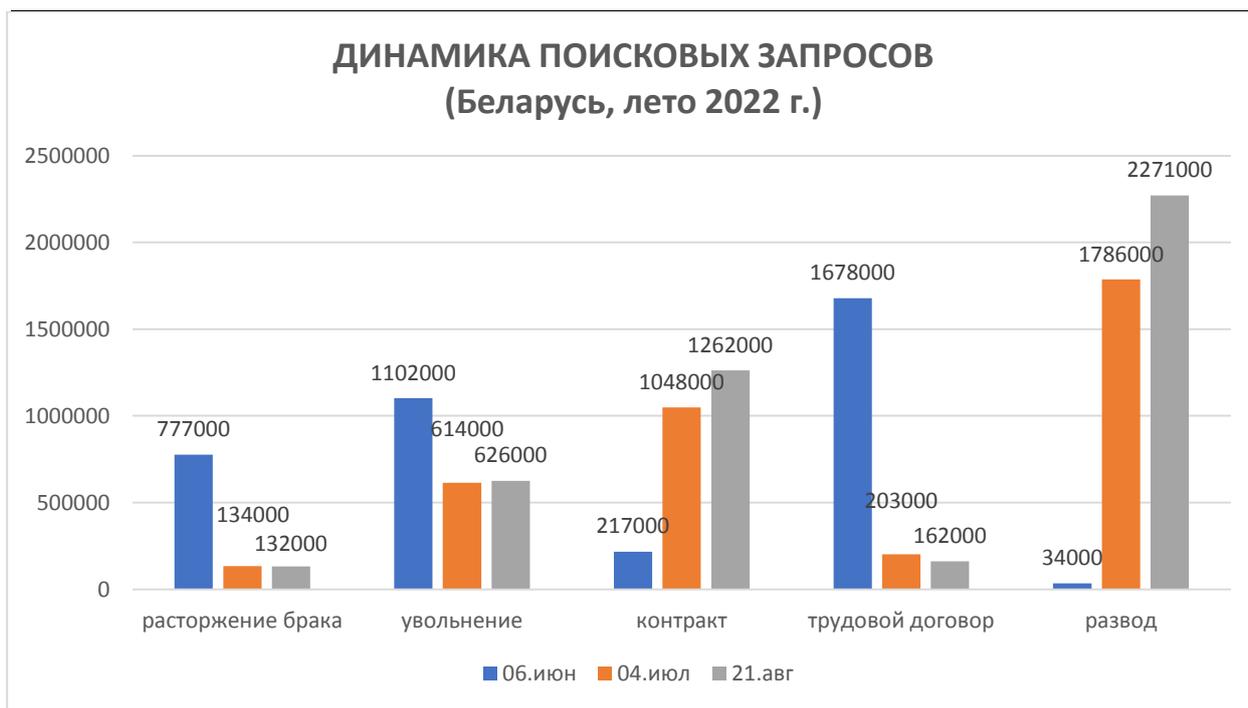

Рисунок 7

Из представленных графиков видно, что даже в периоды спада интереса, количество запросов исчисляется в десятки тысяч. Это характерно как для Российской Федерации, так и для Республики Беларусь. Диаграм-

мы показывают, что мы использовали близкие по смыслу термины и понятия (синонимы). Например, «развод» и «расторжение брака». Поскольку каждый человек, оформлявший запрос на поиск информации, обладает различным уровнем подготовки, грамотности и т.д. Применение синонимов расширяет круг лиц, подлежащих учету, делает выборку большей и более точной. Например, из рисунка 7 видно, что в случае поиска данных по запросу «расторжение брака» были бы учтены интересы примерно 700 тысяч человек, а по слову «развод» – 1 миллиона 700 тысяч.

Каждой из возрастных групп, как представляется авторам, необходимо создавать и несколько различные обучающие материалы. Они должны будут учитывать их психофизические особенности. Собранный нами данные позволяют проанализировать огромный объем информации о запросах, поступающих от разных возрастных групп.

Мы условно разделили их на: «школьников» (группа 14–17 лет); «студентов дневной формы обучения» (18–23 лет); «потенциальных студентов заочной формы обучения» (24–50 лет) и «не занятых в учебном процессе» (от 51 года). Предлагаемое деление, как было сказано, условное. На данном этапе оно соответствовало поставленной цели, в дальнейшем, по совету коллег-специалистов, скорее всего, будет меняться. На рисунке 8 обобщена информация, полученная в период с 10 апреля по 10 мая 2022 года.

Рисунок 8 – Поиск информации по вопросам гражданского права различными возрастными группами (РФ, 10.04.2022 – 10.05.2022)

Наши выкладки и расчеты по предпочтительным запросам для мужчин и отдельно для женщин разного возраста, по профессиональным группам и по занимаемым должностям, мы здесь не приводим – они еще анализируются и обрабатываются.

При создании цифрового образовательного ресурса нужно учитывать особенности территориального региона. Поэтому было исследовано распределение запросов, например, по гражданскому праву в регионах РФ в мае 2022 года, что отражено (по степени убывания запросов) в таблице 5. Это позволяет выявить наиболее «перспективные» в плане продвижения электронных образовательных ресурсов субъекты федерации.

Таблица 5 – Поисковые запросы «гражданское право» по регионам РФ (10 апреля – 10 мая 2022 г.)

Регион	Количество поисковых запросов	Регион	Количество поисковых запросов
Москва	26000 запросов	Калужская область	800 запросов
Санкт-Петербург	13000 запросов	Республика Коми	780 запросов
Краснодарский край	4800 запросов	Республика Коми	780 запросов
Республика Татарстан	4000 запросов	Республика Мордовия	680 запросов
Республика Башкортостан	3500 запросов	Республика Саха (Якутия)	660 запросов
Московская область	3500 запросов	Курганская область	640 запросов
Красноярский край	3200 запросов	Ивановская область	600 запросов
Иркутская область	2700 запросов	Республика Карелия	590 запросов
Алтайский край	2300 запросов	Республика Бурятия	570 запросов
Воронежская область	2300 запросов	Амурская область	510 запросов
Волгоградская область	2200 запросов	Ленинградская область	510 запросов
Кемеровская область	2000 запросов	Костромская область	500 запросов
Хабаровский край	1900 запросов	Республика Марий Эл	490 запросов
Удмуртская республика	1500 запросов	Республика Хакасия	480 запросов
Приморский край	1500 запросов	Республика Северная Осетия – Алания	310 запросов
Кировская область	1300 запросов	Республика Тыва	250 запросов
Калининградская область	1200 запросов	Республика Калмыкия	220 запросов
Ставропольский край	1100 запросов	Кабардино-Балкарская республика	210 запросов
Чувашская республика – Чувашия	1000 запросов	Камчатский край	200 запросов
Белгородская область	1000 запросов	Республика Алтай	180 запросов

Продолжение таблицы 5

Архангельская область	830 запросов	Республика Дагестан	160 запросов
Астраханская область	820 запросов	Республика Адыгея	120 запросов
Брянская область	820 запросов	Республика Ингушетия	Меньше 100 запросов
Владимирская область	820 запросов	Карачаево-Черкесская республика	Меньше 100 запросов
Курская область	820 запросов		

После общей характеристики полученных материалов укажем следующее.

1. Данное исследование является продолжением научной разработки, проводившейся с 2015 года. Ее результаты публиковались в Российской Федерации в 2021 и 2022 гг. [24; 25]. В обоих случаях они представлялись на научные конкурсы и получали призовые места.

2. Продолжением нашей научной работы будет анализ форм и методов выведения готовых электронных товаров на цифровые рынки Российской Федерации и Республики Беларусь; характеристика их свойства качеств.

3. Данный анализ позволяет четко определить направление для выполнения задач, поставленных государственными программами о создании инновационных стартапов и спин-оффов [3; 154].

4. Как отмечалось ранее, чтобы быть востребованной на рынке электронных ресурсов, научная разработка должна соответствовать запросам потребителей. Субъективная сторона данного процесса несколько упущена исследователями. Они не выявляют конкретных интересов у различных потребителей электронной продукции.

5. Информация, официально предоставляемая социальными сетями и поисковыми системами позволяет оценить запросы и потребности большинства населения любого государства, создать объемные базы данных. Их анализ позволит довольно реально представлять истинную ситуацию на рынке цифрового продукта.

6. Для продвижения электронных образовательных товаров и услуг, появляющихся в результате научных исследований, совершенно недостаточно официальных ресурсов современного УВО. Они, как правило, не охватывают: пенсионеров, школьников, выпускников и др. О чем уже указывалось в наших публикациях [25].

7. Желательно, чтобы научные исследования проводились в той области, которая востребована на рынке. Перспективными, по полученным материалам, являются:

- право прав человека;

- административное право;
- уголовное право;
- криминалистика;
- семейное право;
- трудовое право;
- противодействие коррупции.

8. Повышенный интерес у потребителей вызывают дисциплины, относящиеся к блоку так называемого «Легалтех 2.0»:

- правовое регулирование кибербезопасности;
- управление активами предприятия;
- правовое регулирование искусственного интеллекта.

9. Научные разработки и их непосредственное воплощение в готовый электронный продукт должны учитывать интересы и психологию основной группы потребителей (лица 17–25 лет). Оторванные от их жизни и нужд «схоластические» рассуждения не получают поддержки и провалятся на рынке цифровых образовательных услуг.

10. Наиболее емкими микрорынками на территории Российской Федерации могут считаться регионы: Краснодарский край, Республика Башкортостан, Республика Татарстан. Именно с их «виртуального пространства» размещается (в социальных сетях и поисковых системах) наибольшее количество заказов на получение правовой информации.

11. Изучение цифрового рынка и создание электронных образовательных ресурсов, соответствующих его потребностям, по-новому ставят вопросы социального и человеческого капиталов УВО [19; 20]. Вполне возможно, что в спин-оффах, которые могут учитывать результаты данного исследования (при своем создании и работе), важны будут не столько ученые степени и звания, сколько личные и профессиональные качества. Но это тема дальнейшего исследования.

ГЛАВА II.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

2.1. Конституционно-правовые и идеологические основы государственной информационной политики в сфере защиты духовно-нравственных и традиционных ценностей в Республике Беларусь и Российской Федерации

Мировой духовно-нравственный кризис, дискредитация сформированных в ходе исторического развития духовно-нравственных и традиционных ценностей общества на фоне глобальной информатизации, цифровизации и роботизации побудили исследователей различных научных направлений (философов, социологов, психологов, политологов, правоведов) к исследованию путей преодоления актуальных негативных тенденций в обществе и развития государства и права в современных условиях [196].

Менталитет наших народов формировался под влиянием христианских ценностей, источником которых являются нормы Синайского законодательства – христианские заповеди.

Традиционные ценности неизменны, передаются из поколения в поколение, приняты обществом, иногда являются уникальными для государства и культуры: семья, религия, национальная культура, историческая правда и память, миролюбие и человеколюбие, самоуважение и стремление к справедливости, терпимость и толерантность, любовь к Родине и Отечеству.

Нетрадиционные ценности изменяемы, субъективны и индивидуальны: деньги и власть, трансгендерность и однополые отношения, космополитизм, брак без детей, потребление и др.

Традиционные ценности лежат в основе воспитания и образования, являются залогом полноценного становления личности, развития общества и государства.

Духовно-нравственные ценности – установки личности, регулирующие сознательную деятельность человека и его поведение, ориентированные на стремление к высшим идеалам – связаны с двумя категориями: духовность и нравственность.

Духовность – стремление человека к построению отношений в обществе на основе совести, добра, любви, справедливости, как правило, в рамках личных религиозных чувств и убеждений.

Нравственность – убеждения, внутренние правила и принципы личности, позволяющие оценивать свои поступки с позиции категорий добра и зла.

В белорусском обществе традиционные и духовно-нравственные ценности выступают теми идейно-мировоззренческими устоями, на которых базируется единство общества.

Так, в преамбуле Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) изложены основные ценности, идеи, духовное наследие белорусского народа, являющегося источником государственной власти. Культурно-духовные традиции белорусского народа – важнейшая составная часть идеологии конституционно-правового развития государства [98].

В соответствии со ст. 15 Конституции, государство ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь; обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.

Статьей 32 Конституции брак признается союзом женщины и мужчины.

В ст. 32-1 сказано, что государство способствует духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию молодежи, создает необходимые условия для ее свободного и эффективного участия в общественной жизни, реализации потенциала молодежи в интересах всего общества.

В соответствии со ст. 54 Конституции, каждый обязан беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности. Долгом каждого гражданина Республики Беларусь является сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа и патриотизм.

Согласно ч. 2. ст. 67.1. Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство. В соответствии с ч. 4 ст. 67.1 дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим [100].

В соответствии со ст. 23 Конституции в целях защиты нравственности права и свободы личности могут быть ограничены. Аналогичная норма содержится и в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2021 года № 773 утверждена Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы (далее – Программа), согласно которой духовным достоянием личности, характеризующем высший уровень ее развития, является патриотизм, который проявляется в осознанной повседневной деятельности гражданина во благо Родины, народа и государства [141].

К патриотическим ценностям относятся: Родина, Отечество, семья, преемственность поколений, нация, государственность и государственный суверенитет, государственная символика, историческая память, национально-культурная идентичность и национальная культура, что является ключевым условием дальнейшего развития и существования нации.

Хранителями традиционных ценностей служат традиционные религии.

Согласно ст. 16 Конституции Республики Беларусь, запрещается деятельность религиозных организаций, которая направлена против суверенитета Республики Беларусь, ее конституционного строя и гражданского согласия либо сопряжена с нарушением прав и свобод граждан, а также препятствует исполнению гражданами их государственных, общественных, семейных обязанностей или наносит вред их здоровью и нравственности. Такую деятельность назовем деструктивной.

Законом Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. «О свободе совести и религиозных организациях», правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и вероисповедания регулируются, с одной стороны, исходя из равенства религий, с другой – признания определяющей роли Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа [144].

Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г № 1 утверждена Концепция информационной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция) [102].

В соответствии с Концепцией, одной из целей деструктивного информационного воздействия является разрушение традиционных духовных и нравственных ценностей. Среди основных направлений обеспечения безопасности в информационном пространстве – поддержание в приоритетном порядке сохранения в обществе традиционных социальных устоев и ценностей. Очевидно, что целью пропаганды нетрадиционных ценностей является деградация общества и депопуляция населения.

Информационное законодательство Республики Беларусь является правовым фундаментом развития информационного общества, закрепляет правовые основы государственной информационной политики, содержит множество норм, обеспечивающих защиту традиционных и духовно-нравственных ценностей.

Защита нравственности – один из основных принципов деятельности средств массовой информации в Беларуси (ст. 4 Закона Республики Беларусь «О средствах массовой информации»). Согласно ему СМИ не должны допускать распространения информации, посягающей на нормы общественной нравственности [145].

Реклама товаров и услуг является одним из инструментов формирования потребностей и ценностей современного общества. Ввиду этого белорусское законодательство о рекламе содержит нормы, направленные на

защиту духовно-нравственных ценностей в процессе производства и распространения рекламы.

Так, п. 10 ст. 10 Закона Республики Беларусь «О рекламе» запрещает рекламу порнографических материалов, печатных изданий, изображений или иных предметов порнографического характера, направленная на вовлечение в предоставление услуг сексуального характера под видом законной деятельности, антиобщественное поведение; работ, услуг (деятельности) гипнотизеров, экстрасенсов, гадалок, спиритов, астрологов, колдунов, прорицателей, иных лиц, объявляющих себя или считающихся способными предсказывать события, воздействовать на людей, духовный мир, имущество, окружающую среду путем использования сверхъестественных способностей или сил, а также услуг по обучению указанной деятельности; услуг сексуального характера, в том числе под видом психологической помощи, общения, релаксации, массажа, приятного времяпрепровождения, иной законной деятельности и др. [143].

Кроме того, согласно п. 3. ст. 26 Закона о рекламе, неэтичной признается реклама, которая содержит текстовую, зрительную или звуковую информацию, нарушающую общепринятые нормы морали и нравственности, в том числе оскорбительные слова, сравнения, образы в отношении расы, национальности, внешнего вида, возрастной группы, пола, языка, профессии, социальной категории, семьи, религиозных, политических или иных убеждений граждан. В соответствии со ст. 25 при производстве и (или) размещении (распространении) рекламы не допускается дискредитировать авторитет родителей (опекунов, попечителей), подрывать доверие к ним со стороны несовершеннолетних.

В Законе Республики Беларусь «О правах ребенка» (далее – Закон о правах ребенка) в 2016 году появилась новая глава 4-1 «Защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [140].

Каждый ребенок имеет право на защиту от информации, причиняющей вред его здоровью и развитию.

В ст. 37-1 определена информация, оказывающая негативное воздействие на духовно-нравственную сферу ребенка, его здоровье и развитие.

К ней Закон относит информацию: вызывающую желание употреблять алкогольные, слабоалкогольные напитки, пиво, наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, токсические или другие одурманивающие вещества, табачные изделия; побуждающую к совершению преступления или иного общественно опасного деяния, в том числе к занятию проституцией, попрошайничеством, бродяжничеством, участию в азартных играх, совершению действий, связанных с изготовлением, распространением порнографических материалов или предметов порнографического характера; положительно оценивающую преступление или идеализирующую преступников, поощряющую поведение, ущемляющую человеческое достоинство, в том числе совершение насильственных дей-

ствий по отношению к людям или животным; отображающую издевательства над человеком или группой людей либо их унижения в связи с этническим происхождением, национальной, расовой, религиозной, языковой, половой принадлежностью, убеждениями или взглядами, социальным положением, заболеванием; поощряющую или положительно оценивающую жестокость, физическое, психическое, сексуальное насилие, сексуальную эксплуатацию, сексуальные отношения с участием детей; побуждающую к нанесению телесных повреждений или самоубийству, описывающую средства или обстоятельства самоубийства; содержащую методики либо иные материалы о способах изготовления опасных для жизни и здоровья людей предметов и их использования; поощряющую привычки, противоречащие формированию здорового образа жизни; содержащую нецензурные слова и выражения; дискредитирующую институт семьи и брачно-семейные отношения; устрашающего характера, в том числе представляемую в виде изображения или описания в унижающей человеческое достоинство форме смерти, несчастного случая, аварии, катастрофы, заболевания и (или) их последствий; содержащую порнографические материалы и (или) эротику.

Обеспечение защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, распространяемой во Всемирной сети, может быть реализовано родителями (опекунами, попечителями) посредством заключения с поставщиками интернет-услуг договора на оказание услуг по ограничению доступа к информации в глобальной компьютерной сети Интернет либо путем применения организационных мер, программно-аппаратных и программных средств.

При Правительстве Республики Беларусь создан общественно-консультативный совет по защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию (далее – Совет). Однако его решения носят исключительно рекомендательный характер.

В соответствии с Положением о Совете, утвержденным Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 25.10.2016 № 871, его основными задачами являются: координация проведения государственной политики в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию; выработка рекомендаций и предложений по формированию и проведению государственной политики в данной сфере; рассмотрение вопросов, инициируемых членами общественно-консультативного совета, связанных с применением законодательства в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [166].

В России еще в 2010 году был принят Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 декабря 2010 № 436-ФЗ (далее – ФЗ), отражающий направления государственной информационной политики в сфере духовно-нравственного воспитания детей в рамках традиционных ценностей российской культуры [232].

К запрещенной для распространения среди детей, согласно ст. 5 ФЗ, относится информация:

- побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью, в том числе к причинению вреда своему здоровью, самоубийству, либо жизни и (или) здоровью иных лиц, либо направленная на склонение или иное вовлечение детей в совершение таких действий;

- способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, никотинсодержащую продукцию, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством;

- обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Федеральным законом;

- содержащая изображение или описание сексуального насилия;

- отрицающая семейные ценности и формирующая неуважение к родителям и (или) другим членам семьи;

- пропагандирующая либо демонстрирующая нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения;

- пропагандирующая педофилию;

- способная вызвать у детей желание сменить пол;

- оправдывающая противоправное поведение;

- содержащая нецензурную брань;

- содержащая информацию порнографического характера;

- о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), включая фамилии, имена, отчества, фото- и видеоизображения самого несовершеннолетнего, его родителей и иных законных представителей, его дату рождения, аудиозапись его голоса, место его жительства или место временного пребывания, место его учебы или работы, иную информацию, позволяющую прямо или косвенно установить личность такого несовершеннолетнего;

- содержащаяся в информационной продукции, произведенной иностранным агентом.

Согласно ст. 184 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, условия жизни детей должны обеспечивать их полноценное физическое, умственное и духовное развитие [93].

Полагаем, что данным Кодексом должны быть закреплены и правовые гарантии родителей на воспитание детей в рамках традиционных ценностей.

Принятые в Республике Беларусь информационно-правовые нормы, направленные на защиту традиционных и духовно-нравственных ценностей целесообразны, но не достаточны.

На наш взгляд, право на защиту от информации, причиняющей вред духовно-нравственной сфере, здоровью и развитию белорусских граждан должно появиться в национальном законодательстве.

5 декабря 2022 года президентом РФ Владимиром Путиным был подписан закон о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, педофилии и смены пола (поправки в Закон РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). Федеральная служба по надзору включает в единый реестр запрещенной информации ресурсы, которые содержат пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений, смены пола и педофилии и впоследствии блокируются. Из 436 депутатов Государственной Думы РФ ни один не проголосовал против данного законопроекта, что говорит о единстве общественного мнения по данному вопросу.

Аналогичные нормы должны появиться и в Республике Беларусь: законах «Об информации, информатизации и защите информации», «О средствах массовой информации», «О рекламе», «О правах ребенка», Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях, Уголовном кодексе Республики Беларусь, Кодексе Республики Беларусь о культуре.

На данный момент отсутствует административная и уголовная ответственность за пропаганду нетрадиционных ценностей, что создает реальные угрозы информационной безопасности Республики Беларусь, а защита традиционных и духовно-нравственных ценностей является недостаточно эффективной.

В Беларуси примером эффективного применения организационно-правовых мер является сфера защиты исторической правды и памяти, недопущения реабилитации нацизма и борьбы с экстремизмом.

Так, за последние два года приняты законы «О недопущении реабилитации нацизма», «О геноциде белорусского народа» [135; 138]. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях устанавливает ответственность за пропаганду или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики (ст. 19.10.), распространение, изготовление, хранение, перевозку информационной продукции, содержащей призывы к экстремистской деятельности или пропагандирующей такую деятельность (ст. 19.11) [94]. В Уголовном кодексе Республики Беларусь появились новые статьи, устанавливающие уголовную ответственность за реабилитацию нацизма (ст. 130-1), отрицание геноцида белорусского народа (ст. 130-2), пропаганду или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики (ст. 341-1), создание экстремистского формирования либо участие в нем (ст. 361-1),

финансирование экстремистской деятельности (ст. 361-2), содействие экстремистской деятельности (ст. 361-4) и др. [228].

Кроме того, на сайте Министерства информации Республики Беларусь размещен Республиканский список экстремистских материалов [185], а на веб-ресурсе Министерства внутренних дел – перечни организаций, формирований, индивидуальных предпринимателей, граждан, причастных к экстремистской деятельности [160].

Эффективен и механизм реализации указанных норм в Республике Беларусь.

В настоящее время в России решается вопрос о признании феминизма экстремистской идеологией. Верховный суд РФ в декабре 2023 года признал ЛГБТ экстремистским движением и запретил его деятельность в России.

В Беларуси украинское феминистское движение «Femen», как и в Российской Федерации, не только привлекло внимание общественности своими акциями протеста, во время которых активистками обнажается грудь, но и приобрело своих сторонниц. Более того, феминизм сегодня имеет не только экстремистский потенциал, но и является средством разрушения традиционных ценностей.

Эффективным инструментом информационного влияния и укрепления медийного пространства на фоне информационных войн, обеспечения информационной безопасности в рамках Союзного государства и ЕАЭС должен стать единый медиахолдинг, создание которого сейчас прорабатывается администрациями президентов России и Беларуси совместно с Постоянным комитетом Союзного государства. Роль единого медиацентра в защите информационного пространства и духовно-нравственных ценностей уже сегодня видится значительной.

Особое внимание должно быть уделено контролю за недопущением пропаганды нетрадиционных ценностей в системе образования, продвижения деструктивных идей.

Так в ст. 27-1 Закона о правах ребенка введены ограничения на работу с детьми. Не имеют права заниматься педагогической деятельностью, педагогической деятельностью в сфере физической культуры и спорта, занимать должности служащих, связанные с выполнением воспитательных функций, другие должности служащих, профессии рабочих, связанные с постоянной работой с детьми, физические лица, в отношении которых вступил в законную силу обвинительный приговор суда за совершение преступлений, предусмотренных статьями 139 «Убийство», 145 «Доведение до самоубийства», 146 «Склонение к самоубийству», 147 «Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения», 154 «Истязание», частями 2 и 3 статьи 165 «Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья малолетнего», главой 20 «Преступления против половой неприкосновенности или половой свободы», статьей 172 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», частью 2 статьи 173 «Вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение», статья-

ми 181 «Торговля людьми», 182 «Похищение человека», 187 «Незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей», 342-1 «Пропаганда самоубийства», 343 «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера» и 343-1 «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего» Уголовного кодекса Республики Беларусь, вне зависимости от снятия или погашения судимости.

Каждый педагогический работник, специалист, осуществляющий воспитательные функции, являясь хранителем традиционных и духовно-нравственных ценностей, должен понимать свою высокую миссию – развитие личности и воспитание целого поколения. Воспитать личность может только личность, патриота – только патриот. Роль педагога как источника информации снижается из года в год, а влияние его личности, в том числе нравственное, возрастает. Это влияние на неокрепшую душу молодого человека образует ту силу, которую нельзя заменить ни роботом, ни гаджетом, ни учебником, ни системой наказаний и поощрений.

Таким образом, традиционные и духовно-нравственные ценности – важнейшие составляющие духовной жизни общества – нуждаются в поддержке и правовой защите.

Пропаганда в белорусском и российском обществе чайлдфри (брак без детей), добровольной эвтаназии, ювенальной юстиции, трансгендерности и нетрадиционных сексуальных отношений, смены пола и т.п. должна стать невозможной ввиду эффективных организационно-правовых мер и опережающих мер информационно-просветительского характера.

Конкретные нормы о запрете распространения и популяризации нетрадиционных ценностей должны быть приняты в белорусском законодательстве, введена административная и уголовная ответственность. Все необходимые конституционно-правовые предпосылки для этого созданы.

Государственная информационная политика в сфере защиты традиционных и духовно-нравственных ценностей в Республике Беларусь концептуально не оформлена, носит бессистемный характер.

Также и правовой механизм ее реализации недостаточно эффективен и требует совершенствования.

Однако несмотря на этот факт, в Республике Беларусь удалось сохранить единое информационное пространство, минимизировать попытки распространения информации, направленной на дискредитацию и попрание традиционных и духовно-нравственных ценностей, а также оказывающей негативное воздействие на становление и духовно-нравственное развитие личности.

Государственная информационная политика в сфере защиты традиционных и духовно-нравственных ценностей должна быть единой в рамках Союзного государства России и Беларуси, основная цель которой – недопущение утраты традиционных и нравственных ценностей и ориентиров.

2.2. Основные тенденции развития избирательного законодательства в странах ЕАЭС

В последнее время наблюдается активизация процесса конституционного реформирования в странах евразийского пространства, что обусловлено новым этапом развития геополитических, экономических и социально-культурных отношений, ментальности населения, многоплановой информатизации общественной жизни. Данная тенденция характерна и для избирательного права как одного из важнейших институтов конституционного права. Анализ последствий эволюционирования избирательной системы страны важен для эффективной электоральной политики, определения основных направлений позитивной трансформации и демократизации как избирательного процесса в частности, так и политической системы государства в целом.

Ключевыми задачами при совершенствовании избирательного законодательства, несомненно, являются его демократизация с целью расширения границ репрезентативности различных слоёв населения при участии в выборах, создание наиболее благоприятных условий для свободного и общедоступного волеизъявления граждан. Для реализации данных задач одним из приоритетных направлений современного реформирования избирательного права значится снижение (в ряде случаев отмена) избирательных требований для участников избирательного процесса. Так, в последние годы в ряде европейских стран резко снижен возрастной ценз не только на местных, но и общенациональных выборах вплоть до отмены его различий при осуществлении активного и пассивного избирательного права. Единый 18-летний возрастной ценз предусмотрен при формировании Национального собрания Франции, Бундестага Германии, шведского Риксдага, финского Эдускунта и др. Обращаясь к избирательной законодательной практике стран ЕАЭС, хотелось бы отметить, что данные государства «не спешат» снижать возраст при пассивном праве (21 год и 30 лет при формировании верхней и нижней парламентских палат в России и Беларуси), иногда даже сохраняя на конституционном уровне его повышенным по сравнению с общепринятой практикой (25 лет при формировании Мажилиса Казахстана, Национального собрания Армении, Жогорку Кенеша Кыргызстана; 40 лет для кандидатов на президентских выборах в Казахстане, реформы 2015 года в Армении, в результате конституционной реформы 2022 года в Республике Беларусь). Интересно, что при всенародном обсуждении новой конституционной редакции в Беларуси поступали предложения о повышении возраста депутатов до не менее 27, 30 или даже 35 лет, что часто обосновывалось необходимостью иметь для них определенный жизненный и трудовой (профессиональный) опыт для принятия важнейших законодательных решений. В последнее время одним из самых жестких требований в рассматриваемых странах является ценз оседлости (10 лет – для парламентариев Казахстана, 6 лет – для кандидатов в Прези-

денты Армении, 15 лет – Казахстана и Кыргызстана, 20 – Беларуси, 25 – Российской Федерации), а также обязательное отсутствие иностранного гражданства и документа, предоставляющего право постоянного проживания за границей (для членов Федерального собрания и главы государства (никогда) России (в Беларуси, Казахстане, являющихся также гражданами по рождению). Всё это свидетельствует о традиционных подходах к участию в принятии политических государственных решений в данном регионе людей более старшего возраста, что отчасти обусловлено историческим прошлым и ментальностью населения.

Характерной чертой для постсоветских стран, по мнению многих конституционалистов, является усиленная динамичность законодательных новелл избирательного законодательства, частый переход от одной избирательной системы к другой в рамках относительно небольшого временного периода, что приводит иногда к появлению множества и малочисленности партий-«скороспелок», малознакомых своими политическими программами населению. Как свидетельствует практика, часто это приводит к дестабилизации политической обстановки, утрате властными представительными и административными структурами авторитета и поддержки гражданского общества, а иногда и к угрозе открытого вооружённого противостояния различных политических элит. Примерами данных деструктивных явлений могут быть события осени 2020 года в Кыргызстане, попытка январского государственного переворота в 2022 году в Казахстане, непрекращающаяся политическая конфронтация с 2017 года в Армении.

Остановимся более детально на конкретных примерах реформирования избирательного законодательства в период независимости и государственного суверенитета отдельных стран постсоветского пространства. В 1995 году согласно Конституционного закона «О выборах в Республике Казахстан» продолжала на основе преимущества действовать мажоритарная избирательная система абсолютного большинства на общенациональных выборах и относительного большинства на местных. Уже в октябре 1998 г. она сменилась смешанной, предоставившей право голосовать избирателям и за партийные списки, однако, просуществовавшей только до 2007 года, когда на смену ей пришла чисто пропорциональная на основе единого общенационального избирательного округа [133]. В результате данной избирательной реформы исчезла возможность самовыдвижения и петиционного выдвижения кандидатов, что полностью исключило существование независимых кандидатов в парламентских структурах. Одновременно законодательно была усложнена процедура регистрации политических партий, что резко сократило их количественный состав в стране (за 12 лет к 2019 г. с 10-ти до 6-ти объединений), запрещено создавать избирательные блоки партий. Необходимо отметить, что по Закону «О политических партиях» 2002 г. для регистрации требовалось членство не менее 50 тыс. человек с созданием во всех территориальных единицах филиалов с численностью не менее 700 партийцев. Введённый ана-

логично российскому избирательному законодательству в тот период повышенный 7% избирательный барьер «для предотвращения избыточной партийной фрагментации парламента, нестабильности парламента и возможному параличу регулярной законотворческой деятельности» привёл к политико-правовому казусу, когда заградительный пункт преодолела только одна проправительственная партия «Нур Отан». Это обусловило законодательную новеллу 2009 года об обязательном участии в парламенте не менее 2-х партий, даже если последняя не сможет преодолеть 7% барьер. Фактически однопартийному парламенту способствовало и введение государственной финансовой поддержки парламентских партий (3% от минимальной зарплаты за каждый голос избирателя с одновременным запретом бесплатного эфирного времени в СМИ). На парламентских выборах 2012, 2016, 2021 годов, несмотря на постепенное снижение численности партии до 40 и 20 тысяч человек, возможность участия в парламентской деятельности реализовали всего 3 партии при явном доминировании вышеуказанной, что стало предметом массивной критики со стороны правозащитных организаций и международных органов. В 2018 г. в продолжение реформирования пропорциональная система была реализована и на местных выборах. В 2021 г. был снижен заградительный пункт на выборах до 5%, запрещена прямая видео- и аудиотрансляция в день выборов, их публикация в соцсетях, в избирательном бюллетене появилась графа «против всех». По мнению ряда экспертов, это снижает ценность электоральных процедур, способствует формированию «электората безответственного протеста» как проявления правового нигилизма. Интересно, что в Российской Федерации данная графа была с 1998 по 2004 год, а потом отменена, что в общем-то не противоречит распространенной практике (отсутствует, например, во Франции, Германии, Италии, Польше, Венгрии, Болгарии). В 2022 г. в стране была проведена крупномасштабная конституционная реформа, затронувшая и сферу избирательных технологий. Было заявлено о восстановлении смешанной избирательной системы (на местном – районном и городском уровне – только мажоритарная), создании единой электронной базы избирателей. В свою очередь, снижение регистрационного требования для партий до 5 тыс. членов позволило наконец-то добиться успеха на внеочередных выборах 19.03.2023 в Мажилис 6-ти партиям при очевидном превосходстве по-прежнему правительственной переименованной партии «Аманат», добившейся 54 % депутатских мест [139].

Вместе с тем ряд избирательных нововведений полностью отвечал современным общим тенденциям развития избирательного законодательства. Так, в 2004 году в Закон «О выборах в Республике Казахстан» была включена норма о запрете безальтернативных выборов, политические партии были допущены к участию в работе избирательных комиссий, допускалось введение электронного голосования, теледебатов как формы предвыборной агитации. В 2020 г. партия «Нур Отан» впервые провела праймериз с целью выдвижения наиболее популярных кандидатов с онлайн-голосованием.

Партии активизировали присутствие в соцсетях, открывали общественные приёмы («горячие линии») в территориальных отделениях.

Одной из первых кардинальных избирательных реформ в Российской Федерации, по мнению ряда правоведов, обозначивших тенденцию «монополизации» политического рынка, стали изменения в федеральные законы «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания РФ» (1999), «О выборах Президента Российской Федерации» (2003), «О политических партиях» (2001), по которым региональные и местные общественные объединения лишились возможности участвовать в федеральных выборах. Таким образом партии стали исключительно федеральными [14].

С июля 2003 г. к смешанной симметричной избирательной системе, закреплённой на федеральном уровне Конституцией 1993 г., перешли на выборах законодательных органов субъектов федерации (до этого субъекты сами определяли свою избирательную систему). В этом же году по итогам выборов в Государственную Думу, преодолев 5% барьер, смогли войти только 3 политические партии и один блок «Родина (народно-патриотический союз)». В 2004 г. были отменены и прямые выборы губернаторов.

Следующие реформы 2005–2007 гг. повысили минимальную численность партий сразу в 5 раз (с 10 до 50 тыс. с обязательным определённым представительством в территориальных филиалах), повысили заградительный барьер в ГД до 7%, ввели назначение губернаторов главой государства (2005–2012), запретили агитацию против всех кандидатов. Апогеем преобразований стал полный переход на парламентских выборах к пропорциональной системе с запретом предвыборных блоков партий и лишением бесплатного эфирного времени партий, получившим менее 3 % голосов. В связи с этим, не сумев оплатить в течение года после выборов долговые обязательства перед СМИ, некоторые партии самоликвидировались. В результате как в 2007, так и в 2011 году смогли стать парламентскими всего 4 партии. Попытка исправить ситуацию с фракционным количественным составом в 2011 году путём предоставления бонусов в виде 2-х мандатов партиям, получившим от 6% до 7% голосов, и 1 мандата имеющим от 5 % до 6%, не удалась из-за отсутствия таковых.

Либерализация избирательной системы наметилась в 2012–2013 гг. Она ознаменовалась снижением обязательной численности партий с 50 тысяч до 500, их правом самим устанавливать минимальную численность в региональных отделениях, определять способ избрания губернаторов представительным органам субъектов. Либерализация также проявилась в восстановлении на федеральном уровне смешанной избирательной системы (реализована в 2016 г.). С 50% до 25% была снижена обязательная доля депутатов в региональных представительных органах, избираемых по пропорциональной системе, для федеральных городов квота была отменена. С 2018 г. наметилась тенденция сокращения доли пропорциональной системы на региональных выборах и отмены смешанной в пользу мажори-

тарной на муниципальных, что обусловило возрастание «персонального» фактора, замедление процесса образования новых партий, снижение популярности и представительства на местах, традиционных доминирующих и находящихся в «системной оппозиции» парламентских партий.

По мнению автора А.А. Клишаса, характерными чертами российской избирательной системы по-прежнему являются слабое обеспечение принципа сменяемости власти, поглощение региональных партий общероссийскими, государственная подконтрольность партогенеза [92].

Нестабильность политической обстановки, обусловленную в том числе переходом с парламентских выборов 2017 г. от смешанной к пропорциональной избирательной системе, можно наблюдать сегодня в Армении. Избирательные новеллы предлагались в 2016, 2018 годах, изменения в Избирательный Кодекс вносились в 2019, 2020, 2021, 2022 годах. Весьма сложной для простого избирателя является процедура выдвижения и регистрации кандидатов, так как в данное время каждой партией или блоком партий (избирательный барьер соответственно 5% и 7%) представляется по каждому округу два списка: один общегосударственный пропорциональный, в котором каждым четвёртым кандидатом должна быть женщина, а также включается до 4-х представителей от 4-х нацменьшинств (езидов, русских, ассирийцев, курдов); вторым списком является региональный рейтинговый для выражения предпочтений избирателей в отношении территориального кандидата от партии [80]. Первоначально было предусмотрено обязательное формирование парламентского большинства в 54%. Причём, при его отсутствии проводится второй тур, на котором 2 партии или 2 партийных блока, набравших наибольшее число голосов, получают возможность добиться статуса большинства при помощи дополнительных мандатов и сформировать правительство. Таким образом, согласно избирательному кодексу (ИК) Армении, в парламенте не может быть более 3 политических сил. На неоднократные предложения оппозиции снять эти ограничения звучал контраргумент, что множество небольших партий могут объединиться в единый блок и стать одной из этих влиятельных сил. В последнее время принято положение, согласно которому ни одна партия (блок) не может иметь более 60% голосов, чтобы не иметь возможность самостоятельно изменить Конституцию. Свидетельством нестабильности политической ситуации в стране являются внеочередность двух последних парламентских выборов, попытки их опротестования в Конституционном Суде и даже открытое противостояние в недалёком прошлом Премьер-министра Н. Пашиняна (лидера партии парламентского большинства) и бывшего председателя Конституционного Суда Г. Товмасына, в отношении которого были выдвинуты обвинения в злоупотреблении служебными полномочиями.

В 2021 г. на выборах в Национальное собрание Армении досрочно посредством электронного голосования при предоставлении личных паролей Министерством обороны и МИД смогли проголосовать граждане, прожива-

ющие за границей, а также слабовидящие, для которых были изготовлены специальные бюллетени. Помимо этого, более 1500 избирательных участков были оснащены средствами видеонаблюдения, позволившими транслировать процедуру подсчёта голосов в Сети. Необычным для европейского государства, на наш взгляд, было отклонённое предложение сенсорного голосования с окрашиванием пальцев проголосовавших (в мировой практике такие случаи были), а также требование обязательной медицинской справки у тех, кто заявил о невозможности самостоятельного голосования. Вызвавшим дискуссию общественности как в самой стране, так и за её пределами, стал факт создания Регистра избирателей, который за 20 дней до выборов в свободном доступе размещается на сайте ЦИК Армении. Главным доводом критикующих является нарушение, по их мнению, неприкосновенности персональных данных и их конфиденциальности, о чем было заявлено и в отчетах международных наблюдателей.

Отчасти непоследовательностью и периодической хаотичностью, «мозаичностью», сочетанием одновременного применения эксклюзивного позитивного и негативного политико-правового опыта отличается и развитие кыргызского законодательства о выборах. Этому способствовали и внутригосударственные события 2005, 2010, 2020 годов, итогом которых была радикальная смена правящих элит (кланов, семей) у власти.

Систематически менялся с переходом в 2007 г. от смешанной к пропорциональной избирательной системе уровень избирательного порога для партий на общенациональных, часто внеочередных парламентских выборах, что приводило к количественной и качественной смене расстановки парламентских сил (в 2007–2010 – 5% (3 партии), 2010–2015 – 5 партий, 2015–2017 – 7% (6 партий), 2017 – октябрь 2020 – 9%, после признания октябрьских выборов 2020 г. недействительными – снижен до 3%, с 2021 – 5% с сокращением численности депутатов со 120 до 90 чел. и возвращением к смешанной избирательной системе). На протяжении этих лет в разные периоды в отчётах миссий международных наблюдателей отмечались случаи подкупа избирателей, отказа в регистрации кандидатов по несущественным «техническим» причинам, использования административного прессинга на электорат, мошенничества с изменением избирательного адреса по письменному заявлению и др.) [132; 134].

Положительными новеллами в результате полномасштабного избирательного реформирования в 2013–2017 годах было решение в 2014 г. о создании единого биометрического банка данных электората с одновременным постепенным оборудовании участков автоматически считывающими урнами (АСУ) с последующим сбором поступающей информации на сервер Информационной избирательной системы (ИИС). С 2015 г. данные изменения были закреплены в конституционном законе и реализованы на практике на парламентских выборах, с 2016 г. – на местных и референдуме. В обоснование данного проекта звучали аргументы о пресечении появления «мертвых

душ», «электоральных каруселей», коррупционных схем в деятельности избиркомов. Наряду с этим были приняты новые правила агитации, повышающие эффективность обеспечения равных возможностей ее участников, установлены единые дни голосования, возможность электронных обращений с жалобами на сайт ЦИК. С 2021 г. в открытом доступе находятся данные лиц, осуществляющих денежные пожертвования в избирательные фонды кандидатов, с целью усиления контроля за избирательными доходами и расходами, информация из банков при этом автоматически поступает на сайт Центризбиркома. Одним из наиболее очевидных достижений в области избирательного законодательства является введение обязательных квот в партийных списках для женщин (не менее 30%), молодёжи (не менее 15% не старше 35 лет), национальных меньшинств (15%), лиц с инвалидностью (не менее 2-х чел.), а также транслирование 3-х видов теледебатов (молодёжных, женских и между партийными лидерами) [134].

Обращаясь к знаковым событиям в области реформирования избирательного законодательства Республики Беларусь, необходимо отметить принятие в 2000 г. Избирательного кодекса (ИК), существенные изменения, внесённые в него в 2010 г., касающиеся представительства партий и иных общественных объединений в составе избирательных комиссий (не менее 1/3), уточнение процедуры проверки подлинности избирательных подписей при выдвижении кандидатов, расширение форм предвыборной агитации, введение индивидуальных кандидатских избирательных фондов, закрепление института досрочного голосования. В 2022 г. было заявлено об избирательной реформе в Республике Беларусь, в ходе которой был введён единый день голосования, предоставлено право Конституционному Суду рассматривать вопрос о конституционности выборов, закреплено формирование и освобождение от должности членов Центральной избирательной комиссии высшим представительным органом страны – Всебелорусским народным собранием (ВНС), введён в ИК новый раздел, посвящённый формированию ВНС, сокращён срок аккредитации национальных наблюдателей до дня досрочного голосования (аналогично в России, Армении, Азербайджане, Грузии, Узбекистане) [81].

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать следующие выводы об общих тенденциях развития избирательного законодательства в странах-членах ЕАЭС. Несомненно, что избирательные законы непосредственно связаны с преемственностью политического развития страны, её конституционными традициями, формой правления и территориального устройства. На конституционном уровне были закреплены в важнейшие общепринятые демократические принципы избирательного права новые избирательные системы – смешанная либо пропорциональная с целью обеспечения политического плюрализма, также появившегося в ряде конституций в период независимости. Исключение составляет сохранение мажоритарной избирательной системы в Республике Беларусь, однако

тоже трансформировавшейся от системы абсолютного большинства к относительного с целью избежать второго тура голосования.

Позиционируя приверженность международным избирательным стандартам, в 2002 г. была принята Конвенция о стандартах демократических выборов избирательных прав и свобод в государствах-участниках СНГ, в национальном законодательстве закреплялась возможность судебного пересмотра Конституционными или Верховными судами решений, связанных с проведением выборов, обеспечивались средства правовой защиты при обжаловании решений избирательных комиссий всех уровней, вводился с целью предупреждения коррупционных явлений принцип финансовой прозрачности и отчётности политических партий и кандидатов во время избирательных кампаний с установлением общего лимита финансовых расходов, максимального предела пожертвований от физических или юридических лиц, ограничения перечня субъектов, имеющих право на избирательные пожертвования, доступности государственных фондов на равных условиях для политических претендентов. На практике был реализован принцип открытости выборов путём законодательного разрешения участия в них не только национальных, но и международных наблюдателей.

Очевидным преимуществом стран ЕАЭС является появление такого источника избирательного законодательства, как избирательные кодексы, что явно способствует оптимизации деятельности избирательных органов, а также правовому просвещению населения в избирательной сфере. В настоящее время избирательные кодексы приняты в Беларуси, Армении, Кыргызстане, отдельных субъектах Российской Федерации.

Единообразному применению избирательного законодательства, координационной согласованной деятельности избирательных органов на местах, своевременному подведению итогов, просвещению граждан, эффективному рассмотрению жалоб по процедуре выборов способствовало создание центральных избирательных комиссий на постоянной профессиональной основе по процедуре, закреплённой на конституционном уровне.

Несомненно положительными тенденциями были введение гендерных квот, представительства национальных меньшинств (Казахстан, Армения, Кыргызстан), возможности досрочного, почтового и – в качестве пилотных проектов – электронного голосования, новых форм агитации в аудиовизуальных СМИ, в социальных сетях, использование новых информационных технологий в виде видеонаблюдения на избирательных участках во всех государствах, во время рассмотрения жалоб на избирательные правонарушения в центральных избирательных комиссиях (Российская Федерация).

Однако частое изменение избирательных норм, фактически «чехарда» избирательных систем в большинстве государств ЕАЭС, как видим, негативно влияли на обеспечение политической конкуренции, приводя к длительному сохранению у власти представителей одних и тех же политических элит, представленных в проправительственных парламентских парти-

ях большинства, «удержанию» активного участия правительственных структур в избирательных кампаниях. Фактически парламентское большинство этих партий позволяли принимать им «в одиночку» решения об изменении конституционных норм, принятии конституционных законов, не говоря уже о текущем законодательстве.

Очевидно, что система организации выборов требует перманентной ее модернизации с целью оптимизации и демократизации избирательного процесса.

2.3. Антикриминальная (уголовная) политика как регулятор общественных отношений

Право – в его объективном смысле – в современном мире исполняет роль базового социального регулятора, с одной стороны, упорядочивающего и охраняющего общественные отношения, стремясь разрешать неизбежные противоречия, не доводить их до конфликта и сохранять социальную стабильность, с другой – обеспечивающего охрану правопорядка путем противодействия правонарушениям и реализации принципа неотвратимости юридической ответственности виновных лиц в соответствии с законом.

Функция охраны сложившейся системы правоотношений и противодействия правонарушениям как разновидности девиантного поведения не является главной задачей права ввиду относительно небольшой доли правонарушений и правонарушителей в стабильном обществе (за исключением периодов т.н. «социальной дезорганизации» и «аномии»[64]), тем не менее не может недооцениваться, поскольку правонарушения, включая преступления, являются неизбежной «функцией» любого общества. В этом смысле, как отмечает, например, В.В. Лунеев, «возникновение уголовного права может быть представлено в виде средства правовой самозащиты общества от институционализированных форм общественно опасного поведения» как условие «выживания человечества в условиях постоянно растущей криминализации общественных отношений» [115, с. 20,22].

Охранительная функция права, обеспечивающая защиту наиболее важных социальных и личных отношений, включает в свой состав юридическую ответственность, характеризующуюся, в значительной степени, карательной направленностью. Можно с уверенностью сказать, что эта составляющая, под которой следует понимать правовое воздействие принудительного характера на определенный круг общественных отношений, выступает в качестве одной из базовых функций уголовного закона (в широком его смысле). Данное воздействие осуществляется судами, правоохранительными и другими компетентными органами к правонарушителям в виде конкретных мер «наказания» или правовой репрессии.

Формой реализации рассматриваемой функции права является антикриминальная (уголовная) политика.

Исследуемая проблема связи уголовно-правового регулирования (как, впрочем, и правового в целом) с объективными требованиями общественного развития сопряжена с целым рядом теоретических и прикладных вопросов правовой доктрины, в частности, с далеко неоднозначно решаемым вопросом установления пределов вмешательства права в регулирование общественных отношений. В теории права эти пределы правового регулирования характеризуются достаточно абстрактно как «мера допустимого, необходимого и достаточного правового воздействия на общественные отношения, обусловленная действием ряда объективных и субъективных факторов» [16, с. 45], которое реализуется путем применения специальных юридических средств. Отсюда следует, что для выявления указанных пределов, необходимо выяснить содержание и границы «допустимого, необходимого и достаточного» в правотворчестве и правоприменении, что, в свою очередь, определяется во многом типом правопонимания.

Мы исходим из либертарно-юридической концепции права, понимая под правом (в отличие от закона) «сущность права», а именно – «то, что объективно присуще праву, выражает его отличительную особенность как социальной нормы и регулятора особого рода и отличает право от неправа (от произвола, с одной стороны, от моральных, религиозных и иных социальных норм, с другой стороны), т.е. то, что не зависит от субъективной воли и произвола законодателя (правоустановительной власти)» [128, с. 3].

Основываясь на таком понимании соотношения права и закона – как его юридического выражения, можно предположить, что объективные границы допустимого в правом регулировании применительно к уголовной политике, определяются принципами уголовного права, легализованными в уголовном законе: «законности, равенства граждан перед законом, неотвратимости ответственности, личной виновной ответственности, справедливости и гуманизма» [228].

Уголовная политика как форма выражения охранительной функции права отражает назревшие потребности уголовно-правового регулирования, определяемые, с одной стороны, объективными факторами общественного развития, с другой – субъективного порядка. С.С. Алексеев отмечал в связи с этим, что «если рассматривать правовое регулирование с точки зрения его возможностей, то обнаруживаются объективные пределы правового регулирования. Право достигает своих целей и действительно регулирует общественные отношения лишь постольку, поскольку требуемое нормами права поведение людей объективно возможно, отвечает созревшему экономическим и политическим условиям» [9, с. 8]. Отсюда следует, что необходимость и границы правового регулирования зависят, главным образом, от неюридических факторов, которые обусловлены «природой человека, историческими, политическими, экономическими, культурными, религиозными и иными факторами» [180, с. 281].

Ввиду того, что формирование соответствующих правовых норм осуществляется властью в лице государства исходя из ее собственных интере-

сов и потребностей и субъективного понимания необходимости правового вмешательства в общественные отношения, пределы правового регулирования зависят также от «усмотрения государства» и «конструируется человеком» [220, с. 161], поскольку законы пишутся и реализуются людьми.

Вопрос о том, отражает ли уголовная политика актуальные криминальные вызовы, насколько она адекватна современному уровню общественных отношений, спорный.

В доктрине права и криминологии до настоящего времени нет единого мнения даже по содержанию понятия «уголовная политика», не говоря уже о критериях упомянутой выше адекватности.

При обобщении разнообразных точек зрения на уголовную политику в доктрине уголовного права, ее можно определить как деятельность государственных органов по борьбе с преступностью и ее предупреждению, осуществляемую в соответствии с уголовно-правовым и процессуальным законодательством посредством применения уголовного наказания или иных мер уголовно-правового характера к лицам, совершившим преступление. Следует отметить лаконичное определение уголовной политики в докторской диссертации И.М. Клейменова, рассматривающего ее как «целеустремленную системную деятельность по ограничению преступности средствами государственного принуждения» [91, с. 267].

В правовой доктрине понятия «уголовная политика» и «уголовно-правовая политика», как правило, отождествляются, что, видимо, не корректно. Уголовная политика, как разновидность государственной политики, включает в себя как законодательный элемент, так и правоприменительную практику, т.е. систему мер по противодействию преступности, основывающаяся не только на уголовном, но и на уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном, административном законодательстве, и не только средствами правовой репрессии. В любом случае указанные подходы к определению антикриминальной (уголовной) политики носят формальный характер, не отражая ее качественную сторону, ее соответствие (или противоречие) сформировавшимся объективным общественным потребностям.

В.А. Номоканов указывает, «в порядке постановки вопроса», следующие критерии «оптимальности (адекватности) уголовной политики»: положительное влияние изменений уголовного законодательства на состояние, особенности и социальные последствия преступности; объективно необходимые предпосылки для криминализации (декриминализации) определенных деяний; криминологическая обоснованность антикриминальной политики (справедливо отмечая общую проблему недостаточной востребованности правовых и криминологических разработок в правотворческой деятельности) [131].

Французскому социологу и криминологу Ж.Г. Тарду, одному из основателей субъективно-психологического направления в социологии, принадлежит известная формула: «какова социальная организация, такова и преступность» [221, с. 184]. Данный подход отражает не только то очевидное обстоя-

тельство, что объективное право (включая и его уголовно-правовую составляющую) как взаимосвязь законодательства и правоприменительной практики оказывает формирующее воздействие на общественные отношения и само является отражением уровня и качества состояния общества. Это еще и свидетельство того, что «в реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своим внутренним, имманентным, содержательным свойствам...Преступление и преступность – понятия релятивные (относительные), конвенциональные («договорные»: как «договорятся» законодатели), они суть – социальные конструкты, лишь отчасти отражающие социальные реалии» [44, с. 7]. Преступность по Я.И. Гилинскому, это «относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, определяемая законодателем в уголовном законе (выделено нами – В.С.)» [45, с. 37].

Развитие уголовного законодательства, определяемое социальными процессами, порождающими (объективно) расширение нормативных правил и, следовательно, ответственности за их нарушение, происходит, как отмечает М.М. Бабаев, «преимущественно в одном направлении – криминализации все новых и новых форм общественно опасного поведения» [13, с. 4].

Расширение сферы правового регулирования сопровождается увеличением законодательных норм и, следовательно, усилением ответственности за их нарушение.

Криминализация все новых форм общественно опасного поведения, сопровождающаяся ростом числа норм уголовного законодательства и соответствующим расширением сферы применения уголовной репрессии, а также расширительным, а иногда и произвольным толкованием этих норм, во многих случаях детерминирована, главным образом, интересами государственной власти по нейтрализации социальных противоречий, предотвращению их перерастания в конфликтные формы, стремлением к укреплению своих управленческих возможностей и усилению государственного властного контроля.

Качество и содержание охранительной функции права изменчивы, так как связаны с меняющимся характером социальных отношений, а также с трансформацией общественных ценностей, защищаемых уголовным законом. Кроме того, характер антикриминальной политики, так же, как и степень уголовной репрессии, в существенной степени формируется особенностями действующего правового и политического строя, а также, как уже отмечалось, ролью субъективных факторов. Исследователи замечают, что зачастую сам процесс криминализации тех или иных деяний, имеет политический характер, выступая «средством укрепления существующего государственного строя». Американский социолог Р. Куинни замечает в связи с этим: «Криминальная реальность в обществе основывается на определении преступного и не преступного... Будет ли то или иное деяние оценено в качестве преступного или не преступного, определяет класс, имеющий власть и доступ к правотворчеству» [86, с. 191].

В западной криминологии в последние годы для характеристики уголовной политики, в основе которой лежит «тенденция отдавать предпочтение карательным санкциям и пренебрегать примирительными санкциями в правотворчестве и правоприменении», активно используется понятие т.н. «пунитивного» (от лат. *punio* – наказывать, карать) законодательства. Данное понятие включает в себя «карательный менталитет, или потребность в наказании, исходящий от отдельных лиц», отражающийся, прежде всего, в средствах массовой информации и пропаганде» [245, с. 114].

Оценивая характер и эффективность уголовной политики, следует иметь в виду, что правовое воздействие, основанное на жестком социальном контроле и уголовной репрессии, имеет пределы эффективности. Известный российский цивилист начала XX века Г.Ф. Шершеневич отмечал в связи с этим, что «независимая, высшая, неограниченная и неделимая» государственная власть, является одновременно и ограниченной, поскольку «произвол государственной власти встречает ограничение в нравственных воззрениях и в интересах подвластных» [256, с. 41].

Следует отметить, что процессы правотворчества и правоприменения в кризисных условиях зачастую происходят под воздействием тактических интересов. При этом меры уголовной политики, демонстрирующие тактическую действенность, стратегически могут затушевывать реальные противоречия и криминогенные факторы. Необходимо учитывать в то же время и действие фактора, получившего в криминологической литературе наименование «охлаждающего эффекта», проявляющегося в том, что субъект права отказывается от реализации своего легального права, поскольку опасается применения к нему правовой санкции, хотя сам способ реализации права общественной опасности не имеет [1].

Современное уголовное законодательство Республики Беларусь, как неоднократно отмечалось в юридической литературе, «имеет чрезмерную динамичность. Как правило, столь частые корректировки обусловлены социально-экономическими изменениями в состоянии и тенденциях развития преступности и поиском государством новых оптимальных средств уголовно-правового воздействия» [68].

Анализ корректив, внесенных в УК Республики Беларусь за последние годы, с очевидностью данный вывод подтверждает.

Под влиянием политических событий последних лет, например, произошло существенное ужесточение уголовного, уголовно-процессуального, административного законодательства страны.

Внесен ряд изменений в законодательные акты, ужесточивших правовую ответственность за нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий, по вопросам противодействия экстремизму и терроризму (Закон Республики Беларусь «О массовых мероприятиях от 30 декабря 1997 г. № 114-3 (в редакции Закона 24 мая 2021 г. № 108); Закон Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-3 «О противодействии экстремизму» в редакции Закона 14 мая 2021 г. № 104-3); Закон Республики Бела-

республики «О гражданстве Республики Беларусь» от 1 августа 2002 г. № 136-З (в редакции Закона 5 января 2023 г. № 242-З) и др. Приняты новые законы: Закон Республики Беларусь от 5 января 2022 г. № 146-З «О геноциде белорусского народа», Закон от 14 мая 2021 г. № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма» с внесением соответствующих изменений в УК.

Законами Республики Беларусь: от 6 января 2021 г. № 85-З; от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности»; от 14 декабря 2021 г. № 133-З «Об изменении Уголовного кодекса Республики Беларусь», от 4 января 2022 г. № 144-З «Об изменении кодексов», от 5 января 2022 г. № 146-З, от 13 мая 2022 г. № 165-З «Об изменении Уголовного кодекса Республики Беларусь», от 9 марта 2023 г. № 256-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» – изменены нормы УК, ужесточающие уголовную ответственность.

Так, криминализирован ряд деяний путем дополнения УК ст. 130.2. «Отрицание геноцида белорусского народа», ст. 193.1. «Незаконные организация деятельности общественного объединения, религиозной организации или фонда либо участие в их деятельности», ст. 289.1. «Пропаганда терроризма», ст. 341.1 «Пропаганда или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики», ст. 342.2 «Неоднократное нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий», ст. 361.4. «Содействие экстремистской деятельности», ст. 361.5. «Прохождение обучения или иной подготовки для участия в экстремистской деятельности», ст. 375.1 «Незаконное собиране либо получение сведений, составляющих государственные секреты», ст. 375.2. «Нарушение требований по защите государственных секретов», ст. 423.1. «Неисполнение решения о признании организации, деятельности индивидуального предпринимателя экстремистскими, о прекращении деятельности представительства иностранной или международной организации и (или) приостановлении их деятельности» .

Изменены ч. 1 ст. 59 и ч. 2 ст. 67, расширившие применение смертной казни – расстрела, в том числе за покушение на совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 124, ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 289 и ч. 2 ст. 359 УК.

Ужесточены санкции ч. 2 ст. 290.2 «Содействие террористической деятельности», ст. 324. «Угроза опасным использованием радиоактивных материалов», ст. 356 «Измена государству», ст. 357. «Заговор или иные действия, совершенные с целью захвата государственной власти», ст. 358. «Шпионаж», ст. 360. «Диверсия», ст. 361. «Призывы к мерам ограничительного характера (санкциям), иным действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь», 361.1. «Создание экстремистского формирования либо участие в нем», ст. 361.2. «Финансирование экстремистской деятельности», ст. 363. «Сопrotивление сотруднику органов внутренних дел или иному лицу, охраняющим общественный порядок», ст. 369. «Оскорбление представителя власти и их близких», ст. 369.1. «Дискредитация Республики Беларусь»,

ст. 373 «Умышленное разглашение государственной тайны», ст. 375. «Умышленное разглашение служебной тайны»

Следует отметить также, что диспозиция вводимых статей, усиливающих карательную направленность уголовного регулирования, не всегда достаточно конкретна и определена, что порождает возможность субъективистской оценки деяний и их расширительной трактовки в правоприменении.

Уголовно-правовая репрессия – это наиболее радикальный метод регулирования общественных отношений, следовательно, основания его применения должны быть недвусмысленно установлены в законе, а его использование должно быть законодательно ограничено и обосновано.

Результативность правового регулирования требует инициативного взаимодействия власти и общества. Необходимо, чтобы не только государство, но и сам социум проявлял желание разрешить ту или иную проблему, входящую в круг государственных полномочий.

Особо здесь следует отметить явно недооцениваемую в наших условиях значение криминологического знания для формирования оптимальной уголовной политики. Криминология не только создает теоретическую основу противодействия преступности путем обобщения и анализа эмпирического материала, но и интегрирует знания других наук о криминальном поведении, что позволяет имплементировать их далее в правовое поле.

В доктрине уже высказывалась мысль о необходимости создания некоего постоянно действующего независимого экспертного совета в целях оптимизации антикриминальной политики и повышения роли в ней криминологического знания [108]. В условиях Беларуси подобную функцию мог бы сыграть, например, Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

2.4. Особенности функционирования государственного сектора экономики Китая: правовой аспект (анализ на основе «Теории экономического права»)

Для экономики союзного государства (Россия и Беларусь) важное значение приобретает опыт одного из ведущих стран на мировой арене – Китайской Народной Республики. Так, 1 марта 2023 года Президент Белоруссии Александр Лукашенко и Председатель КНР Си Цзиньпин «договорились, в частности, активнее использовать в двусторонних отношениях национальные валюты, поставлять друг другу высококачественную сельхозпродукцию, развивать китайско-белорусский индустриальный парк и вместе вести научные исследования, укреплять сотрудничество в сфере обороны и взаимодействовать в рамках ШОС (Минск подал заявку на членство в организации в 2022 году)» [255]. При этом важно отметить, что в 2022 году товарооборот между двумя странами составил \$5,79 млрд.

В отношениях Китая и России «приоритетной была и остается тематика торгово-экономического взаимодействия двух стран. Так, КНР прочно занимает позицию ведущего внешнеторгового партнера России. Ожидается, что в 2023 году Российская Федерация и Китайская Народная Республика не только выйдут на объем торговли в \$200 млрд, но и превзойдут этот рубеж» [159].

Для белорусской и российской правовой науки большое значение имеет опыт правового регулирования экономики Китая, прежде всего, его столпа – государственного сектора. Правовое обеспечение государственного сектора экономики является одним из наиболее важных для государства. Экономический рост связан, прежде всего, с государственными инвестициями, которые после их освоения не вызывают последующего оттока финансовых средств за рубеж. Кроме этого, ряд отраслей экономики требуют «длинных инвестиций» и значительных затрат, что не под силу для частного сектора.

Для Китая государственный сектор экономики играет важнейшую роль, составляя более 63% ВВП, собирая 80% налогов и обеспечивая до 90% занятости населения. Отмечается, что «высокая эффективность государственного сектора экономики Китая обуславливается высокой эффективностью, прибыльностью и самокупаемостью. Более 20 китайских государственных предприятий входят в число 500 крупнейших транснациональных корпораций мира. Государственные компании Китая представлены в основном в таких стратегических отраслях, как нефтехимическая, газовая, угольная, энергетическая, цветная металлургия, космическая и пр.» При этом Китай не стал прислушиваться к советам западных экспертов и сокращать роль госсектора в экономике. Наоборот данный сектор был увеличен при общем сокращении числа госпредприятий за счет их укрупнения до размеров экономических гигантов – формально это осуществлялось путем реорганизации госпредприятий в акционерные компании с сохранением контрольного пакета акций у государства [47].

Эффективность правового регулирования в соответствии с теорией экономического права является самостоятельной категорией по отношению к экономической эффективности, означая соблюдение в законодательстве логически обоснованных закономерностей правового регулирования общественных отношений, в том числе направленных на обеспечение позитивного экономического поведения при одновременном сдерживании и подавлении сопутствующего негативного экономического поведения [67]. Именно последний критерий является слабым местом для государственного сектора экономики в свободном рынке.

Вместе с тем экономические отношения могут быть в целом неэффективными при эффективном правовой системе, в частности, по причине ошибочно выбранной экономической модели развития. Однако при неэф-

фективном законодательстве любая экономическая программа обречена если не на провал, то на минимальный эффект [67, с. 64–75].

Среди основных законов Поднебесной, регулирующих государственный сектор экономики, необходимо отметить, в первую очередь, Конституцию Китайской Народной Республики [97], Закон Китая о государственных активах на предприятиях [71], Закон о государственных закупках Китая [72].

Отношения с государственным имуществом отмечаются и в гражданском законодательстве: Гражданском кодексе Китая [52], Законе о компаниях Китая [73] и др.

Механизм формирования отношений (экономического поведения) в государственном секторе экономики в соответствии с теорией экономического права [67, с. 207–220] заключается в том, что в нем отсутствует реальный собственник (физическое лицо), а соответственно, психолого-экономический мотив экономического поведения, такой как «чувство собственности», поскольку государственный сектор действует в интересах публичных образований, во внешних и внутренних отношениях, представленных государственными чиновниками. Поэтому отсутствует экономическое (естественное) сдерживание «реального собственника» от сопутствующего негативного поведения – действий во вред своему имуществу, которое является государственным. Экономическое поведение государства диктуется социально-экономическими и государственными задачами и основано на плановых расчетах, бережливого и рачительного расходования бюджетных средств, выполнения поставленных задач и т.п.

Воля государства может быть выражена только через правовое закрепление, что предполагает нормирование как расходов государственных средств, так и их строго целевое использование в соответствии с инструкциями должного поведения, на выполнение которых необходимо направить действия представителя собственника. Все приведенные обстоятельства диктуют административный (дозволительный) правовой режим использования государственного имущества, основанный на принципе: «все, что законодательством (инструкцией) не дозволено, то запрещено» [67, с. 38–49]. При этом важно отметить, что китайское законодательство рассматривает руководителя предприятия именно как представителя, а не как его орган.

Следует обратить внимание на фундаментальные положения о защите государственного сектора экономики в Конституции КНР. В соответствии со ст. 6 социалистическая общественная собственность на средства производства, а именно собственность всего народа и коллективная собственность трудящихся, выступает основой социалистической экономической системы Китайской Народной Республики, которая, в соответствии со ст. 7, находится в собственности всего народа и является ведущей силой национальной экономики, а государство обеспечивает укрепление и рост

государственной экономики. В сельских районах все формы кооперативной экономики (производственная, сбытовая, кредитная и потребительская) также относятся к сектору социалистической экономики, находящемуся в коллективной собственности трудящихся (ст. 8 Конституции КНР).

Для сравнения: в России государственный сектор экономики не учитывает сельскохозяйственных кооперативов, что, в частности, отмечено в определении Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации [173], а также и в белорусском законодательстве. Более того, ст. 260 Гражданского кодекса Китая гласит, что в коллективной собственности находится имущество фермерского коллектива, а ст. 91 Уголовного права Китая к государственной собственности также относит общественные пожертвования или специальные фонды, используемые для искоренения бедности или других общественных мероприятий.

В соответствии со ст. 12 Конституции КНР социалистическая общественная собственность неприкосновенна, подлежит государственной защите, присвоение или повреждение государственной или коллективной собственности любой организацией или отдельным лицом любым способом запрещено.

Аналогичные положения закреплены и в ГК Китая. Согласно ст. 258 государственная собственность охраняется законом, и никакая организация или частное лицо не может присвоить, грабить, тайно распространять, перехватывать или уничтожать такую собственность.

Несмотря на то, что законная частная собственность граждан также неприкосновенна и подлежит государственной защите, государство может в общественных интересах и в соответствии с законом экспроприировать или реквизирировать частную собственность для ее использования и выплачивать компенсацию за экспроприированную или реквизированную частную собственность (ст. 13 Основного закона Китая). Иными словами, национализация закреплена в Конституции Китая.

Вместе с тем, приватизация затронула и Китай, но в отличие от России Поднебесная не стала постепенно ликвидировать свой госсектор, а частные предприятия создавались заново или на базе малых госпредприятий (лозунг «отпускать малые, держать крупные») [47]. Об этом указывает и ст. 5 Закона Китая о государственных активах на предприятиях. В ней перечисляются не только предприятия и компании, полностью принадлежащие государству, а также холдинговые компании с государственным капиталом или аналогичные акционерные общества. Если добавить к указанному главу 3 Гражданского кодекса Китая «Юридические лица», Закон о компаниях Китая, Закон Китая о партнерских предприятиях [74], Закон Китая о частных предприятиях [75] и др., то можно вести речь о трехсекторной модели экономики. С позиции закономерностей построения системы правового регулирования экономики государственного сектора наиболее оптимальная правовая

модель содержит: во-первых, блок законодательства о государственном секторе экономики, основанной на административно правовом режиме; во-вторых, гражданское законодательство, регулирующее частный сектор экономики; в-третьих, законодательство, согласующее оба сектора экономики; в-четвертых, законодательство о смешанном секторе экономики, согласующего государственные и частные интересы [66].

Наиболее показательным является специальный Закон Китайской Народной Республики о государственных активах на предприятиях, который был принят с целью защиты базовой экономической системы, консолидации и расширения государственного сектора экономики, усиления защиты государственных активов и обеспечения ведущей роли государственного сектора экономики.

Так, в соответствии со ст. 8 названного нормативного акта государство устанавливает надежную систему управления государственными активами и надзора за ними, соразмерную требованиям развития социалистической рыночной экономики, а также систему оценки и отчетности для поддержания стоимости и увеличения государственных активов для обеспечения выполнения обязанностей по поддержанию и увеличению стоимости государственных активов.

Руководство предприятий государственного сектора экономики опирается на принцип отделения государственного управления от управления предприятием, отделяя функции управления общественными делами от функций государства (ст. 6 Закона).

Система управления государственным предприятием, установленная данным и другими нормативными актами (прежде всего, контроль за действиями руководства организации), является наиболее показательной. От имени государства выступают Государственный совет Китая, что касается крупных предприятий с государственным капиталом. Последние имеют отношение к жизненно важной национальной экономике и национальной безопасности). Органы местного самоуправления (в отношении остальных предприятий с государственным капиталом), которые в соответствии с положениями законов и административных постановлений выполняют функции вкладчика для предприятий с государственным капиталом и могут пользоваться правами и интересами вкладчика от имени государства (ст. 4 Закона).

Государственный совет и местные народные правительства создают учреждения по регулированию государственных активов, непосредственно выполняющие функции вкладчика, которые обязаны защищать права и интересы вкладчиков и предотвращать потерю государственных активов (ст. 14 Закона). Представители таких учреждений могут быть участниками общих собраний юридических лиц.

Также для государственных компаний, холдинговых и акционерных компаний с государственным капиталом создается наблюдательный совет, который проверяет выполнение обязанностей директорами и старшими

менеджерами, а также контролирует и проверяет финансовое состояние предприятия (ст. 19 Закона).

В соответствии со ст. 22 Закона Китая о государственных активах на предприятиях учреждение, осуществляющее функции вкладчика, назначает и отстраняет таких должностных лиц как президент, вице-президент, других руководителей высшего звена полностью государственного предприятия; председателя или заместителей председателя совета директоров, директоров, председателя наблюдательного совета или руководителей компании, полностью принадлежащей государству; а также предлагает кандидата на должность директора или руководителя собрания или общего собрания акционеров холдинговой или акционерной компаний с государственным капиталом.

Кроме указанных органов, важно отметить еще два важнейших управленческих аппарата: во-первых, демократическое управление предприятия с государственным капиталом через «съезд служащих» (ст. 20 Закона); во-вторых, поскольку подавляющее большинство руководителей предприятий являются членами Компартии Китая, поэтому нельзя недооценивать роль партийной организации в хозяйственном руководстве. Оно должно вестись в соответствии с Конституцией. Такая система полностью соответствует управлению в государственном секторе экономики и позволяет достаточно эффективно контролировать действия исполнительного органа организаций государственного и смешанного секторов экономики.

Особенно следует выделить «политику государственных закупок в Китае», которая «состоит из двух направлений»: «государственных закупок как инструмента уменьшения технологической и финансовой зависимости национального производства от иностранных источников ресурсов и капитала»; государственных закупок «как механизма поддержки национального экспорта, что способствует высокому уровню загруженности производства, позволяет избежать безработицы» [177].

На фоне роста напряженности между Пекином и Вашингтоном деятельность иностранных компаний на рынке государственных закупок Поднебесной существенно ограничена. После вступления в ВТО Китай законодательно закрепил правомочность предоставления преференций национальным поставщикам в рамках госзаказа (статья 10 Закона о государственных закупках). Исключения составляют лишь три ситуации: во-первых, когда необходимые товары, работы или услуги невозможно приобрести на территории КНР или, если такая возможность есть, они не могут быть получены на разумных коммерческих условиях (в Китае они стоят на 20% дороже, чем за границей); во-вторых, если покупаемые товары предназначены для использования за рубежом; в-третьих, когда иное не предусмотрено другими законами и административными правилами.

«Власти Китая изо всех сил стараются снизить уровень конкуренции за китайский рынок высоких технологий со стороны США и европейских

стран. Кроме того, уход западных компаний с китайского рынка госзаказов обеспечит дополнительный спрос на китайскую продукцию. Ликвидация иностранной конкуренции может стать приоритетом китайской политики государственных закупок» [177].

Таким образом, анализ системы правового обеспечения экономических отношений позволяет утверждать, что в КНР фактически сформирована трехсекторная модель экономических отношений, центральным звеном которой выступают соответствующие положения Конституции и Закон Китая о государственных активах на предприятиях. Как результат, существующее экономическое законодательство в целом является достаточно эффективным, прежде всего, с позиции защиты государственных интересов, обеспеченных мощнейшим аппаратом контроля за действиями руководителя предприятия. Вместе с тем закрепленная законами возможность приватизации государственных предприятий содержит риски смены собственников государственных организаций с перспективой негативных последствий, подобных имевшим место в соответствующий период в России (начальный период преобразований экономики в Беларуси).

2.5. Участие населения России в охране общественного порядка и борьбе с преступностью (исторический обзор)

Участие населения в оказании содействия правоохранительным органам в различных организационных формах известно с незапамятных времен в большинстве стран мира. Большим разнообразием данные формы отличались и в России. Известно, что с древнейших времен в нашей стране население привлекалось к охране порядка, борьбе с преступностью на основе повинности. В XVII в. эта практика была юридически закреплена в целом ряде нормативно-правовых актов. Так, «Соборное Уложение» 1649 г. предусматривало, что «целовальникам и сторожам» московских тюрем при побеге преступников должны оказывать содействие «черных сотен и слобод тяглые люди» (ст. 101, гл. XXI) [156, с. 406]. «Наказ о градском благочинии» (1649 г.) предписывал выделять в помощь объезжим головам по пяти решеточных приказчиков, а также «со всяких людей, с 10 дворов по человеку с рогатины, и с топоры, и с водоливными трубами» [162]. Кстати, повинность населения в сфере борьбы с пожарами, ответственность за которую, как известно, была возложена на полицию, сохранялась весьма продолжительное время.

После создания в начале XVIII в. регулярной полиции практика привлечения гражданских лиц к охране общественного порядка и борьбе с преступностью сохранилась: в городах «определялись» сотские, десятские, караульщики и пр. Об этом прямо говорилось в «Пунктах генерал-полицмейстеру» от 25 мая 1718 г.: «надлежит определить в каждой

слободе или улице старосту, и к каждым десяти дворам десятского из тех же жителей, и дабы каждый десятский за своим десятком накрепко смотрел, чтоб чего не учинилось противного запрещению... також учинить распорядок между жителями, кому с каким пожарным оружием ходить на пожары» [163].

Инструкция, данная Московской полицмейстерской канцелярии (10 декабря 1722 г.), сохранив прежнее положение, ввела ряд новых норм, направленных на расширение привлечения населения к содействию полиции. В частности, она предписывала в том случае, если караульщики будут не в состоянии задержать «воровских людей» и начнут «бить в трещотки», то все «тутошные жители» обязаны прийти им на помощь, «а ежели кто вспоможения чинить не будет, и за то с тех людей иметь штрафу по полтине с человека, а кому того штрафу заплатить будет нечем и тем чинить наказание бить батоги...» [104, с. 6]. Обязанность населения оказывать содействие государственным органам в охране порядка и борьбе с преступностью закреплялась и другими нормативными актами XVIII в.: «Наказ о должности губернатора, вице-губернатора, воевод, товарищей их, земских комиссаров и проч.» от 12 сентября 1728 г., «О земской полиции и о сельских начальствах: голове, старшинах, сотских и десятских» от 7 августа 1797 г. [200, с. 36, 116].

Нельзя не упомянуть и о таком важном институте, через который большие массы сельских жителей участвовали в охране общественного порядка и борьбе с преступностью, как община. Она обладала мощным охранительным потенциалом. Многовековая история общинной организации сельского населения создала уникальный опыт объединения усилий деревенских жителей в решении жизненно важных повседневных вопросов: землепользования, распределения повинностей, взаимопомощи, благоустройства, а также обеспечения общественного порядка и безопасности, коллективных форм борьбы со ското- и конокрадами. Сход мог принять решение о запрещении любых нежелательных со стороны членов общины (жителей данного поселения) действий, предусмотреть за их нарушение достаточно суровые меры наказания (урезание надела, досрочное отправление сыновей в рекруты, штраф и др.). Прекрасно понимая значение общины для поддержания порядка, правительство в XVIII в. предоставило ей право принимать решения об отправке в Сибирь «порочных членов».

Как любое сложное явление, общинные начала несли в себе две противоположности, отмечавшиеся современниками. С одной стороны, это угнетение личности, с другой – наличие братских чувств. Выяснить, насколько одно начало перевешивало другое, не представляется реальным, т.к. именно их единство дало такое самобытное явление жизни как «русский мир», в котором на месте физической силы стояла сила нравственная, сила общественного мнения.

Несомненно, что разброс социально-нравственных типов поведения в общине был очень велик: от глубоко верующих, нравственных и трудолюбивых крестьян до пьяниц и лентяев.

«Мир» следил за моральным обликом своих членов и был нравственным судьей. Самым большим несчастьем для крестьянина было уронить свой авторитет в глазах мира. Из-за общих экономических интересов приходилось также следить за моральным обликом своих членов.

Мнение общества о поступках каждого его члена имело значение не только в информационно-оценочном плане, но и влекло за собой материальные последствия.

Выше мы уже упоминали о том, что общинник, уличенный в дурном поведении – пьянстве, мотовстве, неповиновении старшим и других проступках – мог быть подвергнут телесному наказанию, лишению права наследства и опекуна над имуществом. Наказание за безнравственный проступок могло быть и жестче, вплоть до исключения из состава общины, что в итоге лишало крестьянина средств к существованию.

Дальнейшее развитие организационных форм участия населения в оказании помощи полиции связано с изменением социально-экономической обстановки в стране, эволюцией общественного строя, ухудшением криминогенной ситуации. В XIX столетии отменяется крепостное право, постепенно ослабевают общинные регуляторы, бурно развиваются города, увеличивается миграция населения, растет преступность. Вместе с тем правительство, как это видно из многочисленных публикаций по истории полиции дореволюционной России, не принимает адекватных мер по ее укреплению. Нужно иметь в виду также и то обстоятельство, что хотя повинности, о которых шла речь, сохранялись, все очевидней становилась их неэффективность, вытекавшая из самой их природы. Как известно, выполнение любого вида деятельности на основе принуждения не может обеспечить желаемого результата. Поэтому в крупных промышленных центрах уже в ходе «великих реформ» XIX в. предпринимаются попытки организовать содействие населения полиции на иных основах. Московская городская дума даже приняла решение о создании милиции, как организованного на основе добровольности формирования, призванного оказывать помощь полиции [216, с. 14].

С новой силой и размахом идея милиции, как одной из форм участия населения в охране общественного порядка и борьбе с преступностью, начала развиваться в период революции 1905 г. Примечательно то, что она была одинаково популярной среди представителей и революционного крыла, и консервативного, и в правительственных кругах. Естественно, все они при этом преследовали разные политические цели, но их стремления совпадали в том, что эти формирования могли бы способствовать повышению эффективности борьбы с преступностью и поддержания общественного порядка. Сошлемся на несколько примеров.

На заседаниях Московской городской думы с 14 октября по 1 ноября 1905 г. вопрос о создании городской милиции обсуждался неоднократно и дискуссии велись самые острые. Ее сторонники создания милиции (или, как выразился один из гласных Московской думы, «употребляя русское выражение – городской стражи») полагали, что тем самым будут предотвращены попытки темных сил «организоваться на борьбу с освободительным движением» [70, с. 153]. Они считали, что между задачей «охранения освободительного движения» и задачей «защиты личности и жилищ, имущества и свободы собраний» нет противоречий. «Личность не была защищена ни от черной сотни, ни от казаков, ни от красной сотни, от каждого, кто хотел бы нарушить чужую неприкосновенность» [216, с. 767].

Гласные обсуждали и организационные основы милиции. Так, граф С.Л. Толстой говорил: «Я не высказывался относительно платности или бесплатности мирной милиции. Кадры будут совершенно бесплатные и могут захватывать большое количество населения. Это может быть десятки тысяч. Это люди, которые хотят мирно жить, и они не должны принадлежать к социал-демократам, которые запасаются револьверами; они не должны участвовать в уличных манифестациях, так как уличные манифестации по закону не разрешены и люди порядка в них не должны участвовать» [216, с. 767]. Решение думы о создании городской милиции было заблокировано московским градоначальником.

К созданию отрядов милиции призывали представители различных слоев населения, партий, объединений. На состоявшемся 14 октября 1905 г. в здании Московского университета митинге студентов и рабочих было принято следующее заявление: «Дума должна немедленно войти в сношение с революционными организациями и выдать им деньги... для вооружения пролетариата и составления всемосковской милиции – национальной гвардии» [70]. Постановление «общественного и адвокатского митинга» от 19 октября 1905 г. также предусматривало немедленное создание городской милиции, задачами которой должны быть:

- 1) охрана московских граждан от насилия и произвола как со стороны частных лиц, так и администрации, и войск;
- 2) умиротворение населения [216, с. 688].

Тверская городская дума (а Тверь тогда входила в состав Московской губернии) в петиции в Московскую городскую думу необходимость создания «народной милиции» обосновывала так: «Только городская вооруженная стража может сдерживать нашу разнузданную полицию; только она может поставить границы расходившимся страстям обеих борющихся сторон, не вызывая новых осложнений. Угрозы перестали действовать: необходимо создать дисциплину, исходящую от самого общества. Дать гражданам истинную безопасность, создать у нас действительный порядок – сделать это может теперь только городская милиция» [216, с. 690].

Требования левых были более радикальными. Так, МК РСДРП предлагал немедленно ликвидировать полицию, создав вместо нее городскую милицию под руководством Совета рабочих и солдатских депутатов. Более того, в этом направлении предпринимались и практические шаги: на крупных предприятиях была образована «рабочая самооборона» (вооруженные дружины) для защиты «от черной сотни». 7 декабря 1905 года Исполком Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов принял постановление, в котором говорилось, что он «организует собственные кадры для защиты имущества от воров». По воспоминаниям современников эти меры оказались весьма эффективными. «Охрану жизни и имущества обывателей взяли на себя боевые дружины. И замечательно, что с этого момента хулиганы, профессиональные громилы и т.п. – все попрятались, точно сквозь землю провалились, и о грабежах и бесчинствах ничего не слышно» [59, с. 243].

Вооруженные дружины были образованы некоторыми предпринимателями для охраны своих фабрик и заводов [46, с. 146]; обывателями отдельных районов были организованы комитеты самообороны для защиты от грабителей [123, с. 107, 165, 211].

Милицейские отряды создавались и правительственными органами. 9 декабря 1905 на совещании у московского генерал-губернатора было принято решение «образовать милицию, подчиненную местной участковой полиции» [123, с. 48].

Опыт 1905 г. по привлечению населения к охране порядка и борьбе с преступностью в гораздо более широких масштабах был воспроизведен в период второй буржуазно-демократической и пролетарской революций 1917 г. Непродолжительная практика отрядов милиции, созданных в 1905 г., дала лидерам большевистской партии весомые аргументы для обоснования тезиса о том, что социалистическое государство может обойтись без кадровой армии и штатных государственных органов охраны общественного порядка, функции которых будет выполнять «всенародная» или «пролетарская» милиция. Исходя именно из этой концепции и осуществлялось строительство рабочей милиции, постановление о которой было принято НКВД 10 ноября 1917 г.

До весны 1918 г. строго выдерживалась линия на упразднение сохранившихся кое-где штатных органов милиции Временного правительства (личный состав которых объявил о признании Советской власти) и замене их формированиями рабочей милиции, создававшихся, по общему правилу, на основе добровольности вхождения, безвозмездности выполнения их членами обязанностей по охране общественного порядка без оставления основного места работы.

Начало строительства штатной, профессиональной рабоче-крестьянской милиции не означало полного отказа от привлечения населения к оказанию ей содействия. Инструкция НКВД и НКЮ РСФСР от 12 октября 1918 года «Об организации советской рабоче-крестьянской

милиции» предусматривала создание при исполкомах местных Советов добровольных отрядов милиции [204]. Имеются сведения, что в период гражданской войны и иностранной интервенции подобные формирования действовали в Омске, Пскове, Петрограде, Самаре и др. городах.

По окончании гражданской войны развитие форм содействия населения правоохранительным органам обуславливалось целым рядом обстоятельств, прежде всего оперативной обстановкой, распространенностью отдельных видов преступлений в том или ином регионе, состоянием органов охраны общественного порядка. Так, для борьбы с политическим и уголовным бандитизмом были сформированы части особого назначения (ЧОН), что утверждено в положении ЦК РКП(б) от 26 августа 1921 года. В нем получил свое дальнейшее развитие принцип участия трудящихся, особенно их авангарда – коммунистов и комсомольцев, в охране порядка. Были определены организационные основы построения ЧОН: милиционно-территориальное комплектование, коммунистический и комсомольский состав, непосредственное партийное руководство [215, с. 138–143].

В связи с тем, что подавляющая часть взрослого населения была мобилизована в Красную Армию, отряды особого назначения создавались часто за счет совсем юных бойцов, в первую очередь, членов РКСМ. Это подтверждалось соответствующим постановлением секретариата ЦК комсомола «О вовлечении членов РКСМ в отряды особого назначения», которое, в частности, гласило: «Включить в отряды всех членов РКСМ от 17 лет. До 17 лет держать на учете и, в случае необходимости, привлекать к разведочной службе и службе связи» [191]. В последующем все члены РКСМ перешли в состав частей особого назначения.

ЧОН, действуя в тесном контакте с милицией, сосредоточили свои усилия на борьбе с бандитизмом, охране хозяйственных и военных объектов, путей сообщения, общественного порядка и других населенных пунктах.

Обеспечение взаимодействия с милицией и чекистами определялось прежде всего общностью задач, а также необходимостью иметь постоянную информацию о перемещениях банд, их дислокации, численном составе и т.п. Например, в Белоруссии, где бандитизм приобрел значительный размах, сотрудники милиции совместно с чекистами проводили оперативно-розыскную работу в районах активных действий бандитов. В критических ситуациях милиционеры пополняли части особого назначения [153, с. 87].

Ввиду сокращения финансирования в 1922 году штаты милиции РСФСР были уменьшены более чем в два раза, ее содержание с общегосударственного передали на местные бюджеты, что привело к дальнейшему уменьшению численности сотрудников милиции уже решениями местных Советов. В создавшихся условиях, органы власти пытались компенсировать кадровый дефицит привлечением к охране правопорядка дополнительных сил общественности. В 1924 году ВЦИК и СНК РСФСР приняли декрет «О сельских исполнителях» [205, с. 266], который определил цели и

задачи данного института и установил круг их обязанностей. Это – охрана общественного порядка, личной и имущественной безопасности граждан, благоустройство. Указывалось также, что сельские исполнители призваны способствовать выполнению сельскими Советами заданий «по развитию общественной самодеятельности» трудящихся крестьян [124].

Милиция поддерживала связь с сельскими исполнителями. Ее работники, чаще всего участковый милиционер, вместе с сельсоветами участвовали в назначении сельских исполнителей, совместно с ними составляли планы работы, обучали действиям в конкретных ситуациях и т.д. [49].

НКВД РСФСР впоследствии неоднократно издавал инструкции о порядке назначения и деятельности сельских исполнителей. В этих документах (от 08.01.1927, 29.01.1927, 27.07.1929 гг.) конкретизировались положения декрета от 27.04.1924 года, более четко определялась юридическая природа взаимоотношений сельского Совета и сельских исполнителей. Последние подчинялись непосредственно председателю Совета и могли принимать участие в заседаниях Совета с правом совещательного голоса. Органы милиции привлекали сельских исполнителей к выполнению возложенных на них обязанностей только с согласия Совета и лишь в неотложных случаях делали это самостоятельно, но с последующем уведомлением сельского Совета [124, с. 34].

После проведения коллективизации ВЦИК и СНК РСФСР вновь приняли постановление «О сельских исполнителях» от 10 мая 1932 года. В нем применительно к сложившимся условиям были сформулированы цели и задачи этого института.

Исходя из практического опыта, законодатель регламентировал необходимость более тесных контактов с органами милиции: «При проведении работы по обеспечению революционного порядка и общественной безопасности и охране государственного и общественного имущества сельские исполнители, действуя совместно с органами милиции, руководствуются при этом указаниями этих органов. Инструктирование сельских исполнителей в этой части осуществляется сельсоветами и органами милиции» [205, с. 194].

Сельские исполнители по-прежнему осуществляли свою деятельность на общественных началах. В постановлении прямо говорилось, что при даче поручений сельскими исполнителями должна учитываться «возможность их выполнения в нерабочее время».

В этом нормативном акте подробно определены обязанности сельских исполнителей, связанные с охраной общественного порядка:

1. Надзор за порядком на соответствующей территории и принятие мер к восстановлению нарушенного порядка.

2. Охрана государственного и общественного имущества, а также ценностей, препровождаемых государственными и общественными организациями.

3. Сопровождение и препровождение в сельсовет лиц, задержанных органами милиции и другими уполномоченными на это должностными лицами.

4. Наблюдение за порядком в общественных местах и других местах массового скопления граждан.

5. Надзор за проведением в жизнь обязательных постановлений и составление протоколов их нарушений.

6. Сообщение сельскому Совету или милиции о всех совершенных преступлениях или происшествиях и принятие мер к задержанию преступников.

7. Сообщение сельсовету или милиции об изготовлении или хранении самогона.

8. Участие в исполнении приговоров, решений, определений судов [208, с. 194].

Общественная природа института сельских исполнителей была обусловлена положением о том, что милиция руководила их деятельностью лишь по охране общественного порядка, то есть, не устанавливалось полного подчинения милиции или каким-либо другим органам.

Комсомольские организации села внесли свой вклад в дело становления и совершенствования функционирования института сельских исполнителей. Отмечая широкое распространение хулиганства и пьянства на селе, пленум Владикавказского окружного комитета РКСМ рекомендовал сельским ячейкам использовать для борьбы с этими пороками все возможности, включая самую активную помощь сельским исполнителям [192].

В тезисах к пленуму Речицкого окружного комитета комсомола Белоруссии отмечено, что в числе сельских исполнителей много членов Коммунистического союза молодежи Беларуси (КСМБ). Задача сельских ячеек объединить их авангардную роль в борьбе за новый быт в деревне [157]. В городах, по инициативе рабочих коллективов, стали создаваться дружины по борьбе с хулиганством, которые, в последствие получили название ячеек Общества содействия милиции (Осодмил). В Нижнем Тагиле, где они появились впервые в 1928 году, уже через год действовали 84 ячейки с 1245 членами. В 1930 году в РСФСР насчитывалось 4000 ячеек Осодмила, в которых состояло 45000 членов [5, с. 701].

В мае 1930 года постановлением СНК РСФСР было утверждено положение «Об Обществах содействия органам милиции и уголовного розыска», в соответствии с которым Осодмил являлся добровольной организацией, состоявшей при административно-правовых секциях городских, поселковых и сельских Советов.

Были также сформулированы основные задачи Осодмила. Они заключались в следующем:

– содействие органам милиции и уголовного розыска, путем непосредственного выполнения членами общества отдельных поручений

в области борьбы с хулиганством, уличными и другими мелкими нарушениями общественного порядка;

– содействие укреплению органов милиции и уголовного розыска и совершенствование методов их работы [206].

Характерной чертой Осодмила был его исключительно самостоятельный характер: органы милиции не подчиняли себе общество содействия милиции, а лишь выполняли функции оперативного руководства им. Он был наделен статусом юридического лица.

Опыт деятельности организаций Общества содействия милиции получил юридическое закрепление в «Положении о рабоче-крестьянской милиции» – первом общесоюзном нормативном акте от 25 мая 1931 года, регулировавшим организацию и деятельность органов милиции. В нем, в частности, говорилось: «Рабоче-крестьянская милиция в своей работе опирается на широкие трудящиеся массы и привлекает их к непосредственному выполнению отдельных возложенных на нее задач. С этой целью она организует добровольные общества содействия милиции и руководит их деятельностью» [202].

Таким образом, между органами милиции и Осодмилом практически регламентировались отношения властвования и подчинения, в то время как о связи и взаимодействии общественности с местными Советами вообще не упоминалось. Все это было обусловлено изменением методов государственного управления, усилением централизма, что нашло отражение и в сфере привлечения населения к оказанию помощи милиции.

Исходя из этого, Постановление СНК РСФСР от 29 апреля 1932 года предложило реорганизовать общества содействия органам милиции и уголовного розыска в бригады содействия милиции (БСМ). Организационная и контролирующая функции за их деятельностью возлагались непосредственно на соответствующие управления милиции [207]. Аналогичные преобразования были сделаны в масштабах всего СССР.

Учитывая активное участие в бригадмилейском движении ВЛКСМ, удалось обеспечить как массовость, так и эффективность деятельности бригад содействия милиции, что способствовало укреплению общественного порядка на территории страны. Кроме того, они стали своеобразной «кузницей» кадров для правоохранительных органов.

Бригады содействия милиции оставались главным способом привлечения населения к охране общественного порядка до конца 60-х годов прошлого века, когда им на смену пришли добровольные народные дружины (ДНД). Правовой основой их деятельности стало постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 2 марта 1959 года «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране» [203]. ДНД стали самыми массовыми из всех ранее существовавших формирований, участвовавших в поддержании правопорядка. Уже в 1962 году в стране имелось более 130 тысяч дружин, в которых состояло свыше 4 миллио-

нов человек [41]. В 1986 году эти цифры были, соответственно, 250 тысяч и 14 миллионов человек [209, с. 312].

Однако погоня за количественными показателями, в конечном итоге, привела к отходу от самостоятельных начал, что в условиях ослабления партийного руководства способствовало постепенной ликвидации ДНД.

Подводя итог деятельности Советского государства по привлечению населения к охране общественного порядка, важно отметить массовость данного процесса. Это связано, прежде всего, с тем, что для переломных этапов истории, особенно в революционную эпоху, значительную роль играли энтузиазм и творчество масс, которые, к сожалению, не могли сохраняться достаточно длительное время. Естественно, данные и другие формы оказались недолговечными.

В современной России предпринимались и предпринимаются попытки поиска и возрождения наиболее эффективных форм участия общественности в охране правопорядка. Причем, правоохранительные органы, как правило, уже не делают ставку на количественный аспект в данном процессе, что свидетельствует о компетентности в области исторического опыта, в том числе и негативного. И уже есть примеры неформального подхода к охране общественного порядка, когда в дело вступает не только обязанность, но и интерес. Так, в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого, студенты – будущие юристы, журналисты и педагоги выступили с инициативой оказать помощь подразделениям полиции в профилактике киберпреступности. Совместно был разработан алгоритм поиска подозрительного контента и взаимодействия с полицией. В соответствии с ним члены дружины проводят мониторинг сайтов, создают просветительские видео для школьников.

Недавно, например, в соцсетях была обнаружена информация о подготовке языческого праздника. Выяснилось, что страницу вели люди, которые уже привлекались к ответственности за экстремизм. Дружинники передали информацию оперативникам.

Студентка Софья Нилова помогла предотвратить три самоубийства детей. В Интернете она наткнулась на видео с анонсом «Скоро всё закончится» и передала эту информацию полицейским. Таким образом были выявлены трое подростков, собиравшиеся принять участие в акции.

Работа дружины не остается незамеченной. Студенты НовГУ уже обменялись опытом со сверстниками из города Боровичи, где идет подготовка к осуществлению проекта «Полиция и молодёжь: шаг в будущее» [42].

Следует также отметить, что и в целом УМВД по Новгородской области уделяет много внимания активизации деятельности добровольных народных дружин. Сейчас функционирует 40 таких подразделений, где работает более 300 человек (53% в возрасте от 41 до 60 лет; 36% – от 26 до 46 лет). Приоритет отдается совместному патрулированию, профилактике преступности среди молодежи, охране порядка во время массо-

вых мероприятий. Используются различные меры поощрения лучших дружинников: установление льгот в виде освобождения от уплаты части налогов, скидки на оплату посещения физкультурно-оздоровительных комплексов, а также привычное с советских времен предоставление дополнительного отпуска.

Кроме того, ежегодно проводится областной конкурс на звание «Лучший дружинник области». Лауреаты конкурса 2021 года получили премии в размере от 10 до 45 тысяч рублей.

Таким образом, сегодня вместе с общественными организациями продолжается поиск эффективных форм привлечения населения для охраны общественного порядка, причем средствами и методами, которыми по своей природе не могут пользоваться государственные органы.

2.6. Медиация в уголовном процессе по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь

Повышение качества, оперативности и доступности правосудия, обеспечение прав и законных интересов жертв преступлений относится к числу актуальных задач государства. Институт примирения с потерпевшим известен российскому и белорусскому праву давно и связан с развитием принципа диспозитивности в уголовном процессе. Вместе с тем нельзя говорить о достаточной эффективности данного института при отсутствии законодательной регламентации процедуры примирения. Медиация уже несколько лет применяется в России и Республике Беларусь для урегулирования споров, возникающих из гражданских, семейных, трудовых и других отношений [137]. Относительно использования примирительных процедур в уголовном процессе в последние годы юридическое сообщество ведет оживленные дискуссии, хотя уже имеется опыт применения технологий восстановительного правосудия по уголовным делам с привлечением профессиональных посредников в порядке эксперимента. Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-3 внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [228] (далее по тексту – УПК Республик Беларусь), закрепляющие возможность применения медиации. Однако, по мнению ряда процессуалистов, этих изменений недостаточно для применения медиации как полноценного инструмента контроля преступности [161, с. 50]. Что же касается российского законодательства, то ни Уголовно-процессуальный кодекс РФ [227] (далее по тексту – УПК РФ), ни Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» не предусматривают возможность использования медиации в уголовном процессе. Вместе с тем в Постановлении X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации» под-

черчивается важность дальнейшего развития института примирения сторон для снижения конфликтности в обществе, укрепления социальных и экономических связей, оптимизации судопроизводства.

Заявленная тема актуальна для теории и практики, разработка оптимальной модели использования медиации в отечественном уголовном процессе будет способствовать обеспечению прав и законных интересов как потерпевших, так и обвиняемых.

Основной гипотезой данной работы является предположение о том, что российское уголовно-процессуальное законодательство нуждается в совершенствовании в части регулирования процедуры примирения обвиняемого и потерпевшего, что возможно с учетом критического осмысления опыта правового регулирования других стран. Медиация может применяться не только при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, но и в ряде других случаев, когда факт возмещения причиненного преступлением вреда, прощение потерпевшим виновного имеет правовое значение. На сегодняшний день имеются все условия для использования медиативных процедур в уголовном процессе, что должно найти законодательное закрепление с учетом положительного опыта правотворчества в Республике Беларусь.

Сегодня в правовой доктрине все чаще высказывается идея о том, что уголовно-процессуальное право можно рассматривать как средство воздействия на социальный конфликт [62]. При этом разрешение последнего предполагает не только привлечение виновного к уголовной ответственности, но и восстановление нормального порядка, существовавшего до совершения преступления, исправление и ресоциализацию лица, совершившего преступное деяние. Именно это и предопределило разработку концепции восстановительного (реституционного, репаративного) правосудия [43].

Судебная статистика подтверждает востребованность института прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2021 году судами по данному основанию было прекращено 99501 уголовное дело, а за первое полугодие 2022 года – 49229 дел [150]. Это довольно много, учитывая, что при совершении преступлений указанных категорий тяжести есть возможность назначения иной меры уголовно-правового характера – судебного штрафа, а также прекращения уголовного дела по другим основаниям.

Институт примирения обвиняемого с потерпевшим имеет давнюю историю. Нормы о примирении содержались еще в Русской Правде, Судебнике 1497 года, Соборном Уложении 1649 года, Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, а затем и в Уставе уголовного судопроизводства. С.И. Викторский в учебнике русского уголовного процесса писал, что: «Примирение или отказ от уголовного иска как причина прекращения уголовного преследования имеет место, разумеется, не во всех делах: иначе бы право государства наказывать зависе-

ло от произвола частных лиц (потерпевшего). Вот почему примирение допускается только по делам частным, т.е. таким, которые представляют незначительный общественный интерес. Эти частные преступления караются главным образом в видах устранения самосуда, вследствие чего общая тенденция закона – поощрение прекращению таких дел путем примирения, лишь бы оно было ясно выражено обеими сторонами» [36]. Позднее институт примирения сторон нашел закрепление в советском законодательстве, а затем и в УПК республик бывшего СССР. В действующем законодательстве России и Республики Беларусь также предусмотрено прекращение уголовного дела в связи с примирением потерпевшего и обвиняемого, и это связано со стремлением разрешить правовой конфликт без уголовной репрессии.

Помощь профессиональных посредников в достижении примирения конфликтующих сторон в России успешно применяется в сфере жилищных, семейных, трудовых, обязательственных и некоторых других отношений. Правовой основой медиации является принятый 27 июля 2010 года Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 был утвержден регламент судебного примирения, но только для гражданского, административного и арбитражного судопроизводства [33]. Процедура примирения в уголовном судопроизводстве все еще остается за рамками правового регулирования.

Программы восстановительного правосудия уже много лет реализуются в ряде регионов в порядке эксперимента при поддержке Центра «Судебно-правовая реформа», специалистами которого накоплен и изучен опыт такой работы [38].

В Республике Беларусь 12 июля 2013 года тоже принят закон («О медиации»), статья 2 которого допускает проведение медиации в рамках иных, помимо гражданского или хозяйственного, видов судопроизводства в случаях, предусмотренных законодательством. Аналогичное положение содержится в ч. 3 ст. 1 Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Поэтому для распространения процедуры, предусмотренной этими законами, на производство по уголовным делам требуется закрепление соответствующих норм в уголовно-процессуальном кодексе, на необходимость этого указывают и многие ученые [43]. Этот вопрос прорабатывался в России на уровне государственного задания, о чем свидетельствует Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 года № 1430-р об утверждении Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность [201], а также перечень поручений Президента РФ от 6 октября 2017 года № Пр-2042 [151]. Еще одним шагом по внедрению

примирительных процедур в сферу публично-правовых отношений стало принятие Федерального закона от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

28 января 2021 года Президент РФ по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека дал поручение рассмотреть совместно с Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка вопрос об установлении особенностей освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности в связи с применением с потерпевшими и представить при необходимости предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации в соответствующей сфере [151].

Указанная выше проблема заключается в актуальности закрепления в российском законодательстве механизма, обеспечивающего реализацию института примирения сторон, а также поддержки и распространения практик восстановительного правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

Логическим продолжением стала разработка проектов законов «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о введении в уголовное судопроизводство института примирения», «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для совершенствования порядка освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, примирившихся с потерпевшим». Текст последнего и пояснительной записки к нему размещен на официальном сайте Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека [152].

Данный законопроект содержит определения понятий «примирение», «примирительный договор», «примирительная процедура». Предлагается также относить примирение сторон к основаниям для отказа в возбуждении уголовного дела, привлекать к медиативной процедуре профессионального посредника. Отдельной статьей устанавливается процессуальный статус примирителя. Заслуживает поддержки предложение авторов проекта Закона об установлении последствий невыполнения условий договора о введении в уголовный процесс нового участника – примирителя.

В УПК Республики Беларусь вопрос о медиации уже решен. Названным выше законом от 26 мая 2021 года в УПК Республики Беларусь внесены нормы, легализующие применение медиативных процедур при производстве по уголовным делам. Так, в ст. 6 даны определения понятий «медиативное соглашение», «медиатор», «медиация». Согласно п. 14³ названной статьи под медиацией понимаются переговоры обвиняемого и потерпевшего с участием медиатора в целях содействия их примирению. Кроме того, ст. 30¹ регламентирует процедуру примирения обвиняемого с потерпевшим, в том числе посредством заключения медиативного соглашения. Для осуществления примирительной процедуры данные участники по своему согласию выбирают медиатора, а заключенное медиативное соглашение

приобщается к уголовному делу. Но все остальные вопросы, связанные с медиацией (например, организация деятельности медиаторов, требования, которым они должны отвечать, структура медиативного соглашения и др.), в УПК Республики Беларусь не урегулированы. Очевидно, в этой части следует руководствоваться Законом Республики Беларусь «О медиации» от 12 июля 2013 года № 58. Также законодателю необходимо уточнить, следует ли приостановить производство по делу, по которому проводится процедура медиации, ведь на данный момент УПК Республики Беларусь не предусматривает такое основание для его приостановления (ст. 280, 302 УПК Республики Беларусь). В целом описанные выше изменения следует признать прогрессивным шагом в реализации идеи восстановительного правосудия, но результаты медиации в виде соглашения исходя из смысла ст. 30¹ УПК Республики Беларусь используются только при принятии решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим (п. 4 ч. 1 ст. 30 и п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь).

Примирительные процедуры в уголовном процессе могут найти применение по нескольким направлениям.

1. При прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон в соответствии со ст. 25 УПК РФ (в УПК Республики Беларусь – п. 4 ч. 1 ст. 30). Проведение встречи с участием посредника (медиатора) и закрепление ее результатов в примирительном договоре (медиативном соглашении) позволило бы снять ряд проблем, возникающих на практике. Так, не всегда учитывается, что заглаживание причиненного вреда предполагает активные действия обвиняемого, а не возврат похищенных вещей, признанных вещественными доказательствами, потерпевшему (реституцию), осуществляемый даже без всякого волеизъявления виновного. В таком случае, безусловно, искажается смысл института примирения, возникает чувство безнаказанности, и нельзя говорить о реализации задач уголовного судопроизводства в части обеспечения прав и законных интересов потерпевших. Анализ протоколов судебных заседаний и постановлений судов г. Смоленска о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон показывает, что в них подробно не описывается, каким образом подсудимый заградил причиненный вред. Применительно к разъяснению последствий прекращения дела по данному основанию делается запись: «Последствия разъяснены и понятны». Не всегда выясняется, добровольно ли потерпевшим сделано заявление о прекращении уголовного дела в связи с примирением. В некоторых постановлениях судов не мотивируется, почему не приняты во внимание возражения прокурора относительно прекращения уголовного дела по ст. 25 УПК РФ.

2. Проведение примирительных процедур, кроме того, могло бы дать положительный эффект при применении особого порядка судебного разбирательства (в УПК Республики Беларусь – при ускоренном производстве в соответствии с главой 47). Ст. 314 УПК РФ устанавливает,

что проведение судебного разбирательства в особом порядке возможно при наличии согласия государственного обвинителя и потерпевшего, но обязанности обвиняемого возместить причиненный вред закон не устанавливает. При этом для получения согласия потерпевшего на применение особого порядка не требуется проверки его добровольности, а также предварительной консультации с адвокатом, как это установлено в п. 2 ч. 2 ст. 314 УПК РФ применительно к обвиняемому. Очевидно, что одним из условий получения согласия потерпевшего является принятие обвиняемым мер по примирению.

3. Третьим направлением использования примирительных процедур в уголовном судопроизводстве мог бы стать особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ, гл. 49¹ УПК Республики Беларусь). Полагаем, что и здесь обязательным условием должно стать то, что обвиняемый не только помогал изобличить своих подельников, но и возместил (хотя бы в определенной части) вред, причиненный преступлением.

4. Для прекращения уголовного дела в связи с истечением сроков давности (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь) не нужно согласия потерпевшего. При этом требовать возмещения причиненного вреда он может только в порядке гражданского судопроизводства и опять же с учетом сроков исковой давности. Поэтому вполне справедливыми являются предложения о том, что применение норм о сроках давности допустимо только в случае возмещения потерпевшему причиненного вреда, в том числе по результатам медиации.

5. Примирительные процедуры, по нашему мнению, могли быть использованы также при прекращении уголовных дел в связи с деятельным раскаянием согласно ст. 28 УПК РФ (п. 3 ч. 1 ст. 30 УПК Республики Беларусь). К числу условий прекращения уголовного дела по названному основанию относится возмещение или заглаживание вреда, причиненного преступлением. Но следует учитывать, что потерпевшие участвуют в деле далеко не всегда.

6. Оформленные результаты медиативной процедуры могли бы служить доказательством того, что имело место добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненного преступлением, либо заглаживание вреда обвиняемым для решения вопроса о наличии смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «к» ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса РФ [229] (в Уголовном кодексе Республики Беларусь – п. 4 ч. 1 ст. 63 [228]).

Очевидно, что законодательная регламентация примирения с участием посредника необходима, это обеспечило бы единообразие правоприменительной практики, стимулировало бы лиц, совершивших преступление, возмещать причиненный потерпевшему вред. Процедура медиации могла бы применяться не только по делам несовершеннолетних и не только при решении вопроса о прекращении уголовного дела. Полагаем, что закрепление в УПК РФ медиации согласуется с назначением уголовного судопро-

производства, способствует защите прав участников процесса с обеих сторон, отвечает положениям ст. 52 Конституции РФ о доступе потерпевших к правосудию и компенсации причиненного ущерба, международным стандартам в области защиты прав жертв преступлений. При этом следует учесть положительный опыт законодательства в Республике Беларусь.

Институт примирения в уголовном процессе должен быть направлен не на освобождение от ответственности, а на урегулирование конфликта, устранение его последствий, восстановление прав потерпевшего. Только в этом случае можно будет говорить о балансе между публичным и частным началом в уголовном судопроизводстве.

2.7. Сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного антиэкстремистского законодательства (некоторые аспекты проблемы)

Актуальность исследования по данной теме заключается в том, что преступления экстремистского характера в XXI веке стали серьезной угрозой для мирового сообщества. Особую распространённость они получили в связи с развитием и распространением компьютерных технологий и сети Интернет в виде агитации и призывов экстремистского характера.

Не обошла стороной эта проблема и Российскую Федерацию из-за социально-экономических и политических потрясений последних 30 лет, а также наличия на её территории экстремистских настроений у некоторых лиц и преступных группировок. Российская Федерация занимает далеко не последнее место по количеству совершаемых преступлений экстремистской направленности. Только за январь – сентябрь 2022 года зафиксировано 815 подобных преступлений [85].

Необходимость сравнения положений российского законодательства и законодательства других государств в сфере противодействия экстремизму, на примере Франции и ФРГ, обусловлено историко-правовой связью и влиянием правовой системы Франции и Германии на право Российской Федерации, поскольку все они принадлежат к общей романо-германской правовой семье. Выявление того, как в рамках одной правовой семьи формируется антиэкстремистское законодательство разных стран будет важным итогом сравнительного анализа. Антиэкстремистское законодательство США было также взято нами по причине его некой «альтернативности» в виде принадлежности к англо-саксонской правовой семье, которая по своему нормативному содержанию серьёзно отличается от романо-германской (в неё входит право РФ), а также потому, что в праве США применены достаточно нестандартные меры антиэкстремистского характера. Сравнить законодательство этих стран важно и полезно для выделения перспективных направлений антиэкстремистского права.

Обсуждение проблемы необходимо начать со сравнительного анализа определений «экстремизма» в российском и зарубежном законодательстве.

В законодательстве РФ термин «экстремизм» закреплён в ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [239]. Данное определение является в полной мере исчерпывающим и не требующим дополнительного пояснения.

В отличие от российского законодательства в законодательстве США отсутствует легальное определение «экстремизма»: ни в одном законе или подзаконном акте нет конкретного понятия данной противозаконной деятельности. В российском праве, более точно и чётко разграничены понятия «терроризм» и «экстремизм».

Еще одна особенность американского права в сфере борьбы с экстремизмом заключается в том, кто осуществляет борьбу с его проявлениями. Первая поправка к Конституции США гласит, что «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению какой-либо религии или запрещающего свободное исповедание оной либо ограничивающего свободу слова или печати, либо право народа мирно собираться и обращаться к Правительству с петициями об удовлетворении жалоб» [101]. Фактически эта статья означает, что роль самого государства в борьбе с проявлениями экстремизма ограничивается им самим. Данная функция возложена на специализированные общественные организации, научные и независимые политические центры. Данная практика является не типичной для РФ, где полномочия по борьбе и противодействию экстремизму традиционно переданы правоохранительным органам, а общественные и научные организации могут лишь оказывать научно-аналитическую поддержку данным органам.

Если переходить к понятию «экстремизма» в праве Германии, то оно, в отличие от российского права, не содержит данного понятия, но имеет в своём составе ряд уголовно-правовых норм, которые содержат признаки экстремистских преступлений. Также в праве ФРГ экстремизм, по сути, относится к политически мотивированному преступлению, то есть совершаемому сугубо по политическим мотивам, включающему в себя совершение разных деяний [84, с. 108].

В уголовном праве РФ причины могут быть не только политическими. Например, в статье 282 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) установлена уголовная ответственность за действия, направленные на возбуждение ненависти, вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации [229].

Аналогичное преступление обозначено в параграфе 130 Уголовного Уложения ФРГ (далее – УУ ФРГ) раздела 7 «Наказуемые деяния против

общественного порядка», где содержится уголовная норма для лица, которое «способом, могущим нарушить общественное спокойствие, разжигает ненависть против части населения, или призывает к насилию или актам произвола против неё или посягает на человеческое достоинство другого таким образом, что этим подвергается поруганию, пренебрежительно представляется или очерняется часть населения» [48].

В целом немецкое законодательство понимает экстремизм примерно так же, как и российское, то есть как деятельность, направленную на насильственное изменение конституционного строя и территориальной целостности страны, публичное оправдание терроризма, возбуждение какой-либо розни по политическим мотивам, распространение экстремистских материалов, использование нацистской или иной запрещённой символики и так далее. Существенные отличия заключаются в том, что в немецком уголовном праве нет специального закона о противодействии или борьбе с экстремистской деятельностью, как и точного понятия «экстремизма». Впрочем, это не является серьёзной помехой для вычленения этого определения из УУ ФГР на основании анализа признаков экстремистских преступлений, которые содержатся в данных нормативных актах.

Переходя к законодательству Франции, следует сделать небольшой исторический экскурс. Понятие «экстремизм» появилось на территории страны в годы Первой мировой войны в журналистике. Во французской правовой литературе термин «экстремизм» впервые употребил юрист М. Лерой в первой четверти XX века для характеристики сил Гражданской войны в России. Экстремизмом он считал фанатичную веру в политический идеал [213].

В современном законодательстве Франции не закреплено легальное понятие термина «экстремизм», в чём оно схоже с правовыми положениями немецкого и американского законодательства. При этом французское чётко разделяет экстремизм на два вида – религиозный и политический. Религиозный ставит своей целью возвращение доминирующего положения в обществе и пропагандируется различными радикальными сектами и движениями. Политический же представлен радикальными и крайними движениями (нацистскими, анархическими и др.).

Результатом анализа антиэкстремистского законодательства Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Федеративной Республики Германия и Французской Республики на предмет наличия определения «экстремизма» является вывод о том, что в законодательстве Российской Федерации данный термин раскрывается более подробно и конкретно из всех представленных. Законодательство ФРГ, США и Франции не содержат легального термина «экстремизм». Это не значит, что в правовых системах указанных стран нет понимания экстремизма как преступления. Действия экстремистского толка в равной мере являются наказуемыми.

В целях сравнительного анализа и дальнейшего совершенствования российского законодательства крайне важно изучить и опыт зарубежного права в сфере противодействия экстремизму. В связи с тем, что российский законодатель в какой-то мере использовал и использует опыт Французской Республики, целесообразно будет, в первую очередь, рассмотреть опыт Франции в вопросе противодействия экстремизму.

Преступления экстремистского характера указаны в книге IV «О преступлениях и проступках против нации, государства и общественного спокойствия» и в книге VI «Правонарушения» Уголовного кодекса Республики Франция (далее УК Франции). В пункте 1 статьи 421-1 УК Франции предусмотрена ответственность за действия, в которых присутствует факт умышленного посягательства на жизнь, личную неприкосновенность, незаконное лишение свободы или похищение человека, угон корабля, самолёта или любого иного транспортного средства, совершаемые физическими или юридическими лицами, с целью нарушения общественного порядка путём устрашения или террора [230]. Подтверждает факт отнесения данных преступлений к категории экстремистских, ссылаясь на решения Кассационного Суда Франции, и французский журналист Сара Диндо [2].

В свою очередь, статья 431-6 предусматривает ответственность за прямую провокацию вооруженного сборища (группы лиц), выражающуюся в публичных выступлениях, лозунгах, или же в расклеивании, распространении листовок, либо любым другим способом передачи текста, речи или изображения [230]. Аналогичный состав преступления можно проследить и в статье 280 УК РФ, в санкции которой содержится наказание за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершённые, в том числе и с использованием СМИ и сети Интернет.

В статье R 624-3 УК Франции указывается, что ответственность наступает в случае установления факта осуществления лицом непубличного распространения порочащих сведений (диффамация), направленные против конкретного лица или группы лиц в силу его или их происхождения, действительной или предполагаемой принадлежности, или непринадлежности к какой-либо этнической группе, нации, расе, религии [230].

Статья R 624-4 УК Франции, влечёт уголовную ответственность за публичное оскорбление, которое имеет расистский или националистический характер, или подтекст [230]. Субъектами этого состава преступления могут выступать физические или юридические лица. В уголовном праве Российской Федерации мы тоже видим санкции за подобного рода правонарушения, предусмотренные ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», под этим понимаются в соответствии с п. 1. «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социаль-

ной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации» [229].

Помимо всего вышеперечисленного, статья R 624-7 УК Франции предусматривает наказание за непубличное подстрекательство к ненависти, насилию или дискриминации, в отношении конкретного лица в связи с его происхождением, действительной или предполагаемой принадлежностью, или же непринадлежностью к определённой расе, национальности, этнической группе, отношению к религии и вероисповеданию [230].

По мнению автора, российскому законодателю следует присмотреться к приведённой выше норме французского УК. Как отмечает ряд учёных, в соответствии с практикой применения данной антиэкстремистской нормы французскими правоприменителями, заметно, что зачастую непубличное подстрекательство к дискриминации по указанным выше признакам, несёт в себе большую общественную опасность, чем публичное распространение порочащих сведений и оскорблений на почве ненависти или вражды [244]. В праве Российской Федерации важно условие публичности для признания лица виновным в совершении деяний по статьям 280 и 282 УК РФ. На это же указывает и судебная практика по делам экстремистской направленности в РФ.

В соответствии со статьей R 40-3 УК Франции привлекаются к ответственности лица, носящие или демонстрирующие знаки отличия и эмблемы, униформу, сходные и напоминающие те, которые носили или демонстрировали члены организаций, объявленные преступными Военным Нюрнбергским трибуналом, или лица, признанные французским и международными судами, виновными в преступлениях против человечества [230]. Данная норма имеет свой аналог в отечественном законодательстве в виде статьи 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма», где одним из действий по реабилитации нацизма в форме одобрения являются вышеуказанные аспекты [229].

Анализируя антиэкстремистские нормы в праве Германии, необходимо отметить, что в ФРГ наличие экстремистских взглядов не является уголовно наказуемым. Только конкретные действия – применение насилия, посягательство на государственное устройство, распространение материалов нефашистской и неонацистской тематики являются уголовно наказуемыми [198, с. 44]. К таковым относятся составы преступлений, указанные в параграфах УУ ФРГ: 84 «Продолжение деятельности партии, объявленной противоречащей Конституции», 86 «Распространение пропагандистских материалов организаций, являющихся неконституционными», 86а «Использование знаков неконституционных организаций» [48].

Согласно пункта 1 параграфа 84 УУ ФРГ лицо, выполняющее организаторские функции, направленные на поддержание единства организации (партии), которые были объявлены неконституционными, либо организация, в отношении которой Федеральный Конституционный Суд ФРГ уста-

новил факт того, что она является организацией, подобной запрещенным ранее, подлежит уголовной ответственности [48]. Также на основании пункта 2 параграфа 84 уголовное наказание грозит и лицам, которые являются участниками данной организации [48]. Примерными аналогами данных составов УУ ФРГ являются статьи 282.1 и 282.2 УК РФ [229].

Параграфом 86 УУ ФРГ предусмотрена уголовная ответственность за распространение, производство с целью дальнейшего распространения, или ввоз на территорию Германии пропагандистских материалов, являющихся по содержанию неконституционными. Так же как и за ношение знаков признанных антиконституционными организаций (партий) [48]. Особенность немецкого законодательства – отсутствие ответственности, если пропагандистские материалы или знаки отличия применяются для гражданской агитации, защите устремлений, не противоречащих Конституции ФРГ, науке искусству, истории Германии, или иным подобным целям. Данное положение является серьёзной отличительной чертой по сравнению с российскими аналогичными нормами уголовного права (статья 280 и 282 УК РФ), которые предусматривают ответственность за любое использование экстремистских материалов, без каких-либо исключений. На наш взгляд, логика отечественного законодателя более оправданна, так как практически невозможно публичное использование экстремистских материалов не в экстремистских целях. Законодательство Германии в данном случае вносит для правоприменителей ненужную путаницу, так как размывает смысловую границу между экстремистскими материалами и обычной агитацией политических лозунгов и идей, а также защитой гражданской позиции.

Согласно параграфу 129 УУ ФРГ уголовному наказанию подлежат лица, занимающиеся организацией, непосредственным участием или поддержкой террористических сообществ, чьи цели или деятельность нацелены на совершение таких преступных деяний как: убийство, тяжкое убийство, геноцид, преступления против человечности, личной свободы, военные преступления, разрушение важных средств производства, а также преступления, указанные в разделе XXVIII УУ ФРГ [48]. Немецкое законодательство пошло по пути совмещения преступлений, которые можно отнести к террористическим и к экстремистским одновременно, при этом оставив разработку понятийного аппарата юридической науке и судебной практике [244, с 225]. По нашему мнению, данный подход является не вполне корректным, так как признание состава преступления как одновременно экстремистского и террористического вносит дополнительные сложности для правоприменителя. Потому что может возникнуть противоречие, какое преступление совершило лицо – экстремистское, за которое идёт ответственность по одним нормам УУ ФРГ, или террористическое, за которое предусмотрена ответственность по другим нормам Уголовного кодекса. Так же спорным является подход оставления разра-

ботки понятийного аппарата в сфере экстремистских преступлений судам и научной деятельности юристов. Это в целом привносит некоторую запутанность для всех участников уголовного права и процесса, так как помимо основного закона приходится обращаться и анализировать перечень нормативно-правовых актов подзаконного характера и юридической литературы. В сфере же антиэкстремистского законодательства РФ практически все необходимые понятия сосредоточены в УК РФ, ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Пункт 1 параграфа 111 УУ ФРГ гласит, что любой человек, который публично, на собрании или распространением письменных материалов призывает к экстремистским действиям любого характера, приравнивается к подстрекателю и подлежит ответственности, даже если его действия не привели к желаемому результату [48].

В свою очередь, если лицо способствует разжиганию ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы или осуществляет призывы к насилию или произволу в отношении данной группы, или же посягает на человеческое достоинство другого человека таким образом, что данные действия признаются унижением достоинства части населения в его лице, а также намеренно распространяет сведения, порочащие или заведомо ложные (клевета) на указанное лицо, то исполнитель и иные участники данного преступления привлекаются к ответственности на основании пункта 2 параграфа 130 УУ ФРГ [48]. При этом немецкий законодатель в пункте 5 параграфа 130 предусмотрел использование материалов и передач, направленных на разжигание ненависти, в общественно полезных целях [48].

Отличительной чертой антиэкстремистского законодательства в Германии, от аналогичного законодательства во Франции и России, является факт наличия возможности каким-то образом использовать разжигающие ненависть материалы, пропагандирующие материалы и опознавательные знаки запрещённых организаций в общественно-полезных целях. Однако данная позиция, как мы считаем, является не вполне корректной и верной, так как маловероятно использование экстремистских материалов в указанных целях. Фактическая демонстрация данных материалов, даже без цели агитации или пропаганды, например, с научной или образовательной целью может побудить желание совершить преступление экстремистского характера или на экстремистской почве. Подобное допущение могут использовать как лазейку настоящие экстремисты, прикрываясь публикацией и распространением соответствующих материалов в якобы «общественно-полезных целях».

Законодательство США, так же, как и российское, рассматривает противодействие экстремизму и борьбу с радикальными взглядами определённых социальных групп как одну из главных задач обеспечения национальной безопасности по вполне понятным причинам. В американской

судебной практике уголовная ответственность наступает за преступные действия, которые называются «hate speech» и «hated crime», то есть понятие «экстремизма» крайне редко применяется [198, с. 46]. То есть в праве США происходит целенаправленная борьба именно с распространением экстремистских материалов с речевыми практиками (высказываниями) экстремистского характера, а также насилием в отношении определённых социальных и этнических групп на экстремистской почве.

Ещё раз следует обратить внимание, что в законодательной сфере США нет принятых на общенациональном уровне законов или иных нормативно-правовых актов, которые декларируют и обозначают особенности возбуждения уголовных дел по преступлениям, связанных с разжиганием ненависти или дискриминации. Американское уголовное право исходит из доктрины минимального ограничения свободы слова, что закрепляется в первой поправке к Конституции США [101]. Однако на законодательном уровне каждого штата подобные преступления имеют правовое определение и жёстко преследуются.

В заключение сравнительно-правового исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, выдвигается концептуальный тезис, согласно которому исключительная сложность экстремизма как политико-правового феномена детерминирует разнообразие подходов к определению экстремизма в российском и зарубежном законодательстве.

Во-вторых, российское антиэкстремистское законодательство по своей сути достаточно близко к законодательству Франции и Германии, особенно в виде схожих по содержанию норм уголовного права. Законодательство США, относящееся к другой правовой семье, при этом ощутимо отличается от всех прочих сравниваемых правовых систем, как своей структурой с ярко выраженной автономией штатов в вопросах борьбы с экстремизмом, участием в борьбе с экстремизмом большого количества специальных негосударственных организаций, так и содержанием в виде отсутствия общенациональной понятийной базы в сфере экстремизма.

В-третьих, если законодательство РФ и Франции имеет общие особенности в сфере борьбы с экстремизмом, то законодательство ФРГ – некоторые «ослабления» в отношении использования экстремистских материалов, по сути разрешая их публикацию в некоторых случаях. Законодательство же США в сфере борьбы с экстремизмом радикально отличается от других трёх сравниваемых правовых систем, хотя и имеет те же цели и использует примерно те же методы, что и законодатели в РФ, Франции и Германии.

В-четвертых, можно выделить высокий уровень содержания российско-го антиэкстремистского законодательства: оно удобно структурировано и не перегружено большим количеством норм, что позволяет без больших сложностей, обратившись всего к нескольким нормативно-правовым актам, работать правоприменителю. Некоторый объём понятийного аппарата, конечно,

вынесен за пределы даже нормативно-правовых актов подзаконного характера и содержится сугубо в юридической литературе, но данный факт легко исправим небольшими дополнениями действующего законодательства.

В целом, прослеживается однозначный вывод о крайне большой степени и уровне проработанности антиэкстремистских норм в российском праве, которое в данном вопросе не уступает зарубежному антиэкстремистскому законодательству. Все эти факторы, позволяют признать эффективными законодательные меры по борьбе с экстремизмом в Российской Федерации.

2.8. Анализ системы государственных закупок в Республике Беларусь и зарубежных странах: сравнительно-правовое исследование

Рынок государственных закупок является важнейшим элементом экономического развития страны, а сама система государственных заказов все более становится одним из основополагающих институтов государственного регулирования экономики, оказывающего существенное влияние на ее динамику и структуру.

Госзакупки – это не только процесс заказа, но и инструмент выстраивания политики выполнения государством своих функций:

- защиты (военно-промышленный комплекс);
- продовольственной безопасности (агропромышленный комплекс);
- энергетической безопасности (топливно-энергетический комплекс);
- социальная сфера (образование, здравоохранение, наука, культура);
- охрана и сохранение природных ресурсов [148, с. 29].

Государство является потребителем на рынке товаров, работ и услуг – доля государственных закупок постоянно растет и составляет в развитых странах более 20% ВВП. Поэтому правительство, руководя государственными расходами и налогами, может оказывать значительное воздействие на социально-экономические процессы, а государственные закупки все более рассматриваются как один из мощных инструментов социально-экономического развития.

В социально-ориентированной экономике госзакупки решают такие важнейшие задачи как: обеспечение единства экономического пространства, развитие рынков и сохранение конкурентной среды, поддержка регионов и групп населения, развитие определенных субъектов рынка и секторов экономики, подготовка госуправления экономикой в условиях членства в ВТО.

Развитый механизм госзакупок позволяет более эффективно и справедливо использовать при выполнении госзаказа потенциал частного предпринимательства, обществ инвалидов, предприятий в малых городах и т.д., что содействует устойчивости экономического развития, ускоренному и сбалансированному решению актуальных задач социально-экономического развития.

С ростом тенденций социальной ориентации экономики, особенно в кризисных условиях, значимость системы государственных закупок многократно увеличивается. В современной белорусской экономике происходит сближение показателей государственных расходов с показателями развитых стран, в первую очередь, за счет увеличения затрат государства на модернизацию, решения инфраструктурных и жилищных проблем.

Методика госзакупок представляет собой определенную совокупность организационных мероприятий и технологий их осуществления. Основным ее назначением является повышение эффективности исполнения госзаказа. Методики организации и проведения государственных закупок различаются в зависимости от предмета закупки (особенно в части услуг: строительные услуги, консалтинговые и т.д.), а также от степени развитости информационной инфраструктуры в конкретной стране (возможности информирования о закупках, электронных маркетинга и аукционов, системы документационного сопровождения контрактов и т.д.).

Методика закупок определяет действия их участников по следующим стадиям закупочной деятельности:

1. Что именно и когда покупать (определение предмета закупки);
2. У кого и на каких условиях покупать (маркетинг);
3. Как оформлять и сопровождать сделку (закупка);
4. Как произвести анализ закупочной деятельности (контроль) [246].

Каждый из этих вопросов имеет две составляющие: внешнюю (использование ценового механизма, переговорные и юридические аспекты) и внутреннюю (внутриорганизационное обеспечение). Поэтому для повышения эффективности государственных закупок требуется огромная аналитическая работа и слаженность всех звеньев механизма социально-экономического развития страны.

Госзакупки – это инвестиции. Посредством механизма госзакупок решается проблема привлечения ресурсов для ускоренного экономического роста и социального развития. При этом важно учитывать, что важны не только темпы экономического роста, но и создание условий для решения таких важных задач, как:

- достижение социальной и технологической однородности экономического пространства страны;
- снижение дифференциации уровня жизни по доходным группам и между различными регионами;
- сближение технологического уровня производства в различных отраслях экономики;
- повышение социально-технологической однородности экономики.

Именно посредством совершенного механизма госзакупок эти задачи могут быть решены наиболее эффективно.

Главная проблема для будущего развития нашей страны заключается в том, что рост инвестиций пока очень неустойчив и во многом базируется

на благоприятной конъюнктуре мировых рынков. Поэтому возрастает актуальность госзакупок как института развития экономики и социума.

Госзакупки – это инструмент единого экономического пространства. Актуальность совершенствования механизма госзакупок возросла с формированием Таможенного союза. Главные ожидаемые результаты от межгосударственного сотрудничества в данной сфере – это предоставление национального режима предприятиям-резидентам сторон при участии в государственных закупках.

Госзакупки – это объект аналитических расчетов и государственного руководства, а также «тонкая» правовая и сложная организационная процедура, требующая значительных материальных и людских ресурсов. В теории и практике госзакупок важно учитывать цикл закупок, который включает в себя три процесса: формирование заказа, размещение заказа, исполнение заказа.

В законодательстве процесс размещения заказа имеет наибольшее нормативно-правовое обеспечение. Однако для повышения эффективности госзакупок важно уделять особое внимание этапу формирования заказа, от которого зависит до 60% эффективности закупок. Он предполагает такие мероприятия, как определение и обоснование закупок, их консолидация, проведение исследований рынка поставщиков (маркетинг), оптимизация закупок и поставок продукции по времени и месту (планирование). Следовательно, в законодательстве должны быть нормы, четко и процедурно регламентирующие формирование заказа, в том числе и начальной цены контракта. Одновременно необходимо определить положения по оценке рисков (финансовых, страховых и т.д.) для поставщиков и потребителей и процедуры по их анализу и снижению. При этом важно обеспечить конкуренцию поставщиков (что приведет к снижению цены сделки) и мотивацию представителей госзаказчиков к этой работе (и материальную, и моральную).

В размещении заказа важнейшую роль играет система информирования о закупках. Общеизвестные стандарты и наработанный многими странами опыт в этом вопросе свидетельствуют о том, что механизм прозрачности государственных закупок напрямую зависит от возможности государства обеспечить доступность к информации о закупках через государственные информационные интернет-ресурсы и печатные издания. Данные сведения о госзакупках, как правило, размещаются в открытом доступе.

Следует отметить, что передача полномочий по контролю над публичностью процесса госзакупок коммерческим или общественным структурам крайне нецелесообразна. Финансы, составляющие бюджетную массу страны, которые в дальнейшем будут обращены в государственный заказ, имеют налоговую природу, поэтому принципиально важно обеспечить прозрачность госзакупок на всех стадиях их осуществления.

Исполнение заказа предполагает контроль заказчиком выполнения условий контракта по государственной закупке – как по количественным, так и качественным показателям.

Таким образом, государственные закупки – это сфера, где необходим постоянный и значительный объем аналитической работы на всех стадиях закупки – формирования госзаказа, его размещения и исполнения (т.е. это сфера деятельности, в которой нужно многое и тщательно считать). Требуется учет процента прибыли предприятия, выигравшего конкурс, а также принципа ценообразования на товары и услуги предприятия и прочее. Необходимо общественный мониторинг эффективности государственных закупок и закупок за счет собственных средств, постоянное информирование о востребованности тех или иных специалистов госзакупок, создание их банка данных с персональными рейтингами. Должна быть обеспечена возможность участия общества в оптимизации законодательной базы по государственным закупкам и закупкам за счет собственных средств.

Организация систем госзакупок в разных странах имеет как сходства, так и различия, которые объясняются национальными особенностями и обоснованы регулируемыми нормативно-правовыми актами в данной области. В частности, они характеризуются разным набором структурных элементов в системе финансирования государственного заказа и особенностями механизма их взаимодействия.

Рассматривая международный опыт организации системы государственных закупок, считаем необходимым подчеркнуть, что в западных странах вместо употребляемого в Республике Беларусь понятия «закупки для государственных нужд» используется термин «общественные закупки» или термин «закупки для общественных нужд» (public purchasing). В то же время, понятие «государственные закупки» в общем смысле соответствует принятому в международной практике термину «правительственные закупки» (government procurement), при этом обозначая государство в качестве субъекта закупочной деятельности.

Положительный опыт стран-лидеров может быть успешно использован при построении эффективного механизма финансирования в системе государственных закупок в Беларуси, поэтому следует остановиться на более подробном его изучении [222, с. 34].

Основополагающие требования были приняты в большинстве развитых стран мира. На них может быть ориентирован процесс закупок для государственных нужд в Республике Беларусь. Эти требования включают следующее:

1. Проведение государственных закупок должно осуществляться публично, и информация по процедурам должна быть общедоступна. При этом соблюдается принцип «презумпции открытости информации», заключающийся в том, что пользователь не обязан объяснять причины за-

проса, а государственный орган должен доказать, ссылаясь на нормы законодательства, почему он отказывает в предоставлении этой информации.

2. Закупки должны совершаться с максимальной эффективностью (соотношение цены и качества товаров, работ или услуг), что должно реализовываться путем повышения конкурентности в процедурах государственных закупок, расширения географии подрядчиков и т.п.

3. Процедуры должны осуществляться таким образом, чтобы все виды издержек заказчиков на осуществление закупок были минимизированы.

4. Результаты государственных закупок и действия конкретных заказчиков должны быть подконтрольны распорядителям бюджетных средств, а также специальным уполномоченным органам.

В настоящее время Федеральная контрактная система США (далее – ФКС США), пройдя продолжительный путь исторического формирования, является одной из наиболее эффективных систем государственных закупок в мире [222, с. 38].

Можно сказать, что ФКС США основана на четкой и детальной, но при этом достаточно дифференцированной и гибкой регламентации закупочных процедур, охватывающей все ключевые функции системы закупок:

- планирование закупок;
- размещение заказов;
- отбор поставщиков и заключение контрактов;
- администрирование и контроль исполнения контрактов;
- оценка результатов исполнения контрактов.

Будучи одной из старейших государственных контрактных систем в мире, ФКС США сегодня содержит все основные структурные элементы, необходимые для полного и всеохватывающего регулирования государственных закупок:

– детальное правовое регулирование посредством системы законов и подзаконных актов, регламентирующих нормы, правила и процедуры осуществления закупок;

– четкое распределение полномочий и ответственности между федеральными органами и должностными лицами, осуществляющими закупочный процесс;

- развитую систему планирования закупок;
- широкий набор способов закупок и типов заключаемых контрактов;
- библиотеку типовых контрактов и стандартных спецификаций;
- информационные системы, обеспечивающие доступ к базам данных по контрактам, поставщикам и иным параметрам федерального заказа.

Далее более предметно рассмотрим процесс регулирования и распределения полномочий в сфере закупок США.

Как и вся система права Соединенных Штатов Америки, ФКС США регулируется двумя уровнями нормативно-правовых актов. Первый со-

ставляет система федеральных законов США, которые содержат общие нормы регулирования, не влияющие на сам процесс закупок, но определяющие возможности и условия осуществления закупок и расходования на эти цели бюджетных средств. Второй уровень представлен подзаконными актами соответствующих ведомств, уполномоченных в сфере регулирования, организации и контроля закупочных процедур. Совокупность данных правил (The Federal Acquisition Regulation, FAR), включенных в раздел 48 «Общественные контракты и управление собственностью» Кодекса федеральных правил, размещается на официальном сайте Правительства США (<http://www.acquisition.gov>).

FAR – набор нормативных актов федеральных исполнительных органов США, регулирующих процесс государственных закупок. В этом процессе три этапа:

1. Определение объемов федеральных нужд и планирование закупок;
2. Размещение заказа и заключение контрактов;
3. Обеспечение исполнения контрактов и контроль.

Федеральные закупочные правила регламентируют деятельность государственных служащих на всех этапах закупочного процесса.

FAR состоят из восьми глав, определяющих общие требования, условия и порядок проведения различных процедур в рамках закупочного процесса – от планирования, выбора способов закупок и типов заключаемых контрактов (главы В и С) до управления исполнением контрактов, аудита и специальных условий контрактов (главы G и H).

Федеральные закупочные правила регулярно уточняются и модернизируются в соответствии с требованиями технического прогресса (главным образом в сфере информатизации и интернет-технологий) и изменениями законодательства и нормативной базы США. Последние перед утверждением размещаются в Федеральном регистре на сайте <http://www.federalregister.gov>, который представляет собой официальный журнал Правительства США, предназначенный для публикаций предлагаемых изменений в законы и правила, уведомлений о собраниях и судебных заседаниях и т.п.

Таким образом, дополнения и поправки в FAR проходят обязательную общественную экспертизу, срок которой не менее 60 дней.

Центральную роль в координации функционирования всей федеральной контрактной системы США, а также процессов планирования и осуществления закупок федеральных ведомств играет Управление федеральной закупочной политики (Office of Federal Procurement Policy, OFPP). Оно входит в структуру Административно-бюджетного управления (Office of Management and Budget), которое, в свою очередь, является одним из подразделений Исполнительного офиса Президента США (Executive Office of the President). Миссия деятельности OFPP – содействие обеспечению экономичности, эффективности и результативности в осуществлении государ-

ственных закупок [222, с. 41]. В Республике Беларусь отсутствует специальное ведомство, уполномоченное реализовать государственную политику в области государственных закупок, но с определенными оговорками можно сказать, что в действующей системе органов исполнительной власти нашей страны функции, аналогичные компетенции американским, выполняет в основном Министерство антимонопольного регулирования и торговли. Однако в сфере государственных закупок к полномочиям ФАС до недавнего времени относился только контроль соблюдения законодательства о закупках, тогда как функционал OFPP значительно шире [222, с. 43].

Организация и проведение закупок в США – прерогатива специального независимого агентства при Правительстве США – Администрации общих служб (General Service Administration, GSA). Она отвечает за управление зданиями и обеспечение текущего функционирования федеральных ведомств, если иное не установлено федеральными нормативными актами, и состоит из Службы общественных зданий (Public Buildings Service) и Федеральной службы закупок (Federal Acquisition Service). Полномочия федеральных органов исполнительной власти США по осуществлению закупок возлагаются на руководителей таких органов.

В странах Евросоюза доминируют две модели закупочной деятельности: централизованная и распределенная (децентрализованная). При использовании распределенной модели каждое подразделение организации (министерства, департаменты и т.д.) самостоятельно проводит необходимые государственные закупки. Централизованная предусматривает формирование специализированного закупочного центра, в который поступают заявки от подразделений. В случае обеспечения предельной централизации закупочных процедур создается специальное ведомство, отвечающее за государственные закупки.

Плюсы и видимые минусы обеих моделей ясны:

- распределенная является более затратной, хоть и весьма гибкой;
- централизованная обеспечивает низкие цены за счет крупных оптовых закупок, но менее подвижна и не всегда учитывает специфику каждой конкретной закупки.

Наиболее эффективным в такой ситуации оказывается комбинирование моделей (на примере ЕС), когда общее руководство в ходе осуществления закупочных процедур (разработка нормативно-правовой базы, планирование, контроль и координация деятельности) осуществляется министерством экономики или министерством финансов в основном путем формирования бюджета. А сами закупочные процедуры проводятся специализированными структурами (отделами). Именно такая структура присутствует в системе закупок в Великобритании, где помимо главного ведомства и казначейства действуют такие специальные отраслевые службы, как, например, Служба закупок системы национального здравоохранения (National Health Service Supplies).

Порядок осуществления закупок для государственных нужд Великобритании основывается на соответствующих директивах Европейского Союза. Головной государственной организацией, координирующей на национальном уровне действующую систему государственных закупок в Великобритании, является Управление государственной торговли (Office of Government Commerce, OGC). Помимо совершенствования системы государственных закупок, координации деятельности госструктур и вопросов международного сотрудничества в данной сфере, в обязанности OGC входит также оказание возможного содействия национальным компаниям, малому и среднему бизнесу в обеспечении их участия в закупках на поставку товаров и услуг правительственным структурам Великобритании. По оценкам Еврокомиссии правительство страны ежегодно в рамках государственных закупок товаров, работ, услуг расходует около 25 млрд долл. США.

Для справки можно отметить, что в соответствии с соглашением ВТО о государственных закупках (далее – GPA) и директивами ЕС национальный режим в отношении контрактов на государственные закупки применяется к компаниям из стран Евросоюза, присоединившихся к соглашению ВТО о государственных закупках, а также из других стран мира (Болгария, Румыния, США, Япония, Канада, Израиль, Исландия, Республика Корея, Гонконг, Норвегия, Лихтенштейн, Швейцария, Сингапур).

Для обеспечения необходимой конкуренции достаточным количеством считается участие в процедуре закупки не менее пяти компаний. Процедуры закупок могут быть четырех видов: открытая (open procedure), ограниченная (restricted procedure), диалоговая (competitive dialogue procedure) и переговорная (negotiated procedure). Какие-либо особые налоговые режимы для коммерческих операций по реализации товаров, работ, услуг в рамках государственных закупок в Великобритании не применяются.

Определенные права по участию в торгах по государственным закупкам европейским и британским законодательством предусматриваются только для компаний, в которых работает более 50% людей с ограниченными физическими возможностями (supported factories and businesses).

Европейскими директивами установлены правила проведения электронных аукционов, а также закупок товаров, работ, услуг по так называемой Системе динамичных закупок (Dynamic Purchasing Systems). Правила также требуют обязательного исключения из числа участников процедуры государственных закупок компаний, руководители которых были замечены в уголовно наказуемых действиях (в даче взяток, мошенничестве, коррупции).

В странах Евросоюза, как и в большинстве развитых стран мира, в основе системы государственных закупок лежат конкурсные процедуры. Главный метод, при помощи которого проводятся закупочные процедуры, – это тендеры (конкурсные торги). Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) был предложен типовый закон о закупках, послуживший базисом и являющийся образцом для законода-

тельства по государственным закупкам (принят в г. Нью-Йорке 31.05.1994 г. – 17.06.1994 г. на 27 сессии ЮНСИТРАЛ) [222, с. 51].

Подобное законодательство принято в таких государствах, как Албания, Азербайджан, Афганистан, Армения, Бангладеш, Гамбия, Грузия, Гайана, Гана, Замбия, Казахстан, Кыргызстан, Кения, Монголия, Маврикий, Малави, Мадагаскар, Нигерия, Непал, Объединенная Республика Танзания, Польша, Руанда, Республика Молдова, Румыния, Словакия, Узбекистан, Уганда, Хорватия и Эстония.

В национальном законодательстве подавляющего большинства стран юридически закреплено определение понятия «государственные закупки». В США, например, закупки федеральных органов – это «приобретение федеральным органом (с учетом применения конкурентного отбора и заключением договора) товаров, работ или услуг (включая строительную отрасль) из не федеральных источников при использовании выделенных средств».

Исходя из вышеизложенного следует вывод о том, что закупочный процесс в зарубежных странах имеет существенные отличия и особенности. Основным объединяющим признаком государственных закупок, отраженных в нормативно-правовых актах всех рассмотренных стран, является осуществление закупок за счет бюджетного финансирования с учетом наиболее рационального их расходования.

При оценке эффективности государственных закупок в зарубежной практике используют такие критерии, как соответствие продукции запросам потребителей, обеспечение наилучших условий закупки, соблюдение принципов прозрачности, выбор надежного и квалифицированного поставщика, а также достижение поставленных социальных, экономических или экологических целей.

2.9. Криминализация коррупционных деяний медицинских работников, не осуществляющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции (сравнительно-правовой аспект)

В соответствии с положениями Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ (в ред. от 18.03.2023) «О противодействии коррупции», под коррупцией понимают совершение преступлений, предусмотренных рядом статей УК РФ, а именно ст. 285, 290-291.2, 201, 204-204.2 [234]. В большинстве из них предусмотрен специальный субъект – должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации. Медицинский работник – термин, включающий в себя большое количество лиц, выполняющих разнообразные функции, основные из которых перечислены в ст. 73 Федерального закона от

21.11.2011 № 323-ФЗ (в ред. от 14.04.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [237], и заключающиеся в оказании медицинской помощи населению. При этом ряд медицинских работников (заведующие отделениями, директора больниц, главные врачи и др.) наделены организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями. Но в данном случае это связано не со статусом «медицинский работник», а со статусом «руководитель медицинской организации или его структурного подразделения». В практике встречаются и случаи организационно-распорядительных функций у медицинского работника при выполнении сугубо профессиональных (медицинских), а не управленческих обязанностей. В частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (в ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» в п. 4 отмечается, что «к организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медико-социальной экспертизы факта наличия у гражданина инвалидности)» [172]. Но все-таки основная функция медицинских работников заключается не в управлении организацией здравоохранения, не в оформлении медицинской документации и участии в экспертизах, а именно в оказании медицинской помощи (в диагностике, лечении заболеваний), профилактике, а также в медицинской реабилитации и т.д. И вот тут возникает правовой пробел в установлении уголовной ответственности за получение незаконных денежных средств за медицинскую деятельность, не связанную с организационно-распорядительными функциями. Отсюда вопрос о необходимости криминализации такого деяния в российском законодательстве.

Изучив мнения ученых, исследующих проблемы ответственности медицинских работников, и уголовное законодательство стран СНГ, приходим к выводу, что и исследователи, и законодатели многих стран выступают за отдельную криминализацию получения незаконного вознаграждения за осуществление своих профессиональных обязанностей любыми медицинскими работниками, независимо от их принадлежности к определенным группам, которые не выполняют «организационно-распорядительные» или «административно-хозяйственные» функции. К таким группам Приказ Министерства здравоохранения РФ от 20 декабря 2012 г. № 1183н «Об утверждении Номенклатуры должностей медицинских работников и фармацевтических работников» (в ред. от 04.09.2020)¹ относит

¹ Об утверждении Номенклатуры должностей медицинских работников и фармацевтических работников [Электронный ресурс]: приказ М-ва здравоохранения РФ, 20 дек. 2012 г., № 1183н: с изм. на 4 сент. 2020 г. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/499000607>. – Дата доступа: 21.04.2023.

должности специалистов с высшим профессиональным (медицинским) образованием (врачей), с высшим профессиональным (немедицинским) образованием, со средним профессиональным (медицинским) образованием (средний медицинский персонал); иные должности медицинских работников (младший медицинский персонал). Но вот единства в формулировке нормы не наблюдается.

Так, Л.А. Букалерева предлагает следующую редакцию статьи: «Статья 171.3. Получение незаконного вознаграждения от юридических или физических лиц.

1. Получение работником, не являющимся субъектом преступления, предусмотренного ст. 290, незаконного вознаграждения от юридического или физического лица за выполнение работы или оказание услуги в сфере торговли, питания, бытового, коммунального, медицинского, транспортного или иного обслуживания населения, входящих в круг служебных обязанностей такого работника;

2. Получение незаконного вознаграждения за незаконные действия (бездействие)» [30].

Автор предлагает в качестве специальных субъектов не ограничиваться только медицинскими работниками, а включить в их группу всех, кто осуществляет обслуживание населения. Это позиция вполне обоснованна, но нам представляется, что круг субъектов нового преступления можно расширить любыми работниками, получающими незаконное вознаграждение при определенных обстоятельствах, которые мы рассмотрим ниже. Также вызывает критику исключение из таких субъектов только субъекта преступления, предусмотренного ст. 290. На наш взгляд, перечень статей следует расширить, добавив ст. 200.5, 200.7, 204, 204.2, 291.2 УК РФ.

А.В. Савинский, используя в своем исследовании исторический метод, предлагает учесть опыт УК РСФСР 1960 г., а именно, заимствовать положения ст. 156-2: «Получение работником предприятия, учреждения или организации, не являющимся должностным лицом, путем вымогательства незаконного вознаграждения от гражданина за выполнение работы или оказание услуги в сфере торговли, общественного питания, бытового, коммунального, медицинского, транспортного или иного обслуживания населения, входящих в круг служебных обязанностей такого работника», но ограничить субъектный состав преступления исключительно педагогическими и медицинскими работниками [193]. Данное предложение связано с указанием в объективной стороне преступления такого признака, как способ «путем вымогательства», тем самым сужается объективная сторона преступления и количество деяний, которые могут быть признаны таковыми.

Е.С. Крылова, Л.И. Бильданова предложили свое видение редакции нормы. Они выступали за необходимость предусмотреть ст. 235.2 УК РФ «Получение незаконного вознаграждения работниками государственных медицинских учреждений» в следующей редакции: «Получение работни-

ком предприятия, учреждения или организации, не являющимся должностным лицом, незаконного вознаграждения от гражданина за выполнение своих профессиональных обязанностей» [107]. Как мы видим, в предложенной норме также ограничен субъект преступления – работниками государственных медицинских учреждений. Отсюда возникает вопрос о многочисленных негосударственных медицинских учреждениях и их работниках, почему они находятся в привилегированном положении. Так, по данным ФНС, в России имеется 16,7 тысяч частных организаций, имеющих лицензию на медицинскую деятельность. А ежегодно прирост, по приблизительным подсчетам, составляет 1,7 тысячи [34]. Оставление без внимания медицинских работников в этой сфере поставит вопрос о нарушении принципа равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ).

Рассмотрев доктринальные позиции *de lege ferenda* на криминализацию коррупционных деяний медицинских работников, не осуществляющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, остановимся на уже принятых в ряде стран СНГ нормах. Стоит отметить, что ни один законодатель из исследуемых государств не сужал специального субъекта преступления до исключительно медицинского работника. Так, в Беларуси, Таджикистане, Молдове, Казахстане, Узбекистане, Кыргызской Республике мы встречаем нормы об ответственности за получение материального вознаграждения за выполнение определенных трудовых функций, правда признаки основного состава и квалифицирующие признаки отличаются друг от друга.

Осуществим обзор норм зарубежных кодексов, выделив общие черты и особенности исследуемого преступления. Основные отличительные черты мы наблюдаем в характеристике деяния, способах и субъектах преступлений. Ряд стран предусмотрел уголовную ответственность как за принятие вознаграждения, так и предоставление такового, при этом установив ответственность в рамках одной статьи (ст. 433 УК Республики Беларусь «Незаконное вознаграждение») или нескольких (ст. 324 УК Таджикистана «Получение вознаграждения путем вымогательства»; ст. 325 УК Таджикистана «Подкуп служащего»). Узбекский законодатель еще глубже осуществил дифференциацию ответственности, установив таковую в трех статьях: ч. 1 ст. 192.10 «Заведомо незаконное предоставление служащему негосударственной коммерческой или иной негосударственной организации материальных ценностей или имущественной выгоды...»; ч. 2 ст. 192.10 «Заведомо незаконное получение служащим негосударственной коммерческой или иной негосударственной организации материальных ценностей или имущественной выгоды...»; ст. 213 «Подкуп служащего государственного органа, организации с государственным участием или органа самоуправления граждан»; ст. 214 «Незаконное получение служащим государственного органа, организации с государственным участием или органа самоуправления граждан материальных ценностей или имущественной

выгоды». Некоторые страны содержат нормы об ответственности исключительно только за получение вознаграждения (ст. 256 УК Молдовы; ст. 247 УК Казахстана, ст. 251 УК Кыргызской Республики).

Отдельные государства, используя опыт советского законодательства, предусмотрели в основном составе в качестве конститутивного признака – способ «вымогательство» (ст. 256 УК Молдовы), а в ч. 1 ст. 324 УК Таджикистана к нему добавлено «умышленное подставление гражданина в такие условия, когда он в целях предотвращения правонарушения и охраняемых законом интересов вынужден обеспечить его этим вознаграждением».

Анализ субъектов получения вознаграждения показывает, что их следует отнести к группе специальных, но в разных уголовных законах они отличаются. Так, к ним относят как работников исключительно государственного органа либо иной государственной организации, не являющихся должностными лицами (ст. 433 УК Республики Беларусь), так и тех, кто осуществляет свою деятельность в государственных органах или государственных организациях (предприятиях) (ст. 324 УК Таджикистана; ст. 247 УК Казахстана, ст. 251 УК Кыргызской Республики). В некоторых кодексах субъекты получения сужены сферами деятельности – работник предприятия, учреждения или организации, не являющийся должностным лицом в сфере торговли, общественного питания, транспортного, бытового, коммунального, медицинского или иного обслуживания населения (ст. 256 УК Молдовы). В узбекском кодексе ответственность предусмотрена в нескольких статьях, отличающихся друг от друга местом работы субъекта: служащий негосударственной коммерческой или иной негосударственной организации (ч. 2 ст. 192.10); служащий государственного органа, организации с государственным участием или органа самоуправления граждан (ст. 214).

Анализ квалифицирующих признаков исследуемых составов преступлений показывает, что встречаются как общие, так и некоторые специфичные признаки, характерные для всех уголовных законов.

Основным общим – выступает размер вознаграждения (ст. 433 УК Республики Беларусь, ст. 324 УК Таджикистана, ст. 256 УК Молдовы, ст. 247 УК Казахстана, ст. 213 УК Узбекистана, ст. 251 УК Кыргызской Республики). Наиболее встречаемый отягчающий признак, правда не во всех кодексах, отражающий отдельные формы множественности – это повторность (неоднократность; совершенность опасным рецидивистом или лицом, ранее совершившим преступление) отмечается в ст. 433 УК Республики Беларусь, ст. 324 УК Таджикистана, ст. 247 УК Казахстана, ст. 213 УК Узбекистана. Аналогично в различных вариациях мы можем наблюдать в качестве квалифицирующего признака отдельные формы соучастия: «группа лиц по предварительному сговору» (ст. 433 УК Республики Беларусь); «по предварительному сговору группой лиц; в интересах организованной группы» (ст. 213 УК Узбекистана); «группа лиц, группа

лиц по предварительному сговору» (ст. 251 УК Кыргызской Республики); «двумя или более лицами» (ст. 256 УК Молдовы). Удивительно, что в таджикском Уголовном кодексе при подкупе в качестве квалифицирующих признаков выступают формы соучастия (ст. 325), а при получении такового нет (ст. 324). Данную ситуацию сложно объяснить логически.

И наконец, последним нередко встречающимся отягчающим признаком, в случаях, когда он не предусмотрен в ч. 1 статей как конститутивный, выступает способ «путем вымогательства» (ст. 433 УК Республики Беларусь; ст. 214 УК Узбекистана, ст. 247 УК Казахстана), при этом в качестве особо квалифицирующего признака в узбекском законе предусмотрено вымогательство в отношении лица в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности. Единственный уголовный кодекс, не содержащий данный признак ни в качестве квалифицирующего, ни в качестве конститутивного – УК Кыргызской Республики, что не в полной мере отражает повышенную общественную опасность.

В заключении анализа уголовных законов ряда стран СНГ, хотелось бы отметить и особые законодательные решения в регулировании изучаемого вопроса в отдельных странах. Так, узбекский законодатель единственный, который использует при конструировании исследуемых норм административную преюдицию, а киргизский – связал наступление ответственности за получение вознаграждения с определенным размером предмета, предусмотрев в основном составе его значительный размер.

Следует также указать на интересные законодательные решения о непризнании преступления таковым или освобождении от уголовной ответственности, например, в примечании к ст. 247 УК Казахстана указано на малозначительность, если в качестве подарка при отсутствии предварительной договоренности за ранее выполненную работу или оказанную услугу, входящую в круг его обязанностей, стоимость не превышала пяти месячных расчетных показателей; в примечании к ст. 213 УК Узбекистана написано: «Лицо, предоставившее материальные ценности или имущественную выгоду, освобождается от ответственности, если в отношении него имело место вымогательство материальных ценностей или имущественной выгоды и это лицо в течение тридцати суток после совершения преступных действий добровольно заявило о случившемся, чистосердечно раскаялось и активно способствовало раскрытию преступления».

Таким образом, мы видим поливариантность формулировок норм о получении и даче вознаграждения служащим и работникам, не выполняющим организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, при этом ни один законодатель не выделяет отдельно в качестве субъекта исключительно медицинского работника. На основе изложенного, мы приходим к выводу о созревшей необходимости криминализации содеянного в УК РФ, но возникает ряд спорных моментов относительно признаков основного и квалифицированного составов, а именно каков должен

быть объект посягательства, от этого зависит размещение статьи в УК РФ; в чем конкретно должно заключаться деяние (дача или получение, или то и другое); кто выступает субъектом получения вознаграждения; надо ли в качестве конститутивных признаков предусматривать иные, закрепленные в отдельных УК стран СНГ, например, размер предмета, особый способ, административную преюдицию.

Первый из возникающих вопросов: каков основной непосредственный объект нового преступного деяния, и в рамках какого видового объекта он должен находиться? Нами ранее были встречены два варианта определения видового объекта: экономическая деятельность (Л.А. Букалерова) (эта позиция аналогична подходу советского законодателя, помещавшего статью в главу «Хозяйственные преступления») и здоровье населения (Е.С. Крылова, Л.И. Бильданова), в случае, когда норма обозначает получение вознаграждения исключительно медицинскими работниками, а не любыми субъектами, оказывающими услуги или выполняющими работы. Отсюда вопрос: надо ли предусматривать широкий круг лиц, берущих вознаграждение, или ограничиться только медицинскими работниками? Как показывает исторический опыт России и законодательный опыт зарубежных стран, субъекты не должны быть ограничены исключительно медицинскими работниками. Следует согласиться с мнением Л.А. Букалеровой и расположить данное преступление в главе «Преступления в сфере экономической деятельности» [30], так как содеянное посягает на отношения, связанные с осуществлением работ, предоставлением услуг, невыплатой государству налогов, полученных от доходов, и нумеровать статью 200.8, определив ее ближе к статьям, связанным с другими видами подкупа. Такой законодательный опыт имеется и в странах СНГ, например, глава X УК Молдовы «Экономические преступления», гл. 8 УК Казахстана «Уголовные правонарушения в сфере экономической деятельности».

Что же касается объективной стороны предлагаемого преступления, то нам следует выяснить, какой вариант диспозиции в большей мере отражает общественную опасность нами исследуемого довольно масштабного явления (просто получение; получение с вымогательством; и получение, и подкуп). Рассмотрим положительные и отрицательные стороны таких законодательных решений. В первом варианте (получение вознаграждения) привлечь к ответственности можно любого медицинского работника в случае, если он получает предмет вознаграждения за услугу (постановку диагноза, лечение, проведение операции, осуществления разных медицинских манипуляций: уколы, капельницы, осуществление личной гигиены и т.д.), даже когда вымогательство не осуществлялось. Так, в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» отмечается, что под вымогательством следует понимать «не только требование передать незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе, сопряжен-

ное с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам лица, но и заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать указанные предметы с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов» [171].

Таким образом, в процессе доказывания правоохранительным органам во втором варианте диспозиции (получение с вымогательством) обязательно надо установить либо факты требования со стороны медицинских работников денег с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам лица («если ты не заплатишь некоторую сумму, уколы я буду делать болезненные, наркоз будет ненадлежащего качества, а осуществлять гигиену я вообще не буду»), либо медицинский работник заведомо создает условия, при которых пациент вынужден будет передать указанные предметы с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов (лицо постоянно делает инъекции, причиняющие боль; ведет себя грубо, при этом по отношению к другим пациентам снисходителен и мягок; осуществляет личную гигиену других пациентов, игнорируя твои просьбы; не осуществляет качественное лечение). Безусловно, все описанные деяния требуют обязательной криминализации. Но здесь присутствуют сразу два момента, первый – необходимость и сложность доказывания с учетом презумпции невиновности медицинского работника (болезненность уколов, некачественная личная гигиена, наркоз, который мог бы быть чуть покачественнее – вещь субъективная), и специалист сможет доказать свою невиновность при отсутствии грубых нарушений с его стороны.

Второй, не менее важный момент, – передача вознаграждения осуществляется медицинскому персоналу за их услугу при отсутствии признаков вымогательства, и они принимают его, при этом параллельно получают поощрение от государства или юридического лица, на которые работают, не влияет ли это на нравственное разложение врача, медицинской сестры и т.д.

Есть очень хорошая пословица «вода камень точит не силой, а частотой падения». Не будет ли системное получение таких выгод, в конце концов, изменять качество лечения пациентов по причине изменения мировоззрения медицинского работника? Но, если диспозиция не будет предусматривать способ «вымогательство», предлагаемая норма позволит привлекать лиц к ответственности по аналогии со взяткой не только за подкуп (т.е. до предоставления услуги), но и за подарок (т.е. вознаграждение после оказания услуги). На наш взгляд, последний вариант вознаграждения медицинским работникам не представляет общественной опасности и не требует криминализации. В связи с изложенным, актуальным является вопрос, а какую же норму следует установить в УК РФ, избежав предложенных недостатков. Думается, очень важно установить зависимость между пациентом и медицинским работником, если такая существует (длительный процесс лечения, который может продолжаться даже всю жизнь пациента, постоянный контроль со стороны врача), передача вознаграждения всегда должна рассматриваться как крими-

нальное деяние, если связь и зависимость исчезли (провел операцию, выписался и контроль уже за пациентом не осуществляется), то такая передача должна находиться в рамках закона и являться просто подарком.

И, наконец, надо ли отдельно в норме предусматривать ответственность за подкуп, т.е. передачу вознаграждения? Этот вопрос достаточно дискуссионный, о чем свидетельствует и неоднозначный законодательный опыт зарубежных стран. Думается, общественная опасность лиц, дающих вознаграждение, несколько ниже берущих, что предусматривает административную преюдицию, используя опыт узбекского законодателя.

Обзор типичных квалифицирующих признаков в аналогичных преступлениях по УК России и зарубежных стран позволяет сформулировать три основных признака, наиболее повышающих характер общественной опасности содеянного: способ – вымогательство; цель – за незаконные действия; предмет – в крупном размере.

Суммируя изложенное, приходим к выводу о необходимости криминализации коррупционных деяний медицинских работников, не осуществляющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, наряду с другими лицами, оказывающими услуги или осуществляющими работы, и предлагаем следующую редакцию диспозиций нормы:

Статья 200.8 УК РФ «Получение незаконного вознаграждения от юридических или физических лиц».

1. Получение работником, не являющимся субъектом (ст. 200.5, 200.7, 204, 204.2, 290 и 291.2) вознаграждения в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконного оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав (помимо предусмотренного законодательством РФ) от физического и юридического лица за совершенное в пределах его служебных полномочий (трудовых обязанностей) действие (бездействие), в пользу лица, предоставляющего такое вознаграждение, входящее в круг его служебных (трудовых) обязанностей.

2. То же действие, совершенное:

- путем вымогательства;
- за незаконные действия (бездействие);
- в крупном размере.

Примечания. 1. Крупным размером вознаграждения в настоящей статье признаются сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающие один миллион рублей.

2. Не является преступлением получение лицом, указанным в части первой настоящей статьи, незаконного вознаграждения в качестве подарка при отсутствии предварительной договоренности за ранее выполненную работу или оказанную услугу, входящую в круг его обязанностей, и при отсутствии зависимости лица, передающего вознаграждение от получателя.

2.10. Особенности правового статуса органов прокуратуры (сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан)

Россия, Казахстан и Беларусь – государства, составляющие ядро интеграции на постсоветском пространстве. Их объединяет общность исторического развития, географического положения, правовой системы, экономические, социальные и культурные условия, традиции народов. Совокупность данных факторов, а также схожая форма правления опосредуют создание близких по функциям государственно-правовых институтов, например, института главы государства, института прокуратуры и т.д. Отсюда возникает возможность заимствования положительного опыта, а также минимизации негативных тенденций уже сложившихся структур зарубежных государств постсоветского пространства.

Особая связь органов прокуратуры государств-участников СНГ обусловлена также тесными контактами в рамках созданного Координационного совета генеральных прокуроров государств-участников СНГ, заседания которого проводятся не реже одного раза в год. Координационный совет является межгосударственным органом Содружества по организации сотрудничества и взаимодействия генеральных прокуратур государств-участников СНГ в сферах обеспечения законности, прав и свобод человека и гражданина, борьбы с преступностью [165].

На примере России, Беларуси и Казахстана можно проследить общие тенденции развития многих государственных органов и системы государственного управления перечисленных стран. Особое внимание необходимо уделить прокуратуре.

Статус данного учреждения в указанных государствах регламентируется на высшем конституционном уровне. В науке о прокурорской деятельности и в юридической науке в целом традиционным является вопрос о месте данного государственно-правового института в системе разделения властей, его принадлежности к какой-либо ветви государственной власти. Так, некоторые ученые считают, что прокуратура относится к исполнительной ветви власти [176, с. 696], а другие – к законодательной. Предложение о рассмотрении прокуратуры как части судебной власти в российской юридической науке встретило серьезную критику [110, с. 69, 81], и Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» данный вопрос был окончательно разрешен.

Особую популярность в настоящий период приобретает позиция, согласно которой прокуратура принадлежит к органам так называемой президентской власти [106]. Ее авторы апеллируют к тенденциям развития демократических государств, где усиливаются властные полномочия главы

государства. Также высказываются мнения о том, что органы прокуратуры, обладая исключительными полномочиями и независимым статусом, относятся к особой подсистеме государственной власти [8, с. 22] и образуют особую «прокурорскую власть» [12, с. 10, 18]. И все-таки приоритет остается за теми учеными, которые придерживаются следующей точки зрения: «Прокуратура – самостоятельный, независимый государственный орган, который не входит в традиционную триаду властей, одновременно, в той или иной степени взаимодействуя с каждой из ветвей государственной власти, занимает среди них обособленное положение» [96, с. 313–314].

В Конституции Российской Федерации [100] правовые нормы об органах прокуратуры содержатся в гл. 7 «Судебная власть и прокуратура» (до недавнего времени она именовалась «Судебная власть»).

В Конституции Республики Казахстан [99] они находятся в разд. 7 ст. 83, который именуется «Суды и правосудие». Такое нормативное решение негативно оценивается некоторыми юристами Казахстана и не позволяет точно определить место прокуратуры в системе государственного управления [12, с. 13].

Наиболее последовательно указанный вопрос решен в Конституции Республики Беларусь, где прокуратуре отведена отдельная гл. 7, что исключает разногласия по поводу принадлежности данного органа к той или иной ветви государственной власти.

Согласно ст. 129 Конституции РФ прокуратура РФ представляет собой единую централизованную систему органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов, за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции. Стоит отметить, что ранее столь обширной дефиниции понятия «прокуратура РФ» предусмотрено не было. В редакции Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. указывалось лишь на то, что прокуратура составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору РФ.

В Конституции Республики Казахстан закреплено, что прокуратура Республики составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному Прокурору Республики (п. 2 ст. 83). Вместе с тем перечислены и основные функции прокуратуры: высший надзор за соблюдением законности на территории Республики Казахстан, представительство интересов государства в суде и осуществление уголовного преследования. Формулировка «высший надзор», на наш взгляд, отражает преемственность данного института по отношению к советскому периоду его развития.

В гл. 7 Конституции Республики Беларусь статус органов прокуратуры раскрывается главным образом через указание на выполняемые ими

функции. В их числе: надзор за точным и единообразным исполнением законов, указов и иных нормативных правовых актов, за исполнением законов при расследовании преступлений, соответствием закону судебных решений по гражданским, уголовным делам и делам об административных правонарушениях в случаях, предусмотренных законом, осуществление предварительного следствия, поддержание государственного обвинения в судах (ст. 125 Конституции Республики Беларусь) [98].

Таким образом, не во всех конституциях рассматриваемых государств приводится определение прокуратуры, хотя в каждом нормативном правовом акте высшей юридической силы раскрывается функциональная характеристика данного института, особенно его ключевая функция – надзор за соблюдением конституции и исполнением законов, действующих в конкретном государстве.

Положения конституций названных государств конкретизируются в специализированных законах о прокуратуре. Так, в России это Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [233] (далее – Закон о прокуратуре РФ), в Казахстане Закон от 5 ноября 2022 года № 155-VII «О прокуратуре» [142], в Беларуси – Закон от 8 мая 2007 г. № 220-3 «О прокуратуре Республики Беларусь». Общими особенностями трех законов являются: формулирование задач и направлений деятельности органов прокуратуры; выделение основных принципов организации прокуратуры; определение основных правовых актов, которые правомочен принимать прокурор, реагируя на нарушения закона; установление системы прокуратуры, порядка назначения и освобождения от должности прокурорских работников; регламентация вопросов службы в органах прокуратуры, а также гарантий деятельности прокуроров.

В отличие от законов о прокуратуре России и Казахстана, в Законе Беларуси закрепляется понятийный аппарат, а в качестве одного из ключевых направлений деятельности выделяется рассмотрение обращений граждан и организаций (ст. 3, 14 Закона о прокуратуре Республики Беларусь). Закон о прокуратуре РК отличается тем, что устанавливает предмет, формы и пределы надзора в отдельной ст. 6, определяет систему правовых актов прокуратуры (гл. 5), предусматривает возможность опубликования актов прокурорского надзора в средствах массовой информации (ст. 33).

Обратимся к порядку назначения и освобождения от должности прокурорских работников в названных государствах.

Российская конституционная реформа 2020 г. оказала значительное влияние на институт прокуратуры. В частности, был пересмотрен порядок назначения на должность Генерального прокурора РФ, заместителей Генерального прокурора, прокуроров субъектов РФ и иных приравненных к ним прокуроров. Согласно ч. 3 ст. 129 Конституции РФ Генераль-

ный прокурор РФ, его заместители назначаются на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождаются от должности Президентом РФ. Полномочия по назначению и освобождению от должности Генерального прокурора РФ и его заместителей в соответствии с прошлой редакцией российской Конституции принадлежали верхней палате Федерального Собрания РФ. Прокуроры субъектов РФ, прокуроры военных и других специализированных прокуратур, приравненные к прокурорам субъектов РФ, назначаются на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождаются от должности Президентом РФ (ч. 4 ст. 129 Конституции РФ).

Ранее прокуроры субъектов и приравненные к ним прокуроры назначались главой государства, но по представлению Генерального прокурора РФ и с учетом мнения соответствующих субъектов РФ. Генеральный прокурор РФ, согласно редакции Конституции РФ 1993 г., самостоятельно назначал на должность прокуроров уровня субъекта федерации. Действующая редакция российской Конституции оставляет за руководителем системы прокуратуры лишь полномочия по назначению и освобождению от должности прокуроров городов, районов и приравненных к ним прокуроров и только в том случае, если данные полномочия предусмотрены федеральным законом (очевидна отсылка к ч. 5 ст. 129 Конституции РФ, где закреплена возможность назначения перечисленных прокуроров главой государства в силу прямого указания закона).

До последних конституционных изменений верхняя палата Федерального Собрания РФ имела ключевые полномочия по назначению и освобождению от должности Генерального прокурора РФ. В настоящее время полномочия верхней палаты российского парламента ограничиваются лишь осуществлением консультаций по кандидатуре Генерального прокурора РФ; единоличное же решение о назначении и освобождении от должности руководителя системы органов прокуратуры принимает Президент РФ. К тому же, на наш взгляд, позиция «палаты регионов» по конкретной кандидатуре на должность руководителя системы органов прокуратуры не будет оказывать определяющего влияния на решение главы государства [126]. Тем самым ослабевает влияние законодательной власти на систему органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов.

Конституция Казахстана закрепляет полномочия по назначению на должность и освобождению от должности Генерального прокурора Республики Казахстан за Президентом Республики (ст. 44). Согласие на такое назначение дает Сенат Парламента Республики Казахстан (ст. 55 Конституции Республики Казахстан), т.е. верхняя палата парламента в данном случае наделена полномочиями по отклонению предложенной главой государства кандидатуры. Это подтверждается и Регламентом Сената Парла-

мента Республики Казахстан, где указано, что «в случае отклонения кандидатур, представленных Президентом для дачи согласия на назначение на должность, решение Сената должно содержать развернутую мотивировку отклонения» (п. 73). Однако в Регламенте данной палаты (§ 2 гл. 7) нет правовых норм, запрещающих Президенту Республики Казахстан предложить отклоненную кандидатуру на рассмотрение Сената вновь. Но представляется, что данная ситуация вряд ли возможна, учитывая особую роль президентской власти в Республике Казахстан.

Генеральный прокурор Республики Казахстан назначает на должность и освобождает от должности прокуроров областей и приравненных к ним прокуроров с согласия Президента Республики Казахстан, а также назначает и освобождает от должности заместителей прокуроров областей и приравненных к ним прокуроров, в том числе прокуроров районов и приравненных к ним прокуроров.

Статус прокуратуры Казахстана характеризуется явной подконтрольностью Президенту Республики Казахстан [12, с. 60]. На это указывают ряд норм Закона о прокуратуре Республики Казахстан. В частности, в ст. 3 закреплён принцип подотчётности прокуратуры лишь Президенту; согласно ст. 18 в исключительных случаях надзор за законностью прокуратура осуществляет по поручению Президента; в ст. 33 установлена невозможность принесения протеста на правовой акт Президента Республики Казахстан, противоречащий Конституции Республики Казахстан; в п. 9 ст. 9 сказано, что Генеральный прокурор отчитывается перед Президентом Республики о состоянии законности в стране и о деятельности органов прокуратуры.

В Беларуси Генеральный прокурор назначается на должность Президентом Республики Беларусь с согласия Совета Республики (п. 9 ст. 84 Конституции Республики Беларусь) и освобождается от должности по решению Президента, уведомляющего об этом верхнюю палату парламента (п. 11 ст. 84).

Исходя из буквального толкования норм Конституции Беларуси, Генеральный прокурор Республики Беларусь самостоятельно формирует весь прокурорский корпус (ст. 126), т.е. назначает и освобождает от должности руководителей прокуратур областей, Минска, городов, районов, межрайонных и приравненных к ним прокуратур и т. д. (перечень должностных лиц приведен в ст. 23 Закона о прокуратуре Республики Беларусь). Отсюда следует, что Генеральный прокурор Республики Беларусь наделён большими кадровыми полномочиями по сравнению с Генеральным прокурором РФ, который уполномочен назначать лишь прокуроров низового звена системы прокуратуры РФ.

В ст. 23 Закона о прокуратуре Республики Беларусь указывается, что в процедуре назначения на должность ряда прокуроров участвует

и Президент Республики. Интересно, что в Конституции Беларуси ничего не говорится о процедуре назначения на должность заместителей Генерального прокурора. В России, в свою очередь, заместители Генпрокурора назначаются и освобождаются от должности в том же порядке, что и руководитель системы российской прокуратуры (п. «е.1» ст. 83, п. «з» ч. 1 ст. 102, ч. 3 ст. 129 Конституции РФ).

На основе анализа ряда норм Закона о прокуратуре Республики Беларусь можно говорить о зависимости органов прокуратуры от главы государства, которая выражается в порядке назначения и освобождения от должности прокурорских работников (ст. 18, 23), установлении системы и структуры органов прокуратуры (ст. 16) и т. д. Отметим, что влияние Президента Беларуси на прокуратуру нельзя назвать столь же существенным, как в Казахстане, где глава Республики фактически определяет деятельность данного государственного органа.

Одной из важнейших функций прокуратуры в рассматриваемых государствах является уголовное преследование. Иногда она находит закрепление и в конституции государств (ч. 1 ст. 129 Конституции РФ, п. 1 ст. 83 Конституции Республики Казахстан).

Особое внимание хотелось бы обратить на полномочия прокурора по возбуждению уголовного дела. В России после изменений, внесенных в УПК РФ в 2007 г., существенно сокращены полномочия прокурора по надзору за предварительным следствием, он лишен возможности возбуждать уголовное дело в случае явных признаков совершенного преступления (ст. 37 УПК РФ), что, по мнению некоторых ученых, противоречит законодательной практике многих государств мира, документам Совета Европы, а также модельному Уголовно-процессуальному кодексу для государств-участников СНГ (ст. 84) [164, с. 47].

Согласно положениям Закона о прокуратуре РФ (гл. 3) и нормам УПК РФ прокуратура осуществляет надзор за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие. Однако предоставленные прокурорам полномочия в данной области нельзя назвать достаточно эффективными для выявления и устранения нарушений прав и свобод граждан. Некоторые исследователи отмечают, что многие уголовные дела возбуждались прокурорами по результатам проводимых ими общенадзорных проверок [31, с. 85].

Полномочиями по возбуждению уголовного дела на стадии предварительного расследования обладают прокуроры практически всех государств-участников СНГ. Исключением является Россия [164, с. 195].

Ю.К. Якимович, утверждая о революционности изменений в досудебном производстве 2007 г. в России, точно замечает, что «жизненно необходим единый координатор и руководитель всего расследования в целом, независимо от ведомственной подчиненности органов дознания и след-

ствия» [261, с. 6] Отсутствие единого руководителя приводит к разрозненному функционированию органов предварительного расследования и разрушению единства следственной практики.

Нельзя не затронуть вопрос об участии органов прокуратуры исследуемых государств в правотворческой деятельности. Соответствующие полномочия прокуратуры закреплены в п. 4 ст. 1, ст. 9 Закона о прокуратуре РФ, подп. 16 п. 16 Указа Президента Республики Казахстан «О некоторых вопросах органов прокуратуры Республики Казахстан», ст. 13 Закона о прокуратуре Республики Беларусь. Данное направление деятельности заключается в том, что прокурор при установлении необходимости совершенствования нормативных правовых актов вправе вносить в уполномоченные законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, различных уровней предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов.

Тем не менее ни в одной из конституций указанных государств в числе субъектов права законодательной инициативы не упомянут Генеральный прокурор. На наш взгляд, это существенное упущение правовой регламентации института прокуратуры. В России в большинстве субъектов федерации прокурорам предоставлено право законодательной инициативы конституциями (уставами) субъектов РФ [199, с. 219–220]. То есть прокурор вправе вносить законопроекты в законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта федерации, и рассматриваться они будут в особом порядке, в отличие от обращений прокуроров в порядке ст. 9 Закона о прокуратуре РФ с предложением об изменении, дополнении, отмене или принятии законов и иных правовых актов [17, с. 58].

Таким образом, органы прокуратуры рассматриваемых государств-членов СНГ прошли общий путь развития, но одновременно они имеют особенности функционирования. Сформулируем основные выводы.

Содержание конституционных норм о прокуратуре также нуждается в совершенствовании. Опыт России после конституционной реформы является во многих аспектах эталонным и может быть заимствован Республикой Беларусь.

Часть 2 ст. 129 Конституции РФ является уникальной для конституционного регулирования в государствах постсоветского пространства. В данной норме приводятся требования, предъявляемые к кандидатам на должности прокуроров по аналогии с общими требованиями к кандидатам на должности судей (ст. 119 Конституции РФ). Кроме того, в ч. 1 ст. 129 Конституции РФ дается определение прокуратуры РФ, в котором раскрываются ее основные функции. Предполагаем, что включение данных поло-

жений в законодательство Беларуси окажет положительное влияние на правовой статус органов прокуратуры.

Представляется необходимым предоставить Генеральному прокурору Республики Беларусь право законодательной инициативы с внесением соответствующих изменений в конституцию (ст. 99 Конституции Беларуси).

Требование о наделении прокуратуры этими полномочиями, на наш взгляд, обусловлено тем, что одним из ключевых направлений деятельности органов прокуратуры становится надзор за соблюдением прав и свобод граждан [254, с. 10–11]. Прокуратура выявляет нарушения закона, оперативно принимает меры в целях их устранения и восстановления нарушенных прав и свобод, а также обеспечивает устранение причин, способствующих совершению данных правонарушений.

Приведенные рекомендации по совершенствованию законодательства Республики Беларусь о прокуратуре являются следствием усложнения правоотношений и необходимости грамотного ответа законодателя на изменения в структуре общественных связей.

ГЛАВА III. ЧАСТНОЕ ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

3.1. Интегрирование частного права в Европейском Союзе

Реальностью современного мира явились интеграционные процессы в праве, распространяющиеся на широкий спектр частноправовых отношений. Объективным фактором, обуславливающим унификацию в частном праве, было стремление, во-первых, обеспечить четкие гарантии в области соблюдения гражданских, брачно-семейных и трудовых прав как собственных граждан, так и иностранцев, установить единообразные правила ведения торговли, осуществления инвестиций, проведения банковских операций; во-вторых, избежать с помощью унифицированных актов сложности и неопределенности, которые порождаются коллизиями законов разных государств.

Начало унификации частного права в рамках Европейского Союза было положено Конвенцией о праве, подлежащему применению к договорным обязательствам, подписанной странами-участниками в Риме в 1980 году, получившей неофициальное наименование «Римской конвенции». В дальнейшем принимаемые акты в ЕС по регулированию частных правоотношений получали наряду с официальным полным названием краткое неофициальное наименование: «Рим I», «Рим II», «Рим III», «Рим IV».

Линейку «Римов» открывает Регламент (ЕС) № 593/2008 Европейского парламента и Совета от 17 июня 2008 г. «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» – «Рим I» [182].

Регламент № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 г. «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам» – «Рим II» по времени был утвержден на год ранее, чем «Рим I», но получил второй номер, поскольку первый был зарезервирован «Римской конвенцией» 1980 года, развитием которой стал «Рим I».

Регламент Совета ЕС № 1259/2010 «О расширении сотрудничества в отношении применимого права к расторжению брака и разделению имущества супругов» – «Рим III» унифицирует бракоразводные процессы.

Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 650/2012 от 4 июля 2012 «О юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении нотариальных актов, а также о создании Европейского свидетельства о наследовании» – «Рим IV» направлен на унификацию наследственных правоотношений.

Регламент «Рим I» установил на территории государств-членов Европейского сообщества и Европейского Союза (ЕС) единообразные правила «конфликта законов» – коллизионные нормы, определяющие законодательство, какого именно государства (не обязательно государства-члена

ЕС) должно применяться в том случае, если правоотношение содержит иностранный элемент и, соответственно, может регулироваться правом разных стран (например, правом страны продавца, покупателя или страны, где приобретен товар, в случае договора купли-продажи).

«Рим I» разрешает проблему конфликта законов (коллизионную проблему) в отношении наиболее распространенного вида обязательств частного правового характера, которые возникают на основании гражданско-правовых или торговых (коммерческих) договоров. В сферу его применения входят и договоры, которыми оформляются трудовые отношения наемных работников (индивидуальные трудовые договоры).

Как отмечается в преамбуле Регламента, замена Римской конвенции Римом I позволяет одновременно достигнуть нескольких важных целей, в частности:

– усовершенствовать содержание и расширить сферу применения единообразных коллизионных норм ЕС в области договорного права, например, уточнить правила относительно того, какому законодательству будет подчиняться договор, стороны которого не воспользовались предоставленной им свободой выбора применимого права или включить специальные правила относительно договора страхования (ст. 7 «Договоры страхования»);

– упростить и демократизировать процедуру внесения изменений и дополнений, направленных на дальнейшее совершенствование коллизионных норм ЕС в области договорного права: в отличие от Римской конвенции Регламент «Рим I» принимается и изменяется в соответствии с законодательной процедурой совместного принятия решений, при которой обязательно согласие Европейского парламента как института ЕС, избираемого всеобщим прямым голосованием его граждан, и Совета Европейского Союза как института ЕС, состоящего из представителей национальных правительств, принимающих решение квалифицированным большинством (при отсутствии права вето у отдельных государств-членов);

– создать единообразную судебную практику (прецедентное право) на основе решений Суда ЕС, дающих нормативное толкование Регламента «Рим I», в том числе по искам Европейской комиссии к государствам-членам, нарушающим его правила, и по запросам национальных судов. В случае Римской конвенции создание такой судебной практики (прецедентного права) оказалось невозможным, поскольку Суд Европейских сообществ не получил полномочия по ее толкованию (соответствующие протоколы к Конвенции не были своевременно ратифицированы всеми государствами-членами).

Как и другие нормативные акты ЕС, принятые в форме регламента (от франц.: *reglement* – правило, положение), «Рим I» с момента введения в действие – 17 декабря 2009 г. (ст. 29) – в полном объеме приобретает

юридически обязательную силу и прямое действие в государствах-членах ЕС, в том числе в их национальных судах.

В рамках Европейского Союза внедоговорные обязательства получили развернутое регулирование в Регламенте № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 г. о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II») [184].

Регламент № 874/2007 используется в ситуациях, содержащих конфликт законов в внедоговорных обязательствах в гражданской и торговой сфере. Он не применяется к налоговой, таможенной и административной сферам, а также к ответственности государства за действия или бездействие, совершенные при осуществлении публичной власти («*acta iure imperii*»). Действия «Рим II» также не регулируют внедоговорные обязательства, вытекающие: из семейных отношений, включая алиментные обязательства; из режимов имущества супругов и режимов имущества в рамках наследования; из правового регулирования обществ, ассоциаций и юридических лиц; из отношений между учредителями, доверительными собственниками и бенефициарами траста; внедоговорные обязательства, возникающие на основании переводных векселей, чеков, простых векселей, а также других оборотных ценных бумаг.

К числу внедоговорных обязательств, подпадающих под действие настоящего Регламента, относятся обязательства вследствие неосновательного обогащения, действий в чужом интересе без поручения и недобросовестных действий одного из контрагентов на этапе преддоговорных переговоров («*culpa in contrahendo*» (лат.) – вина при заключении договора).

Следует отметить, что применимое право может быть правом не только государств-членов Европейского Союза, но и правом третьих стран (стран, не входящих в ЕС), включая право Республики Беларусь. Это вытекает из ст. 3 «Рим II», в которой говорится: «Право, указанное настоящим Регламентом, применяется даже в том случае, если оно не является правом одного из государств-членов».

В преамбуле Регламента отмечается, что привязка «*lex loci delicti commissi*» является основным решением в сфере внедоговорных обязательств почти во всех государствах-членах, но практическое ее использование в случаях, когда составные факторы дела рассеяны по нескольким странам, варьируется. Такая ситуация служит источником неопределенности в отношении права, подлежащего применению.

Использование единообразных правил должно увеличить предсказуемость судебных решений и обеспечить разумный баланс интересов лица, которое привлекается к ответственности, и лица, которому причинен вред. Привязка к стране, где расположено место наступления прямого вреда («*lex loci damni*»), создает справедливый баланс интересов причинителя и потерпевшего, а также соответствует современной концепции права гражданско-правовой ответственности и развитию систем ответственности без вины.

Право, подлежащее применению, следует определять исходя из места наступления вреда, независимо от страны или стран, где могут наступать косвенные последствия. Так, в случае причинения вреда здоровью личности или имуществу, страной наступления вреда признается страна, где был причинен вред здоровью или имуществу.

Общим правилом согласно Регламенту должно быть «*lex loci damni*», установленное в п. 1 ст. 4: «1. Если иное не предусмотрено настоящим Регламентом, то правом, подлежащим применению к внедоговорному обязательству, возникающему вследствие причинения вреда, является право страны, где наступает вред, независимо от того, в какой стране произошел юридический факт, влекущий наступление вреда, и в какой стране или в каких странах наступают косвенные последствия данного юридического факта». Исключением из этого правила будет случай, если стороны имеют свое обычное место жительства в одной и той же стране, право которой и подлежит применению (п. 2 ст. 4). Если из всех обстоятельств дела вытекает, что причинение вреда имеет явно более тесные связи с другой страной, то применяется право этой другой страны.

В сфере ответственности за продукцию правило определения применимого права должно учитывать такие безусловные требования, как справедливое распределение рисков в современном высокотехнологичном обществе, охрана здоровья потребителей, стимулирование инноваций, недопустимость недобросовестной конкуренции, содействие торговле. Первым критерием избрания права, требующим принятия во внимание, является право страны, где лицо, которому причинен вред, имело свое обычное место жительства в момент наступления вреда, если продукция была выпущена на рынок в этой стране. Если продукция не выпускалась на рынок в этой стране, возможно установление существования явно более тесной связи с другой страной.

В отношении недобросовестной конкуренции и действий, ограничивающих свободную конкуренцию, правило конфликта законов должно защищать конкурентов, потребителей и общество в целом и гарантировать нормальное функционирование рыночной экономики. Достигается это использованием привязки к праву страны, на территории которой затрагиваются или могут затрагиваться конкурентные отношения или коллективные интересы потребителей.

Регламент регулирует применимое право в случае причинения вреда окружающей среде (негативное изменение природного ресурса, такого как вода, земля или воздух, нарушение функции, осуществляемой этим ресурсом в пользу другого природного ресурса или ухудшение биологического разнообразия).

В отношении причинения вреда окружающей среде ст. 174 Договора об образовании ЕС, предусматривающая обеспечение высокого уровня ее охраны на основе принципов предосторожности и профилактических дей-

ствий, принципа устранения ущерба путем обращения, прежде всего, к его источнику и принципа «загрязнитель платит», полностью оправдывает использование привилегированного режима в пользу лица, которому причинен вред. Правом, подлежащим применению к внедоговорному обязательству, возникающему вследствие причинения вреда окружающей среде или обусловленного им вреда для лиц или имущества, является право места наступления вреда, если только лицо, требующее возмещения вреда, не выберет в качестве основы своего требования право страны, где произошел юридический факт, влекущий наступление вреда (ст. 7)

Применительно к нарушению прав интеллектуальной собственности в ст. 8 Регламента сохранен универсально признанный принцип «*lex loci protectionis*» (закон места истребования охраны). Термин «права интеллектуальной собственности» должен пониматься как означающий авторское право, смежные права, право на охрану базы данных и право промышленной собственности.

В случае внедоговорного обязательства, возникающего вследствие нарушения права интеллектуальной собственности и регулируемого едиными актами ЕС, правом, подлежащим применению к любому вопросу, который не урегулирован соответствующим единым актом Сообщества, является право страны, где было нарушено это право (п. 2 ст. 8). В ст. 13 Регламента дано специальное толкование применения ст. 8 к внедоговорным обязательствам, возникающим вследствие нарушения права интеллектуальной собственности.

В ст. 9 определяется применимое право в случае наступления ответственности за проведение забастовки или локаута (закрытия предприятия по политическим мотивам). К внедоговорному обязательству, которое относится к ответственности лица, действующего в качестве работника или работодателя, за вред, причиненный продолжающимися либо завершившимися забастовкой или локаутом, применяется право страны, где были предприняты указанные действия.

К внедоговорным обязательствам отнесены и правоотношения, возникающие вследствие неосновательного обогащения, включая получение ненадлежащего платежа, если они затрагивают существующие отношения между сторонами. Подлежащим применению правом в таких случаях, согласно п. 1 ст. 10 Регламента, будет право, которое регулирует неосновательное обогащение. Если стороны имеют свое обычное место жительства в одной и той же стране в момент, когда происходит юридический факт, влекущий неосновательное обогащение, то применяется право этой страны. В случае, если из всех обстоятельств дела вытекает, что внедоговорное обязательство имеет явно более тесные связи с другой страной, то применяется право этой другой страны (п. 4 ст. 10).

Подобным образом в ст. 11 Регламента регулируются и правоотношения, возникающие при действии в чужом интересе без поручения.

В ст. 12 Регламента регулируются правоотношения, фактически неизвестные в белорусском праве, вина при заключении договора (*culpa in contrahendo*), т.е. недобросовестное поведение одной из сторон по отношению к контрагенту при согласовании условий готовящегося договора. В понятие *culpa in contrahendo* включается нарушение обязанности информировать другую сторону о невозможности заключения договора и разрыв переговоров о заключении договора. Согласно п. 1 ст. 12: «Правом, подлежащим применению к внедоговорному обязательству, возникающему вследствие деловых переговоров, предшествующих заключению договора, независимо от того, был ли фактически заключен договор или нет, является право, которое применяется к договору или которое подлежало бы применению к нему, если бы договор был заключен».

Относительно новым подходом, содержащимся в Регламенте, выступает норма о выборе сторонами применимого права к внедоговорному обязательству, установленная в ст. 14. Такой выбор может быть определен посредством соглашения, заключаемого сторонами после того, как произошел юридический факт, влекущий наступления вреда или, если все стороны занимаются коммерческой деятельностью, посредством соглашения, свободно заключаемого ими до того, как имел место юридический факт, влекущий наступление вреда. Выбор права должен быть прямо выражен или определенно вытекать из обстоятельств дела и не наносить ущерба правам третьих лиц.

Если при наступлении вреда все элементы ситуации находились в одном или нескольких государствах-членах, то выбор сторонами права третьей страны не должен наносить ущерба применению положений права Сообщества, от которых не разрешается отступать посредством соглашения (п. 3 ст. 14).

В ст. 15 Регламента определена сфера действия права, применяемого к внедоговорным отношениям:

- a) условия и объем ответственности, включая определение лиц, которые могут привлекаться к ответственности за совершенные ими действия;
- b) основания освобождения от ответственности, ограничения и распределения ответственности;
- c) существование, характер и оценка вреда или требуемое возмещение;
- d) предел полномочий, предоставленных суду процессуальным правом его государства, меры, которые этот суд может принимать с целью обеспечить предотвращение, прекращение или возмещение вреда;
- e) допустимость передачи права на возмещение вреда, в том числе по наследству;
- f) лица, имеющие право на возмещение причиненного им вреда;
- g) ответственность за действия других лиц;
- h) порядок прекращения обязательств, а также правила в отношении исковой давности и утраты права, основанные на истечении срока, вклю-

чая правила о начале течения, прекращении и приостановлении срока исковой давности или утраты права.

Статья 17 Регламента требует: «При оценке поведения лица, привлекаемого к ответственности, в качестве фактического обстоятельства и по мере необходимости учитываются правила безопасности и поведения, действовавшие в том месте и в тот день, в которые произошел юридический факт, влекущий наступление вреда».

Таким образом, Регламент (ЕС) № 864/2007 Европейского парламента и Совета от 11 июля 2007 г. «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам» («Рим II») содержит широкий круг регулирования внедоговорных отношений, в том числе и таких, которые в белорусском праве еще не нашли применение.

В рамках Европейского Союза 20 декабря 2010 г. был принят Регламент Совета Европейского Союза № 1259/2010 «О расширении сотрудничества в отношении применимого права к расторжению брака и разделному проживанию супругов» («Рим III») [181]. Причиной принятия данного Регламента явилось то, что на территории ЕС нередки ситуации, когда супруги, желающие расторгнуть брак, являются гражданами разных стран ЕС либо проживают в различных странах Союза. В большинстве европейских государств наряду с институтом развода существует институт сепарации, который часто предшествует разводу. Суть его заключается в раздельном проживании супругов при сохранении брака и раздельном владении имуществом, что устанавливается решением суда. Уместно напомнить тот факт, что всенародно любимая британцами принцесса Диана и наследник британского престола принц Чарльз (нынешний король Карл III) проживали раздельно по решению суда, когда принцесса погибла в автокатастрофе во Франции 31 августа 1997 года.

В ЕС действуют процессуальные правила, определяющие какой именно суд правомочен вынести решение о разводе, что позволяет признавать факт расторжения брака, совершенный в одной стране ЕС, другой стороной.

В Регламенте «Рим III» следующие правовые принципы:

1) универсальности, который позволяет избрать в качестве применимого права в бракоразводном процессе право любого государства (ст. 4);

2) автономии воли сторон, который провозглашен в качестве базового при разрешении коллизии права по соответствующим вопросам, но при условии, что это либо право их места жительства, либо право страны гражданства, либо право страны суда;

3) осознанной воли супругов. В соответствии с абз. 18 Регламента, каждый из супругов должен знать правовые последствия выбора применимого права, что является гарантией того, что права супругов не будут нарушены;

4) приоритета места постоянного проживания супругов при выборе применимого права, а не их гражданства;

5) равенства супругов, заключающийся в равенстве возможностей.

Анализ данных принципов позволяет сделать вывод о том, что расторжение брака по взаимному согласию супругов, установленный Регламентом Совета ЕС № 1259/2010 является более приемлемым, нежели развод по инициативе только одного из супругов. Также в ЕС поощряют семейные пары, желающие расторгнуть брак, к заключению соглашения относительно правовых последствий данного гражданского акта. Только при отсутствии такого соглашения, компетентный орган принимает решение о применимом праве.

Последний в линейке «Римов» – Регламент № 650/2012 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении нотариальных актов, а также о создании Европейского свидетельства о наследовании» – «Рим IV» [183].

В соответствии со ст. 1 он решает вопросы наследования имущества умерших лиц, не затрагивая сферы доходов, таможенных пошлин и административных вопросов. При этом не регулирует правовой статус физических лиц, семейные отношения, правоспособность физических лиц, алиментных обязательств (кроме возникающих в результате смерти), имущественные права, вопросы корпоративного права и другие.

Одной из ключевых новелл Регламента является принципиально новая коллизионная привязка, которая используется для избрания применимого права к конкретному случаю трансграничного наследования. Такой привязкой установлено место постоянного проживания наследодателя на момент смерти. Аналогичным образом устанавливается и юрисдикция, а именно: ст. 4 указывает, что юрисдикцию по рассмотрению наследственного дела осуществляют суды страны-участницы ЕС, на территории которой соответствующий наследодатель постоянно проживал на момент смерти. Названная коллизионная привязка к закону гражданства наследодателя обеспечивает единство применимого права и суда, что ускоряет разрешение наследственных дел и повышает качество их рассмотрения вследствие применения судом собственного национального права. А также позволяет гарантировать равное отношение ко всем лицам, входящим в круг наследников, поскольку в стране последнего места жительства наследодателя обычно проживают его наследники и находится основная часть наследуемого имущества.

Декларативная часть Регламента содержит в себе описание процесса определения последнего постоянного места жительства наследодателя, но само определение понятия «последнее постоянное место жительства» в «Риме IV» отсутствует, что следует признать существенным пробелом. Также в Регламенте не решен вопрос, в течение какой минимальной

продолжительности времени должен проживать наследодатель на территории страны, чтобы оно стало для него государством последнего постоянного места жительства. Однако Регламент не исключает и применение привязки закона гражданства, если наследодатель укажет его в качестве применимого права.

Еще одной новеллой в регулировании наследственных правоотношений в Регламенте стал отказ от «дробления» наследуемого имущества в зависимости от его природы и места нахождения. Вся наследственная масса рассматривается как единое целое, что обеспечивает правовую определенность в наследственных делах.

В итоге следует констатировать факт обширной интеграции норм частного права, проведенной в рамках Европейского Союза. Принятые акты, получившие неофициальное название «Рим I», «Рим II», «Рим III», «Рим IV», устанавливают единые коллизионные нормы в регулировании договорных и внедоговорных отношений, определяют применимое право к расторжению брака и разделению имущества супругов, а также регулируют применение права в наследственных правоотношениях, в признании и исполнении нотариальных актов.

В названных актах содержится ряд новых подходов в определении применимого права в гражданско-правовых и брачно-семейных отношениях, что представляет несомненный практический интерес для других государств, находящихся в тесных интеграционных образованиях. В частности, государства Евразийского экономического союза, на наш взгляд, могли бы использовать некоторые идеи и подходы, реализованные в актах Европейского Союза, в регулировании частноправовых отношений на межгосударственном уровне в рамках ЕАЭС.

3.2. Право на односторонний отказ от исполнения договора и изменение его условий в одностороннем порядке по законодательству о защите прав потребителей Российской Федерации и Республики Беларусь

Действующим законодательством России и Беларуси предусмотрено право потребителя на односторонний отказ от исполнения условий договора, которому корреспондируют обязанность исполнителя услуг возвратить уплаченные потребителем денежные средства и его право на удержание фактически понесенных расходов (далее – ФПР) с возвращаемых сумм. Однако в процессе реализации соответствующих прав и обязанностей зачастую отмечаются факты нарушений баланса интересов сторон потребительских правоотношений, в том числе со ссылками на принципы добросовестности и свободы договора.

Актуальность заявленной тематики, в том числе и в ее сравнительно-правовом аспекте, определяется тремя важными обстоятельствами, образующими проблемно-предметное поле представленного нами исследования:

- 1) допустимость одностороннего отказа исполнителя услуг от договора или изменения им в одностороннем порядке условий обязательства;
- 2) особенности и правовые последствия реализации потребителем своего права на односторонний отказ от исполнения условий договора;
- 3) необходимость достижения баланса интересов исполнителей услуг и потребителей при заявлении одностороннего отказа от исполнения договора.

Ключевой гипотезой исследования является предположение о том, что российский институт одностороннего отказа от исполнения договора и изменения условий обязательства в одностороннем порядке нуждается в значительном совершенствовании с учетом имеющегося опыта развития законодательства о защите прав потребителей в Республике Беларусь и с целью достижения оптимального баланса интересов сторон потребительских правоотношений.

Указанная проблематика практически не находит отражения в теории потребительского права России и Беларуси (все имеющиеся в настоящее время исследования затрагивают лишь гражданско-правовые ее аспекты), она впервые поднята авторами в одной из своих работ, где были выявлены особенности и правовые последствия реализации российскими потребителями (заказчиками) и гостиничными организациями права на заявление одностороннего отказа от исполнения договора и изменение в одностороннем порядке условий обязательства по предоставлению гостиничных услуг [109].

Рассмотрим три основные проблемы, связанные с реализацией сторонами потребительских правоотношений права на односторонний отказ от исполнения договора или изменение его условий в одностороннем порядке.

1. По общему правилу односторонний отказ от исполнения договора и одностороннее изменение условий обязательства не допускаются (п. 1 ст. 310 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [54], ст. 291 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) [53], а в случаях, когда исполнение обязательств связано с осуществлением предпринимательской деятельности не всеми его сторонами, право на односторонний отказ от договора и одностороннее изменение его условий предоставляется стороне, не ведущей такую деятельность – то есть потребителю (п. 2 ст. 310 ГК РФ, в ГК Республики Беларусь аналогичная норма не закреплена).

Вышеназванные положения в полной мере соответствуют практике реализации правоотношений с участием потребителей. Более того, императивным является правило о недопустимости одностороннего отказа от договора или одностороннего изменения условий обязательства, что подтверждается п. 1 и 2 ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей» [76], признающими такие условия ничтожными. В России такое право закреп-

лено только за потребителем, но в ст. 19 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей» [136] не установлен прямой запрет на односторонний отказ от исполнения договора или одностороннее изменение его условий исполнителем услуг. Российский законодатель также конкретизировал, что подобные нарушения образуют любые условия о праве исполнителя на односторонний отказ от договора или изменение предмета, цены, срока и иных согласованных с потребителем условий договора.

Вместе с тем как российским, так и белорусским отраслевым и специальным законодательством в ряде случаев предусматривается и право исполнителя услуг на отказ от договора или изменение его условий в одностороннем порядке. Так, согласно ст. 14 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [238] обе стороны могут заявить об отказе или изменении условий договора при возникновении в месте временного пребывания угроз жизни и здоровью туриста, опасности причинения вреда его имуществу. В соответствии со ст. 10 вышеназванного Закона стороны могут отказаться от договора или изменить его и в случаях существенного изменения обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора.

В Республике Беларусь согласно п. 7 ст. 22 Закона «О туризме» [146] каждая из сторон договора оказания туристических услуг вправе потребовать в письменной форме его изменения или расторжения в связи с существенным изменением обстоятельств, из которых стороны исходили при его заключении, либо отказаться от исполнения обязательств по договору в порядке, установленном Законом и ГК Республики Беларусь. Возврат внесенных за услуги денежных средств при расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств производится в течение 14 дней со дня предъявления заказчиком такого требования, при одностороннем отказе от исполнения обязательств по договору – в срок, установленный п. 2 ст. 38.1 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей».

Сразу возникает вопрос: могут ли стороны предусмотреть в договоре или отдельном соглашении право на односторонний отказ от исполнения договора или изменение исполнителем его условий в одностороннем порядке?

В этом случае следует исходить из практики реализации принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ, ст. 391 ГК Республики Беларусь), специфики исполнения договоров присоединения (ст. 428 ГК РФ, ст. 398 ГК Республики Беларусь) и особенностей согласования с потребителем тех условий договора, которые изменяются исполнителем в одностороннем порядке. Так, безусловно, недопустимой является заблаговременная фиксация в договоре условий, которые предоставляют исполнителю право в будущем, при возникновении в этом необходимости, изменять потребительские свойства услуг без согласования с потребителем. Подобные условия противоречат п. 2 ст. 16 Закона РФ «О защите прав

потребителей» и п. 1 ст. 19 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей» (хотя в указанной норме явно на это и не указано) и должны быть признаны ничтожными.

Напротив, когда стороны в договоре или отдельном соглашении закрепили возможность изменения конкретных условий договора (предмета, потребительских свойств и сроков оказания услуг и др.), считаются не нарушающими нормы законодательства и в полной мере реализующими принцип свободы договора. Отметим, что согласно п. 1 ст. 452 ГК РФ и п. 1 ст. 422 ГК Республики Беларусь соглашение об изменении или расторжении договора заключается в той же форме, что и договор, то есть, как минимум, в простой письменной форме.

Усложняется ситуация в том случае, когда исполнитель в одностороннем порядке изменяет существенные условия договора, что приводит к улучшению потребительских свойств услуг и, соответственно, к приобретению потребителями дополнительных материальных благ. Казалось бы, потребители находятся в более выгодном положении, и, следовательно, никаких нарушений в действиях исполнителей услуг не отмечается.

Однако, например, в силу ст. 10 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и п. 3 ст. 22 Закона Республики Беларусь «О туризме» потребительские свойства туристского продукта (комплекса туристических услуг) и всех входящих в него услуг относятся к существенным условиям договора, любое изменение которых в одностороннем порядке не допускается ни по умолчанию, ни в соответствии с условием договора, включенным в него заранее – с целью предвидеть наступление таких обстоятельств в будущем.

Так, туристическая организация, доводя до потребителя информацию о замене отеля на другой, более высокой категории, после его прибытия в страну временного пребывания, допускает нарушения норм п. 1 ст. 8, п. 2 ст. 10, ст. 12 Закона РФ «О защите прав потребителей» и ст. 7, 10, 16 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей», так как лишает туриста права на своевременное получение необходимой и достоверной информации об услуге, обеспечивающей возможность ее правильного выбора, ставит ситуацию вынужденного согласия. То есть возникает парадокс – даже при фактическом улучшении условий туристского путешествия, юридически ухудшаются потребительские свойства услуг, входящих в туристский продукт (комплекс туристических услуг).

2. Заслуживает внимания вопрос о том, какие можно выявить особенности и правовые последствия для сторон при реализации ими права на односторонний отказ от исполнения договора или изменение условий обязательства.

Право потребителя на односторонний отказ от исполнения условий договора может быть реализовано путем совершения любых конклюдентных действий, из которых явственно следует волеизъявление на пре-

кращение правоотношений, а это, по общему правилу, заявление требования (претензии) в устной, простой письменной, квалифицированной письменной или электронной формах. Здесь отметим, что досудебный (претензионный) порядок в сфере защиты прав потребителей как в России, так и в Беларуси не является по общему правилу обязательным (за некоторыми исключениями).

Односторонний отказ потребителя от исполнения условий договора может быть выражен не только в форме действия, но и в форме бездействия – воздержания от совершения действий, направленных на исполнение условий договора. Например, клиент забронировал номер в отеле, но отказался в одностороннем порядке от договора путем незаезда в средство размещения. В данном случае правовые последствия отказа потребителя от договора, выраженного в такой форме, определяются на основании п. 16 Правил предоставления гостиничных услуг [174], разграничивающего условия и последствия отказа от услуг при гарантированном и негарантированном бронировании.

Особого внимания заслуживает вопрос, связанный с обоснованностью удержания исполнителем фактически понесенных расходов, их определением и доказыванием размера в суде. Право исполнителя на удержание ФПР «запускается» только при одновременном наличии трех условий: а) заключение договора, содержащего условие о порядке и особенностях удержания ФПР; б) авансовый (предоплатный) способ оплаты услуг; в) подтверждение факта несения ФПР надлежащим образом (платежными и договорными документами конечных исполнителей).

Отсюда вывод о том, что в потребительские договоры нельзя включать условия о заранее оцененных убытках (например, в процентах от цены договора или в фиксированной денежной сумме) при заявлении одностороннего отказа от исполнения условий договора. Подобные убытки – не что иное, как штраф за односторонний отказ от договора, который не соответствует п. 1, 2 ст. 16, ст. 32 Закона РФ «О защите прав потребителей» и п. 1 ст. 38.1 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей» и образует состав административного правонарушения (п. 2 ст. 14.8 КоАП РФ и, хотя на это прямо и не указано, ст. 13.10 КоАП Республики Беларусь). Фиксированную процентную ставку ФПР следует относить к разновидностям договорной неустойки, но однако только потребитель наделяется правом притязания на неустойку, а сама такая процентная ставка противоречит правовой сущности неустойки, которая заложена в ст. 330 ГК РФ и ст. 311 ГК Республики Беларусь.

Фактический убыток в твердой сумме заранее тоже не может быть оценен, так как до оказания услуги заведомо невозможно определить и размер ФПР. На практике включение в договоры заранее оцененных убытков в фиксированных суммах, с одной стороны, свидетельствует о внесении в договор условия о штрафе за односторонний отказ потреби-

теля от исполнения договора, с другой стороны, приводит к возникновению у исполнителя услуг неосновательного обогащения, подлежащего взысканию в пользу потребителя на основании ст. 1102 ГК РФ и ст. 971 ГК Республики Беларусь.

Рекомендуем придерживаться следующих правил определения размера, порядка удержания и особенностей доказывания ФПР в судебном порядке:

1) ФПР могут быть удержаны независимо от включения условия о них в соответствующие договоры с потребителями, то есть на основании закона;

2) возникновение права на ФПР и их реальный размер могут определяться лишь постфактум – после оказания услуг, а внесение в договоры условий о заранее оцененных ФПР образует состав административного правонарушения;

3) компенсированию подлежат лишь ФПР, документально подтвержденные платежными и иными документами конечных исполнителей услуг;

4) к ФПР нельзя относить косвенные затраты исполнителя услуг, не связанные с исполнением заключенного между сторонами договора;

5) возмещению подлежат только те фактические затраты, которые возникли до заявления потребителем одностороннего отказа от договора;

6) авансовый платеж возвращается потребителю в полном объеме, а в случае наличия ФПР – за вычетом всех причитающихся исполнителю сумм.

Еще одна проблема связана с тем, что потребители в Республике Беларусь более защищены в сравнении с российскими, так как обязанность исполнителя услуг по возврату денежных средств при одностороннем отказе от договора законодательно не ограничена определенными сроками и не предполагает наступление неблагоприятных правовых последствий в виде установления и взыскания неустойки за нарушение таких сроков. Как следствие из вышесказанного – российские предприниматели в условиях отсутствия стимулов для возврата денежных средств не торопятся удовлетворять требования потребителей и даже советуют им обращаться в суд с подобными исками.

Институт одностороннего отказа от исполнения договора по инициативе потребителя известен законодательству многих стран, но далеко не во всех зарубежных правовых системах предусмотрены соответствующие санкции в отношении исполнителей услуг за неправомерное удержание денежных средств, уплаченных потребителями. Так, в Германии кредитор (потребитель) согласно § 280–283 ГГУ [48] может потребовать возмещения ущерба, причиненного нарушением обязанности должника (исполнителя) по возврату всего полученного по договору и передаче извлеченных из пользования им доходов (абз. 4 § 346). Законодательством скандинавских стран предусмотрен срок в 14 дней на возврат денежных средств потребителю, после истечения которого действия должника (исполнителя) квалифицируются как правонарушение.

Законодательство о защите прав потребителей в Республике Беларусь развивает скандинавскую модель правоотношений по одностороннему отказу потребителя от договора оказания услуг, так как предусматривает нормативно установленные сроки удовлетворения требований потребителя и санкции за их нарушение в виде неустойки. В данном аспекте результаты проведенного нами сравнительного анализа законодательства о защите прав потребителей России и Беларуси можно представить следующим образом (таблица 1).

Таблица 1 – Сравнительный анализ норм законодательства России и Беларуси об одностороннем отказе потребителя от исполнения договора оказания услуг

	Российская Федерация	Республика Беларусь
Правовое регулирование	Ст. 32 Закона РФ «О защите прав потребителей» и ст. 782 ГК РФ [54]	Ст. 38.1 Закона РБ «О защите прав потребителей» и ст. 736 ГК Республики Беларусь
Содержание	Право потребителя на возврат денежных средств, а исполнителя – на удержание фактически понесенных по договору расходов	
Особенности реализации	Не предусмотрены	Установлен 14-дневный срок на возврат потребителю уплаченных по договору денежных средств
Правовые последствия	Удержание исполнителем с денежных сумм, уплаченных потребителем, фактически понесенных расходов по договору	
	В отношении исполнителей – сроки возврата денежных средств и санкции за их нарушение законодательством не установлены	В отношении исполнителей неустойка в размере 1% от цены услуги или общей цены договора за нарушение 14-дневного срока

Сразу заметно, что обеспечение баланса интересов сторон потребительских правоотношений российским законодателем является весьма обманчивым, кажущимся, так как, во-первых, право исполнителей на удержание ФПР безусловно, и при несогласии потребителя с суммой таких расходов и вообще с самим фактом их удержания последнему придется потратить много времени и сил на восстановление нарушенных прав в судебном порядке, и во-вторых, корреспондирующая такому праву обязанность исполнителя по возврату денежных средств в разумные сроки российским законодательством, в отличие от белорусского, не предусмотрена, чем и злоупотребляют предприниматели.

Вышесказанное привело к тому, что в России нет единообразия в правоприменительной практике. Так, проведенный нами анализ

более 200 судебных решений по потребительским спорам позволил выделить четыре их группы:

1) многие суды, принимая односторонний отказ потребителя от исполнения договора оказания услуг, в то же время отказывают в удовлетворении их требований о взыскании неустойки, штрафа, компенсации морального вреда;

2) распространенной является позиция судов, согласно которой в пользу потребителя подлежат взысканию компенсация морального вреда и потребительский штраф на основании п. 6 ст. 13 Закона РФ «О защите прав потребителей», а в требовании о взыскании неустойки должно быть отказано;

3) некоторые суды по инерции, с учетом ретроспективного опыта, удовлетворяют требования потребителей в полном объеме, взыскивая с исполнителей неустойку, компенсацию морального вреда и потребительский штраф;

4) интерес вызывают решения судов, где указывается на законность и обоснованность взыскания с исполнителей процентов за пользование чужими денежными средствами на основании ст. 395 ГК РФ.

Точку в многолетних спорах поставил Верховный Суд РФ в своем последнем Обзоре судебной практики по делам о защите прав потребителей [147], сделав при этом три принципиальных вывода, которые не внесли ясность по многим поднятым и рассматриваемым нами вопросам.

Во-первых, российский высший суд отметил, что нормы п. 5 ст. 28 и ст. 31 Закона РФ «О защите прав потребителей» применяются в их совокупности при нарушении сроков удовлетворения требований потребителя об отказе от договора в случаях различных «дефектов» исполнителя (например, в части ненадлежащего обеспечения качества и безопасности услуг, непредоставления или предоставления недостоверной информации об услугах и т.д.).

Во-вторых, отмечено, что законодательством не предусматриваются взыскание неустойки и какие-либо иные санкции за несвоевременный возврат исполнителем денежных средств при одностороннем отказе потребителя от услуг ненадлежащего качества. При этом не совсем понятно, на каком основании Верховный Суд РФ сделал такой превентивный вывод о качестве оказываемых потребителю услуг по умолчанию и до их непосредственного оказания.

В-третьих, применительно к добровольному отказу потребителя от договора правосстановительный характер имеют штраф и компенсация морального вреда; по мнению российского законодателя и судейской коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ такое нормативное положение обеспечивает наиболее эффективный баланс интересов сторон потребительских правоотношений – то есть, с одной стороны, оно превентивует явление потребительского экстремизма, а с другой стороны, стимулирует исполнителей на добросовестные действия по возврату денежных средств потребителям в разумные сроки, не установленные, однако, потребительским законом.

Соглашаясь лишь с первым выводом Верховного Суда РФ, отметим, что нельзя принять позицию, в соответствии с которой потребительский штраф, компенсация морального вреда и даже проценты за пользование чужими денежными средствами имеют правосстановительный характер и в должной мере стимулируют предпринимателей на исполнение обязательств по возврату потребителям денежных средств. При этом многие российские цивилисты (В.А. Белов, Н.В. Бугаенко, В.Д. Кравец, С.А. Краснова, М.В. Кратенко, В.Л. Слесарев, Е.Ю. Усольцев и др.) не разделяют доктрину сверхкомпенсационной защиты потребителей.

В таблице 2 нами представлена авторская точка зрения относительно недопустимости восстановления нарушенных прав потребителей (достижения баланса интересов сторон потребительских правоотношений) только лишь путем взыскания в пользу последних потребительского штрафа, компенсации морального вреда и процентов по ст. 395 ГК РФ.

Таблица 2 – Обоснованность взыскания неустойки при нарушении права потребителя на односторонний отказ от исполнения договора оказания услуг

№ п/п	Потребительский штраф	Компенсация морального вреда	Проценты по ст. 395 ГК РФ	НЕУСТОЙКА
1.	Отчасти выполняет стимулирующую функцию, но снижается по усмотрению суда	Не выполняют стимулирующую функцию, так как взыскиваются судом в небольших суммах и снижаются по усмотрению суда даже без соответствующего заявления со стороны исполнителя услуг		Снижается судом в исключительных случаях и выполняет стимулирующую функцию
2.	Сохраняет публично-правовые признаки, не подменяя при этом неустойку (включая штрафную)	Не зависит от размера заявленных требований и определяется физическими и нравственными страданиями потребителя	Очень ограничен круг оснований применения в потребительских правоотношениях	Зависит от заявленных требований, широкий круг оснований применения, простота применения
3.	Не имеют длящийся характер и не учитывают длительность нарушения прав потребителей при отказе их от договора		Имеют длящийся характер и учитывают длительность нарушения прав потребителей при отказе их от договора	

Особый интерес представляет позиция о взыскании, наряду с потребительским штрафом и компенсацией морального вреда, процентов за пользование чужими денежными средствами по ст. 395 ГК РФ, которую можно признать наиболее обоснованной, и которая уже реализована в ряде подзаконных нормативно-правовых актов. Например, в постановлении Правительства РФ от 20.07.2020 г. № 1073, определяющем порядок расторжения договоров о реализации туристского продукта, заключенных до 31 марта 2020 года (до пандемии коронавируса), и устанавливающим обязанность туроператора уплатить туристу проценты за пользование чужими денежными средствами.

Даже если и закрыть глаза на все недостатки такого способа восстановления нарушенного права потребителя на односторонний отказ от исполнения договора, перечисленные в таблице 2, отметим, что имеется и еще одно очевидное ограничение применения норм ст. 395 ГК РФ к рассматриваемым ситуациям. Так, для «запуска» норм указанной статьи необходимо установить временной момент, при достижении которого мотив добровольности трансформируется в нарушение права потребителя на односторонний отказ от исполнения договора. Иными словами, необходимо законодательно установить срок добровольного возврата исполнителем услуг денежных средств.

С учетом вышеизложенного и учитывая опыт Республики Беларусь в регулировании таких вопросов, считаем обоснованным дополнить ст. 32 Закона РФ «О защите прав потребителей» двумя пунктами следующего содержания:

«2. Исполнитель обязан вернуть потребителю денежные средства в течение 10 (десяти) дней со дня предъявления соответствующего требования, указанного в п. 1 настоящей статьи.

3. За нарушение предусмотренного п. 2 настоящей статьи срока удовлетворения требования потребителя исполнитель уплачивает за каждый день просрочки неустойку (пеню) в размере 1% цены услуги или общей цены договора (за вычетом денежной суммы фактически понесенных расходов)».

Памятуя о высказываниях многих правоведов о недопустимости сверхкомпенсационной защиты прав потребителей, можно предложить сгладить остроту ведущихся сегодня дискуссий путем дополнения ст. 32 Закона РФ «О защите прав потребителей» четвертым пунктом следующего содержания: «при заявлении потребителем указанного в п. 3 настоящей статьи требования в судебном порядке нормы абз. 1 п. 6 ст. 13 настоящего закона не применяются». То есть, потребитель, обращаясь в суд, приобретает право выбора санкции, которая будет применена судом по его требованию при нарушении услугодателем его права на односторонний отказ от исполнения договора.

Итак, сделаем три принципиальных вывода. Механизм реализации права потребителя на односторонний отказ от исполнения договора четко

определен законодательством России и Беларуси. Но тем не менее гражданским и потребительским законодательством рассматриваемых стран не в полной мере урегулированы вопросы, связанные с возможностью реализации исполнителями своего права на односторонний отказ от исполнения условий договора или одностороннее изменение условий обязательства, особенно в тех случаях, когда такое право допускается договорами или дополнительными соглашениями, где потребитель выразил свою волю на согласие с их условиями.

Несмотря на то, что нормами отраслевого и специального законодательства правом на односторонний отказ от договора и одностороннее отступление от его условий наделены не только потребители, но и исполнители услуг (при наличии ряда ограничений), такое право последних, на наш взгляд, всегда ущемляет права потребителей. В связи с этим законодательно следует в п. 2 ст. 782 ГК РФ и п. 2 ст. 736 ГК Республики Беларусь закрепить развиваемую многими цивилистами (например, Л.В. Санниковой [195]) позицию о недопустимости одностороннего отказа от исполнения публичных договоров или изменения их условий услугодателем, к которым относятся и договоры в сфере туризма.

Предложенная нами редакция ст. 32 Закона РФ «О защите прав потребителей» имеет скорее превентивный и стимулирующий характер, нежели компенсационный (правовосстановительный). Отсюда три ключевые цели: а) стимулирование исполнителей услуг к надлежащему исполнению обязательства по возврату денежных средств при отказе потребителей от договора; б) снижение нагрузки на судебные органы путем досудебного урегулирования большинства споров; в) формирование цивилизованного договорного регулирования правоотношений с участием потребителей услуг.

3.3. Торговля людьми и суррогатное материнство по УК РФ и УК Республики Беларусь

Суррогатное материнство в России до сегодняшнего дня далеко не всегда представляет собой правомерно оказанную услугу по вынашиванию и рождению ребенка, оказываемую на основании договора суррогатной матери (женщины, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальных родителей (чьи половые клетки использовались для оплодотворения), либо одинокой женщины, для которых вынашивание и рождение ребенка оказалось невозможно по медицинским показаниям (ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»)[237]. За так называемой услугой, предоставляемой, как правило, иностранным гражданам, нередко скрывалась противоправная деятельность по торговле детьми. По словам спикера Государственной Думы РФ В. Володина, за последние несколько

лет за рубеж было вывезено 45 тыс. младенцев, оборот нелегального бизнеса составил более чем €2 млрд, такие малыши зачастую оказывались в тяжелейших ситуациях: становились жертвами преступлений, в том числе продажи на органы, попадали в однополые пары [50]. Заместитель председателя комитета Государственной Думы РФ по безопасности А. Выборный подчеркивал, случаи гибели и торговли детьми, рожденными суррогатными матерями для иностранцев, регулярно попадали в поле зрения правоохранителей, а ввиду отсутствия у таких детей российского гражданства, преступления с ними было легче скрыть [51]. Данные факты послужили причиной для пересмотра положений Семейного кодекса РФ и ряда законов, регулирующих отношения суррогатного материнства [197]. Федеральным законом от 19.12.2022 № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» был введен запрет на оказание подобных услуг иностранным гражданам.

В Беларуси и сегодня прибегнуть к помощи суррогатной матери могут иностранные граждане. Соответственно, существует потенциальная угроза возникновения аналогичной проблемы, но с тем отличием, что по УК Республики Беларусь в соответствии с изменениями, внесенными законом от 05.01.2016, произошла декриминализация преступного деяния, связанное с торговлей младенцами [186].

Российское семейное законодательство, несомненно, связано и с уголовно-правовой сферой, побуждая к разграничению суррогатного материнства и торговли людьми (преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 127.1 Уголовного кодекса РФ) [229]. Разрешив суррогатное материнство, законодатель тем самым допускает изъятие его из запрета торговли людьми. Следовательно, это положение должно быть максимально оправданным, мотивированным, общественно полезным и строго регламентированным. Основная цель данной работы заключается в решении вопроса о квалификации поведения суррогатной матери как преступления, предусмотренного ст. 127.1 Уголовного кодекса РФ «Торговля людьми». В ней предпринимается попытка выделить юридически значимые обстоятельства, бесспорно указывающие на наличие признаков состава преступления, предусмотренного ч. 2 указанной статьи. Кроме того, также обращается внимание на несовершенство отдельных положений ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и обосновывается необходимость изменения данной статьи.

Данное исследование основано на анализе авторами ряда нормативных правовых актов. Это, в частности, Уголовный кодекс РФ, а именно ст. 127.1, закрепляющая состав преступления «Торговля людьми»; ст. 181 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Торговля людьми»; Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ст. 55 которого посвящена

применению вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе суррогатному материнству; Семейный кодекс РФ и Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 19.12.2022) «Об актах гражданского состояния» (ст. 51 первого и ст. 6 второго из указанных законов затрагивают вопросы записи родителей ребенка в книге записей рождения при суррогатном материнстве) [235]; Гражданский кодекс РФ [54] в части правового регулирования недействительных сделок, а также злоупотребления правом.

Также авторы изучили существующие научные труды в данной сфере, основные (для нашего исследования) идеи которых учтены при определении проблем в правовом регулировании и разработке предложений по их решению. Это две группы публикаций: первая посвящена вопросам суррогатного материнства; вторая – составу преступления «Торговля людьми».

К первой группе, в частности, относятся работы Д.А. Беловой «Правовая природа договора о суррогатном материнстве» [15]; Я.Я. Кайля и В.А. Усанова «Острые вопросы суррогатного материнства, требующие правового регулирования» [87]; С.В. Корнаковой, Е.Л. Полетаевой и Е.В. Чигриной «Суррогатное материнство: проблемы правового регулирования» [105]; А.Н. Левушкина и А.В. Нечаевой «Правовая природа и содержание договора суррогатного материнства через призму поименованных договоров» [111]. Изучены публикации по проблемным вопросам торговли людьми в России и Республики Беларусь [18; 37; 44; 186; 260]. Проанализированы постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми [170], постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» [169] и отдельные судебные решения [11].

В соответствии с ч. 1 ст. 127.1 Уголовного кодекса РФ запрещены купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации (вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение). В санкции этой части статьи предусмотрено лишение свободы на срок до шести лет. В п. «б», «з» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ в качестве квалифицирующих обстоятельств предусмотрены те же действия, совершенные в отношении несовершеннолетнего и (или) в отношении лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии (лишение свободы от трех до десяти лет). Такие наказания в виде лишения свободы позволяют считать преступления, подпадающие под действия ч. 1 и ч. 2 ст. 127.1 УК РФ тяжкими преступлениями.

Согласно ч. 1 ст. 181 Уголовного кодекса Республики Беларусь запрещены вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека в целях эксплуатации, совершенные путем обмана, либо злоупотребе-

ния доверием, либо применения насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия (торговля людьми). Следует обратить внимание на то, эксплуатация и способ (альтернативный) являются конструктивными признаками данного состава преступления. Под эксплуатацией понимается незаконное принуждение человека к работе или оказанию услуг (в том числе к действиям сексуального характера, суррогатному материнству, забору у человека органов и (или) тканей) в случае, если он по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг), включая рабство или обычаи, сходные с рабством. Как отмечают Н.И. Ретнева и И.В. Козелецкий: «Исключение из диспозиции ст. 181 УК указания на куплю-продажу и совершение иных сделок в отношении человека привело к декриминализации преступных деяний, связанных с торговлей младенцами» [186]. В то же время появилась новая форма эксплуатации – принуждение к суррогатному материнству, которая не предусмотрена в качестве самостоятельной цели в УК РФ.

Из анализа законодательства Российской Федерации следует, что человек не может быть предметом сделок независимо от возраста и наличия цели эксплуатации и способа совершения преступления. В соответствии с п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми», со ст. 127.1 УК РФ под куплей-продажей человека понимается совершение действий, состоящих в передаче человека одним лицом другому лицу (лицам) за денежное вознаграждение, а под иными сделками в отношении человека – другие противоправные действия, приводящие к передаче потерпевшего от одного лица другому лицу (например, безвозмездная передача, обмен на какие-либо материальные ценности).

Нельзя не обратить внимание и на то, что в качестве одной из задач в достижении целей государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента РФ, в 2021 году названо повышение рождаемости, формирование мотивации к многодетности [231]. Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в качестве основных национальных интересов определены, в частности, охрана здоровья матери и ребенка; укрепление института семьи как социального института, наиболее благоприятного для реализации потребности в детях, их воспитания [103].

Представляется необходимым четко отделять суррогатное материнство, совершенное правомерно (когда суррогатная мать заключает договор и оказывает соответствующие услуги за вознаграждение), от торговли людьми, преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 127.1 Уголовного кодекса РФ. Действительное (или, напротив, совершенное для вида) намерение суррогатной

матери принять на себя права и обязанности матери в отношении рожденного ею ребенка становится очевидным из ее последующего поведения.

Целью суррогатного материнства является решение проблемы бесплодия, преодоления проблемы со здоровьем лиц, не обладающих репродуктивными функциями, но при этом желающих стать родителями, приобрести родительские права и обязанности. На эти обстоятельства особо указывается в п. 70 Приказа Минздрава России от 31.07.2020 № 803н [175], где предельно точно называются медицинские показания для проведения указанной процедуры. Расширительного толкования данных положений действующее законодательство не предусматривает. В приложении к Постановлению Минздрава Республики Беларусь от 14.09.2006 № 71 также указан исчерпывающий перечень случаев, когда допускается суррогатное материнство [168].

Д.А. Белова справедливо отмечает: суррогатная мать «...вынашивает и рождает ребенка не для себя, а в интересах иных лиц, которых законодатель именует потенциальными родителями, в целях приобретения ими родительских прав и обязанностей в отношении рожденного ею ребенка» [15]. Договор суррогатного материнства нацелен на создание родительской связи «заказчика», которым могут быть только потенциальные (а с 19.12.2022 – только генетические) родители (мужчина и женщина) или одинокая женщина (с 19.12.2022 – только генетическая мать), и ребенка.

Важно подчеркнуть, что в соответствии с новой редакцией Семейного кодекса РФ (ФЗ от 19.12.2022 №538-ФЗ) субъектами договора о суррогатном материнстве теперь могут быть не любые потенциальные родители (родитель), к числу которых ранее могли принадлежать лица, генетически с ребенком не связанные, а только генетические родители или генетическая мать. Внесение изменений в закон позволяет прийти к выводу: требование обязательной генетической связи ребенка и родителей (матери) направлено на определенную цель – содействие в возникновении и реализации родительских прав, наличие которых исключает уголовную ответственность за торговлю детьми. Однако указанные изменения действуют, не касаясь договоров, заключенных до 19.12.2022 (при условии, что суррогатная мать уже вынашивает ребенка), равно как и случаев рождения ребенка суррогатной матерью до вступления данных изменений в силу. В то же время сохраняет свою актуальность анализ действовавшего прежде семейного законодательства.

О наличии признаков состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 127.1 Уголовного кодекса РФ, по нашему мнению, могут свидетельствовать следующие обстоятельства.

Во-первых, заключение договора суррогатного материнства не до момента переноса донорского эмбриона, а после этого либо вообще после рождения женщиной ребенка. Такой договор может свидетельствовать о противоправном поведении сторон договора и его следует рассматривать

в качестве ничтожной сделки (ст. 169 Гражданского кодекса РФ, ст. 169 Гражданского кодекса Республики Беларусь [53]).

Следует отметить, что в прежней редакции п. 9 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан» (ред. от 26.03.2022) суррогатное материнство определялось как вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям. Такая неудачная формулировка данного пункта, сохранившаяся и сегодня (договор заключается с лицом, чьи половые клетки уже использовались для оплодотворения), может явиться основанием для иного толкования – договор может быть заключен уже после переноса донорского эмбриона. В связи с этим предлагается в указанной правовой норме слово «использовались» заменить «планируется использовать».

Во-вторых, нужно принимать во внимание факт передачи женщиной ребенка после родоразрешения другим лицам, в том числе прямо в роддоме, в нарушение порядка, предусмотренного ст. 51 Семейного кодекса РФ. В соответствии с которой лица, заключившие договор о суррогатном материнстве, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери). Наличие согласия суррогатной матери обязательно для последующей государственной регистрации рожденного ею ребенка (п. 5 ст. 16 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 19.12.2022) «Об актах гражданского состояния»). Таким образом, суррогатная мать должна юридически отказаться от намерения стать матерью ребенка по закону после передачи его законным родителям.

Обратим внимание: Семейный кодекс РФ и ранее не допускал, и не допускает сейчас иных моделей возникновения родительского отношения по отношению к ребенку, рожденному суррогатной матерью, так как это противоречило бы существованию семейных отношений. Следовательно, невозможно предварительное оформление родительских прав суррогатной матерью и приобретение ею статуса матери по закону с последующим добровольным оформлением отцовства в отношении этого же ребенка заказчиком по договору – потенциальным отцом (в том числе, если он был единственным лицом – стороной в момент его заключения). В отсутствие намерения создать семью, такие действия следует считать злоупотреблением правом.

В этой связи необходимо пояснить: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (как в редакции от 26.03.2022, так и от 19.12.2022) не разрешал и не разрешает одиноким мужчинам становиться заказчиками по договору суррогатного материнства. Однако существовавшая до сегодняшнего дня судебная практика свидетельствовала об обратном: медицинские организа-

ции не всегда придерживались буквального толкования положений закона и тогда вопрос об установлении отцовства одинокого мужчины-заказчика было принято решать в судебном порядке. Как правило, при отказе органов ЗАГСа зарегистрировать ребенка «за» одиноким мужчиной, но при согласии суррогатной матери, суд часто вставал на сторону генетического родителя, учитывая в том числе интересы самого ребенка и его право знать своих родителей и воспитываться ими, хотя единой практики все-таки не сложилось [87]. Новая редакция ст. 51 Семейного кодекса РФ исключает после 19.12.2022 возможность одинокого генетического родителя-отца (не состоявшего на момент заключения договора о суррогатном материнстве в зарегистрированном браке с генетической матерью), быть признанным родителем по закону и в силу судебного решения.

Следует отметить, что законодательство Республики Беларусь содержит отличное от российского законодательства правило. Согласно ст. 52 КоБС Республики Беларусь матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства. Т.е. согласия суррогатной матери на передачу ребенка не требуется [93].

В-третьих, по российскому законодательству важен и последующий фактический отказ от осуществления родительских прав и обязанностей, при условии, что суррогатная мать приняла на себя по закону права и обязанности матери. Такой отказ может выразиться, в частности, в заключении договора об оказании услуг по уходу за ребенком без участия суррогатной матери или в выдаче иным лицам доверенности на представление прав и интересов ребенка. Нет сомнений в том, что налицо уклонение матери от выполнения своих обязанностей. Напомним, данное действие (или бездействие) может выражаться в отсутствии заботы об их здоровье, о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии (п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав»). Поручая иному лицу уход за ребенком, родитель не вправе отстраняться от своей обязанности воспитывать и заботиться о нем. Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей (п. 1 ст. 65 Семейного кодекса РФ).

Уклонение от исполнения родительских обязанностей суррогатной матери, принявшей на себя права и обязанности матери по закону, ставит под сомнение правомерность цели, ради которой суррогатная мать в заявлении о рождении ребенка указала себя его матерью (ст. 51, 47 Семейного кодекса РФ). Действие суррогатной матери, выразившей волю приобрести статус матери по закону и не имевшей при этом намерения осуществлять родительские права и нести обязанности, противоправно в силу ст. 10 Граждан-

ского кодекса и ст. 4 Семейного кодекса РФ. В соответствии со ст. 10 ГК РФ не допускаются: осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Совершение таких действий влечет за собой отказ в защите права. На основании ст. 4 Семейного кодекса РФ гражданское законодательство применяется к отношениям между членами семьи, не урегулированным положениями указанного кодекса, если это не противоречит их существу. Такого противоречия в данном случае, на наш взгляд, не усматривается.

Поведение суррогатной матери, принявшей на себя права и обязанности матери по закону, по отношению к рожденному ею ребенку, может в некоторых случаях иметь противоправную цель – вынашивание и рождение ребенка с целью совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 127.1 Уголовного кодекса РФ. К числу юридически значимых обстоятельств, позволяющих усмотреть в поведении суррогатной матери признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 127.1 УК РФ стоит отнести: заключение договора суррогатного материнства после момента переноса донорского эмбриона или после рождения женщиной ребенка; факт передачи женщиной ребенка после родоразрешения другим лицам (в том числе в роддоме), в нарушение порядка, предусмотренного ст. 51 Семейного кодекса РФ, а также последующий фактический отказ от осуществления родительских прав и обязанностей при условии, что суррогатная мать приняла на себя по закону права и обязанности матери. Анализ состава преступления торговли людьми по УК Республики Беларусь позволяет сделать вывод о том, что суррогатная мать не может быть привлечена за торговлю людьми в соответствии с действующим законодательством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глобальные тектонические изменения в мире, напряженная внешнеполитическая обстановка, необходимость решения внутринациональных проблем требуют совершенствования содержания, реформирования права на доктринальном, законодательном и правоприменительном уровнях, совершенствования государственного механизма в условиях новой цифровой реальности. Есть потребность в плюралистической методологии, объединяющей традиционные и цифровые методы единого естественно-научного и технического знания. Для обеспечения стратегического вектора правового развития XXI века существует потребность создания метатеории права и государства, включающей юридические доктрины через призму ИКТ, материалы сравнительного правоведения, данные юридической психологии, юридической герменевтики, аксиологии, социологии, конфликтологии, теории правотворчества и правоприменения в электронной модификации, что позволит своевременно выявлять сбои и неполадки правового механизма и включать систему самонастройки и саморегулирования.

Повышение эффективности механизма правового регулирования ставит вопрос концептуальной разработки и законодательного закрепления условий применения цифровых технологий при нормативной, правореализующей деятельности, отправлении правосудия.

С точки зрения предъявляемых требований к содержанию, легальности и легитимности, понятия государства и права совпадают. Их главная цель – служение народу, его охрана и регулирование. Государство должно быть демократичным, социальным, правовым, нравственным. Право – воплощением нормативности, воли, разума, добра, интересов, свободы, равенства, публичности и результативности. Применяемая модель должна учитывать потребности теории и практики, синтезировать позитивные моменты и быть направленной на формирование единства общества, обеспечения безопасности, мира, осуществления на практике естественных прав и свобод человека, взаимной ответственности государства и личности. Определение права – это сжатая юриспруденция, а вся юриспруденция – развернутое определение права, подчеркивал академик В.С. Нерсисянц.

Культурологический подход к политико-правовым явлениям исходит из сочетания результатов юридического научного анализа с выводами всего гуманитарного знания о человеке.

Дух, «эйдос» права выступают движущей силой правовой системы, обладающей целостностью, единством, организованностью. Внутренние связи, сплоченность усиливают ее активность, потенциал, включающий адаптацию к окружающей среде, самодостаточность и самовосстановление. Нельзя абсолютизировать деление права на публичное и частное, они диалектически взаимосвязаны, детерминированы друг другом. Это же характерно для предмета и метода правового регулирования, которые сопря-

жены и дополняют друг друга. Предлагаемые новые критерии деления права на отрасли увеличивают их количество не только в арифметической, но уже и геометрической прогрессии без достаточных на то оснований. Структура системы права, кроме традиционного деления на отрасли, подотрасли, институты, также включает правовые комплексы и циклические правовые массивы, а также отрасли применения аддитивных технологий. Требуется «цифровая прививка» гражданского, трудового, административного и других отраслей права (Т.Я. Хабриева).

Девальвация права, юридизация, атомизация, коммерциализация, дегуманизация общества, его нестабильность деформируют, истощают нервную конституцию человека, повышают тревожность и агрессию. Социальные психологи в качестве одной из главных причин называют эмоциональное неблагополучие в семье, депривацию, подавление и вытеснение позитивных потребностей и эмоций в детском возрасте, регламентацию и излишнюю детализацию учебной и трудовой деятельности, интернетизацию подрастающего поколения.

На уровень сплоченности общества влияет осуществление принципа политического плюрализма избирательного процесса. Основными тенденциями совершенствования являются: демократизация в плане ограничения избирательных цензов, расширение электората, введение дистанционной формы голосования, ее цифровизация, гуманизация избирательного законодательства путем расширения применения технических средств для участия в голосовании лиц с ограниченными возможностями и др.

Индикатором зрелости общественных отношений, уровня легитимности, оздоровления выступает антикриминальная уголовная политика, направленная на защиту целого и его частей, охрану государственного суверенитета, прав и свобод граждан. Она опирается на правомерное, социально активное поведение, участие населения в охране общественного порядка и борьбе с преступностью, совершенствование антиэкстремистского, антикоррупционного законодательства, усиление борьбы с терроризмом, национализмом, неонацизмом.

Государство и право, будучи естественной средой обитания и «органическим телом» человека, рассматриваются либо в нерасторжимом единстве как жизненно-важные ценности, либо как враждебные, отчужденные механизмы. Условия существования первого обеспечивает государственно идентифицированная личность, второго – ее националистически-этнически самоидентифицированное гипертрофированное состояние превосходства и ненависти к другим. Первое связано с единством, второе – с разрушением целостности.

Социализация, гуманизация и демократизация права требуют законодательного закрепления роли гражданского общества и его институтов, создания правоприменительного механизма их использования в рамках государственно-гражданского общества. Этому способствует законодательное обеспечение защиты прав потребителя, прозрачное проведение системы государ-

ственных закупок, более активное интегрирование частного права в странах ЕАЭС с использованием положительного опыта ЕС в данном вопросе, совершенствование законодательства в области суррогатного материнства и борьбы с торговлей людьми, усиления надзора правоохранительных органов.

В условиях глобализации транснациональные корпорации по своим возможностям превосходят различные нации и государства и фактически стоят над ними. Превращение государства и права во властно-финансовую олигархическую корпорацию, сосредоточенную на своих собственных материально-властных амбициях, потребительском отношении к народу, неизбежно ведет к массовому кризису, разобщению общества, подрыву национальной безопасности и даже гибели государственно-правовой системы.

Духовная культура и мораль являются фундаментом права и основой его легитимации. «Веселая мораль» (Э. Дюркгейм) как мораль разложения, порождает безнравственность, беззаконие, произвол, суицид у народов, вступивших на путь упадка. Общество массового потребления формирует в массовом сознании систему ложных ценностей и «симулякров», насаждая и закрепляя их с помощью информационных технологий. «А нынче все умы в тумане, мораль на нас наводит сон, порок любезен – и в романе, и там уж торжествует он», – писал А.С. Пушкин в «Евгении Онегине».

Только социализация существующего способа производства, развитие культуры, образования, формирование социально активной пассионарной личности способны привести к росту материального благосостояния и торжеству духовно-нравственных ценностей. Это доказывает высокоэффективный государственный сектор экономики КНР, создающий материальный базис для сплоченного высокоразвитого социально-духовного общества. Экономический анализ права должен предшествовать его разработке и внедрению, а рыночной экономике в свою очередь необходимо учитывать влияние внеэкономических факторов: социальных, психологических, национальных, культурных, правовых.

Электронное, «умное право» через технизацию, алгоритмизацию юридических действий, осуществление юридических услуг цифровыми платформами повышает качество и востребованность юридической деятельности.

Совершенствование юридического образования требует объединения практико-направленного обучения и гражданско-патриотического воспитания, активного включения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), формирование компетенций, профессиональных умений и навыков, овладение иностранными и искусственными языками, улучшения мировоззренческой подготовки.

В условиях цифровой трансформации общества только инновационные прорывные технологии в экономике, управлении, социальной и правовой сферах – основа обеспечения национального суверенитета, конкурентоспособности и процветания государства, соблюдения и реализации прав и свобод граждан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Canes-Wrone, B. Measuring the Chilling Effect / B. Canes-Wrone, M.C. Dorf // *New York University Law Review*. – 2015. – Vol. 90, № 4. – P. 1095–1114.
2. Dindo, S. En prison, rassembler les extrémistes aggrave le problème [Electronic resource] / S. Dindo. – Mode of access: <https://www.telerama.fr/idees/la-prison-renforce-les-comportements-radicaux-sarah-dindo-de-l-oip,121665.php>. – Date of access: 21.03.2023.
3. To Hong, D. Policies of developing university spin-off: experiences of some Asian countries and implication for Vietnam / D. To Hong // *Science and World*. – 2021. – Vol. 1, № 1. – P. 57–60.
4. Агамиров, К.В. Общетеоретические основы юридического прогнозирования / К.В. Агамиров // *Государство и право*. – 2022. – № 6. – С. 23–31.
5. Административные органы в новых условиях / под ред. Е.Г. Ширвиндта. – М.: Изд-во Нар. ком. внутр. дел РСФСР, тип. изд-ва НКВД, 1930. – 120 с.
6. Азми, Д.М. Структурное строение системы права: теорет.-методол. анализ / Д.М. Азми // *Государство и право*. – 2010. – № 6. – С. 5–13.
7. Гишинский, Я.И. Актуальные проблемы криминологии: учеб. пособие для магистратуры / Я.И. Гишинский, Ю.В. Морозова, П.В. Федышина; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, С.-Петерб. юрид. ин-т. – СПб.: С.-Петерб. юрид. ин-т Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2016. – 191 с.
8. Актуальные проблемы прокурорской деятельности: курс лекций / [В.Г. Бессарабов и др.]; под ред. О.С. Капинус. – М.: Проспект, 2016. – Вып. 2 / [К.И. Амирбеков и др.]. – 259 с.
9. Алексеев, С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1966. – 487 с.
10. Алексеев, С.С. Тайна права. Его понимание, назначение, социальная ценность: резюме с претензией / С.С. Алексеев. – М.: Норма, 2001. – 161 с.
11. Апелляционное определение Астраханского областного суда Астраханской области от 25.06.2015 по делу № 22-1127/2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/SkERAKnOcOdV/>. – Дата доступа: 05.02.2023.
12. Ахметова, А.Б. Конституционно-правовые основы организации и деятельности прокуратуры в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравн.-прав. анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / А.Б. Ахметова; [Пензен. гос. ун-т]. – М., 2015. – 26 с.
13. Бабаев, М. «Мертвые» нормы в Уголовном кодексе: проблемы и решения / М. Бабаев, Ю. Пудовочкин // *Уголовное право*. – 2010. – № 6. – С. 4–10.

14. Баранов, А.В. Реформы избирательной системы России: полит. эффекты / А.В. Баранов, Н.В. Гришин // Теория и практика обществ. развития. – 2013. – № 11. – С. 433–437.

15. Белова, Д.А. Правовая природа договора о суррогатном материнстве / Д.А. Белова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 11. – С. 88–94.

16. Березина, Е.А. Пределы правового регулирования общественных отношений: проблемы понимания, классификация и значение в механизме правового регулирования / Е.А. Березина // Актуал. пробл. рос. права. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 42–55.

17. Бессарабов, В.Г. Участие прокуратуры в законотворческой деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации / В.Г. Бессарабов, Д.Р. Паштов. – М.: Юрлитинформ, 2016. – (Теория и история государства и права).

18. Бисярина, А.Н. Проблемы борьбы с торговлей несовершеннолетними в современной российской уголовно-правовой науке / А.Н. Бисярина // Междунар. уголов. право и междунар. юстиция. – 2016. – № 4. – С. 9–11.

19. Богатырева, В.В. Роль социального и человеческого капиталов в формировании и функционировании социально-экономической системы государства / В.В. Богатырева // Экон. наука сегодня. – 2020. – № 11. – С. 5–11.

20. Богатырева, В.В. Человеческий социальный капитал как фактор экономического роста / В.В. Богатырева // Пробл. соврем. экономики. – 2020. – № 2 (74). – С. 53–56.

21. Богданов, А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука / А.А. Богданов. – М.: Экономика, 1989. – Кн. 1. – 304 с. – (Экономическое наследие: ЭН).

22. Богданов, А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука / А.А. Богданов. – М.: Экономика, 1989. – Кн. 2. – 351 с. – (Экономическое наследие: ЭН).

23. Бондаренко, Н.Л. Юридическая квалиметрия как новая отрасль правового научного знания / Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич // Право.by. – 2022. – № 5 (79). – С. 117–124.

24. Борботько, П.В. Визуальная новелла как элемент образовательных услуг, поставляемых на внешние рынки / П.В. Борботько // Научные достижения и открытия 2021: сб. ст. XX Междунар. науч.-исслед. конкурса, Пенза, 15 июня 2021 г. / под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. – Пенза, 2021. – С. 135–137.

25. Борботько, П.В. Цифровая площадка кафедры для реализации электронных образовательных услуг / П.В. Борботько, И.И. Шматков // Достижения вузовской науки 2022: сб. ст. XXI Междунар. науч.-исслед. конкурса, Пенза, 5 июня 2022 г. / под общ. ред. Г.Ю. Гуляева – Пенза, 2022. – С. 132–135.

26. Борев, Ю.Б. Виды искусства / Ю.Б. Борев // Эстетика / Ю.Б. Борев. – 3-е изд. – М., 1981. – С. 268–301.
27. Борисова, Т.С. Агрессивность детей и подростков как социальное явление и следствие семейных отношений в современной России / Т.С. Борисова, М.М. Плоткин // Педагогика. – 2020. – № 7. – С. 67–73.
28. Бочков, А.А. Интеллектуальная природа права в условиях цифровой трансформации общества / А.А. Бочков // Legal concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 134–142.
29. Бочков, А.А. Правотворчество как высший этап правообразования / А.А. Бочков // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 4 (196). – С. 114–117.
30. Букалерева, Л.А. О необходимости введения уголовной ответственности за получение незаконного вознаграждения работником, не являющимся должностным лицом [Электронный ресурс] / Л.А. Букалерева // Проблемы экономики и юрид. практики. – 2013. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>. – Дата доступа: 03.04.2023.
31. Бывальцева, С.Г. Современная концепция развития российской прокуратуры / С.Г. Бывальцева // Бизнес, менеджмент и право. – 2013. – № 2. – С. 84–86.
32. Бэрн, Р. Агрессия: учеб. пособие для студентов и аспирантов психол. фак., а также слушателей курсов психол. дисциплин на гуманитар. фак. вузов РФ / Р. Бэрн, Д. Ричардсон; [пер. с англ. С. Меленевская, Д. Викторова, С. Шпак; предисл. А.А. Реана]. – СПб. [и др.]: ПИТЕР, 1997. – 330 с. – (Мастера психологии).
33. Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2020. – № 1.
34. В Минздраве планируют «выжечь» частную медицину [Электронный ресурс] // MedRussia. – Режим доступа: <https://medrussia.org/32063>. – Дата доступа: 03.04.2023.
35. Ведяшкин, Е.П. Принципы современного социального государства и их обеспечение [Электронный ресурс] / Е.П. Ведяшкин // Контентус. – 2018. – № 5 (70). – Режим доступа: <https://Kontentus.ru/wp-content/uploads/2018/05>. – Дата доступа: 06.09.2023.
36. Викторский, С.И. Русский уголовный процесс / С.И. Викторский. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: А.А. Карцев, 1912. – Разд. паг. – С. 230.
37. Волков, К.А. Торговля людьми и новое разъяснение Пленума Верховного Суда РФ / К.А. Волков // Рос. судья. – 2020. – № 6. – С. 36–40.
38. Восстановительная ювенальная юстиция в России: модели работы в регионах / сост. Р.Р. Максудов. – М.: Судебно-правовая реформа, 2008. – 244 с.
39. Вышеславцев, Б.П. Этика преображенного Эроса / Б.П. Вышеславцев; вступ. ст., сост. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Республика, 1994. – 368 с. – (Б-ка этической мысли).

40. Гаврилов, С.Н. Методология машинного восприятия права на основе синектического подхода / С.Н. Гаврилов // Журн. рос. права. – 2022. – Т. 26, № 12. – С. 30–44.
41. Известия. – 1962. – 10 нояб.
42. Новгородский университет. – 2022. – 31 янв. (№ 1).
43. Галимова, М.А. Правовое регулирование примирительных процедур в уголовном судопроизводстве / М.А. Галимова // Вестн. Сиб. юрид. ин-та МВД России. – 2020. – № 1 (38). – С. 7–14.
44. Гаммаев, В.М. Особенности признаков субъективной стороны торговли людьми / В.М. Гаммаев // Современ. право. – 2011. – № 7. – С. 132–135.
45. Гишинский, Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я.И. Гишинский. – СПб.: Питер, 2002. – 377 с.
46. Гиммер, Д.Д. Декабрьское вооруженное восстание: материалы для истории / Д.Д. Гиммер // Пятый год. – М., 1925. – Сб. 1. – С. 119–146.
47. Го Линь. Этапы эволюции государственного сектора экономики Китая [Электронный ресурс] / Го Линь // Инфраструктурные отрасли экономики : пробл. и перспективы развития. – 2015. – № 11. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-evolyutsii-gosudarstvennogo-sektora-ekonomiki-kitaya>. – Дата доступа: 24.04.2023.
48. Головненков, П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB): науч.-практ. коммент. и перевод текста закона [Электронный ресурс] / П.В. Головненков. – Potsdam: Universitätsverlag, 2021. – Режим доступа: <https://publishup.unipotsdam.de/opus4ubp/frontdoor/deliver/index/docId/47371/file/sdrs04.pdf>. – Дата доступа: 21.03.2023.
49. Государственный архив Новгородской области (ГАО). – Ф. р-8/9. Оп 1, Д. 44, Л. 3.
50. Госдума в декабре запретит суррогатное материнство для иностранцев [Электронный ресурс] // Известия. – 2022. – 27 нояб. – Режим доступа: <https://iz.ru/1431987/2022-11-27/gosduma-v-dekabre-zapretit-surrogatnoe-materinstvo-dlia-inostrantcev>. – Дата доступа: 28.03.2023.
51. Госдума планирует запретить иностранцам доступ к услугам суррогатных матерей [Электронный ресурс] // Известия. – 2022. – 18 мая. – Режим доступа: <https://iz.ru/1336061/2022-05-18/gosduma-planiruet-zapretit-inostrantcam-dostup-k-uslugam-surrogatnykh-materei>. – Дата доступа: 28.03.2023.
52. 民法典 第一编 总则; 民法典 第二编 物权; 民法典 第三编 合同; 民法典 第七编 侵权责任 / Гражданский кодекс Китая [Электронный ресурс]. – Китай, 2020. – Ч. 1: Общие принципы; Ч. 2: Вещные права; Ч. 3: Контракт; Ч. 7: Ответственность за правонарушение // China Laws Portal. – Режим доступа: <https://ru.chinajusticeobserver.com/t/china-civil-code>. – Дата доступа: 15.10.2023.

53. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 дек. 1998 г., № 218-З: принят Палатой Представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
54. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1 [Электронный ресурс]: 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.
55. Гурценков, П.В. Основы правового регулирования субъектов поддержки малого предпринимательства: учеб.-метод. пособие по курсу «Правовое обеспечение бизнеса» для преподавателей и студентов юрид. фак., предпринимателей / П.В. Гурценков; М-во образования Респ. Беларусь, Витеб. гос. ун-т, Каф. гражд. права и гражд. процесса. – Витебск: ВГУ, 2010. – 111 с.
56. Гурценков, П.В. Хозяйственное право и хозяйственное законодательство / П.В. Гурценков // Хозяйственное право: курс лекций / П.В. Гурценков, В.К. Сидорчук, С.Р. Турковский; М-во образования Респ. Беларусь, Витеб. гос. ун-т. – Витебск, 2022. – С. 11–46.
57. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский; [сост. Н. Саркитова]. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. – 704 с. – (Социологос / Гос. ун-т. – Высш. шк. экономики, Центр фундам. социологии).
58. Дворкин, Р. Право вне права / Р. Дворкин // Империя права / Р. Дворкин; пер. с англ. С. Моисеева под науч. ред. С. Коваль, А. Павлова. – М., 2020. – С. 533–550. – (Философия права).
59. Декабрьское восстание в Москве 1905 г.: ил. сб. ст., заметок и воспоминаний / под ред. Н. Овсянникова. – М.: Отд. печати Моск. Совета РКД, 10-я Гос. тип., 1919. – 277 с.
60. Демичев, Д.М. Предмет и метод правового регулирования / Д.М. Демичев // Общая теория права: учеб. пособие / Д.М. Демичев, А.А. Бочков. – 2-е изд., испр. – Минск, 2022. – С. 306–308.
61. Демичев, Д.М. Этимология понятия «право» / Д.М. Демичев, А.А. Бочков // Общая теория права: учеб. пособие / Д.М. Демичев, А.А. Бочков. – 2-е изд. испр. – Минск, 2022. – С. 40–43.
62. Диваев, А.Б. Уголовно-процессуальное право – средство воздействия на социальный конфликт / А.Б. Диваев // Философия права. – 2020. – № 1 (92). – С. 105–111.
63. Дробязко, С.Г. Право как система и его закономерности / С.Г. Дробязко // Право и демократия: сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 1999. – Вып. 10. – С. 3–16.
64. Дюркгейм, Э. Норма и патология / Э. Дюркгейм // Социология преступности. Современные буржуазные теории: сб. ст.: пер. с англ. А.С. Никифорова, А.М. Яковлева; под. ред. Б.С. Никифорова; вступ. ст. В.Н. Кудрявцева, Б.С. Никифорова. – М., 1966. – С. 39–44.

65. Егоров, А.В. Интеграционная сущность современного права и его компаративный потенциал / А.В. Егоров // Государство и право. – 2022. – № 10. – С. 31–41.

66. Елисеев, В.С. Место теории экономического права в системе правового регулирования экономики / В.С. Елисеев // Вестн. ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 7 (71). – С. 175–184.

67. Елисеев, В.С. Теория экономического права: теория отраслей права, обеспечивающих экономические отношения: учеб. пособие / В.С. Елисеев, И.И. Веленто. – М.: Проспект, 2019. – 416 с.

68. Жевняк, В.Г Развитие законодательства об уголовной и административной ответственности, правоохранительной деятельности в суверенной Беларуси [Электронный ресурс] / В.Г. Жевняк // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/razvitie-zakonodatelstva-ob-ugolovnoy-i-administrativnoy-otvetstvennosti>. – Дата доступа: 09.12.2023.

69. Жуков, В.Н. Юридическая наука и ценности / В.Н. Жуков // Государство и право. – 2018. – № 1. – С. 5–16.

70. Журналы Московской городской думы за 1905 год. – М., 1906. – [2], 255 с.

71. О государственных активах на предприятиях [Электронный ресурс]: Закон Китайской Народной Республики: принят на 5-м заседании Постоянного комитета 11-го Всекитайского собрания народных представителей 28 окт. 2008 г.: вступ. в силу 1 мая 2009 г. // Портал законов Китая (CSO). – Режим доступа: <https://ru.chinajusticeobserver.com>. – Дата доступа: 15.12.2023.

72. О государственных закупках Китая [Электронный ресурс]: Закон Китайской Народной Республики: принят Постоянной комиссией Национального народного конгресса: обнародован 31 авг. 2014 г. // Портал законов Китая (CSO). – Режим доступа: <https://ru.chinajusticeobserver.com>. – Дата доступа: 15.12.2023.

73. О компаниях Китая [Электронный ресурс]: Закон Китайской Народной Республики: принят на 5-м заседании Постоянного комитета 8-го Всекитайского собрания народных представителей 29 дек. 1993 г.: обнародован 26 окт. 2018 г. // Портал законов Китая (CSO). – Режим доступа: <https://ru.chinajusticeobserver.com>. – Дата доступа: 15.12.2023.

74. О партнерских предприятиях [Электронный ресурс]: Закон Китайской Народной Республики: принят на 24-й сессии Постоянного комитета 8-го Всекитайского собрания народных представителей 23 февр. 1997 г.: с изм., внесенными на 23-й сессии Постоянного комитета 10-го Всекитайского собрания народных представителей 27 авг. 2006 г.: вступ.

в силу 1 июня 2007 г. // Портал законов Китая (CSO). – Режим доступа: <https://ru.chinajusticeobserver.com>. – Дата доступа: 15.10.2023.

75. О частных предприятиях [Электронный ресурс]: Закон Китайской Народной Республики: принят на 11-м заседании Постоянного комитета 9-го Всекитайского собрания народных представителей 30 авг. 1999 г.: вступ. в силу 1 янв. 2000 г. // Портал законов Китая (CSO). – Режим доступа: <https://ru.chinajusticeobserver.com>. – Дата доступа: 15.12.2023.

76. О защите прав потребителей [Электронный ресурс]: Закон Рос. Федерации, 7 февр. 1992 г., № 2300-1: в ред. Закона Рос. Федерации от 4 авг. 2023 г. // Консультант Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

77. Захарцев, С.И. Компрехендная теория познания права / С.И. Захарцев, В.В. Сальников // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 4 (33). – С. 4–13.

78. Зорькин, В.Д. Цивилизация права и развитие России: монография / В.Д. Зорькин. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 319 с.

79. Иванова, С.А. Об идее аддитивных технологий в построении системы права / С.А. Иванова, Л.Ю. Грудцына, М.Н. Пьянков // Государство и право. – 2021. – № 2. – С. 40–48.

80. Избирательный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс]: Конституционный Закон Республики Армения, 28 мая 2016 г., № ЗР-54. – Режим доступа: <http://www.parliament.am>. – Дата доступа: 30.03.2023.

81. Избирательный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 11 февр. 2000 г., № 370-З: принят Палатой Представителей 24 янв. 2000 г.: одобр. Советом Респ. 31 янв. 2000 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

82. Ильин, И.А. О монархии и республике: о монархии исследование / И.А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – Т. 4. – М., 1994. – С. 417–576.

83. Ильин, И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – Т. 4. – М., 1994. – С. 147–414.

84. Ильяшенко, А.Н. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности по УК РФ и УК ФРГ: сравн.-прав. анализ / А.Н. Ильяшенко // Общество и право. – 2013. – № 3. – С. 108–110.

85. Портал правовой статистики [Электронный ресурс] / Ген. прокуратура Рос. Федерации. – Режим доступа: https://crimestat.ru/offenses_map. – Дата доступа: 21.12.2023.

86. Иншаков, С.М. Зарубежная криминология: учеб. пособие для юрид. вузов / С.М. Иншаков; Фонд содействия правоохран. органам «Закон и право». – 2-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2003. – 374 с.

87. Кайль, Я.Я. Острые вопросы суррогатного материнства, требующие правового регулирования / Я.Я. Кайль, В.А. Усанова // Семейное и жилищное право. – 2022. – № 5. – С. 17–20.

88. Кант, И. Основы метафизики нравственности; Критика практического разума; Метафизика нравов / И. Кант. – СПб.: Наука, 1995. – 528 с. – (Слово о сущем).

89. Кахриманов, Т.А. Современная Россия как правовое государство: анализ и тенденции развития / Т.А. Кахриманов // Евраз. юрид. журн. – 2018. – № 7 (122). – С. 376–378.

90. Кистяковский, Б.А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б.А. Кистяковский. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1916. – IV, 704 с.

91. Клейменов, И.М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / И.М. Клейменов. – Омск, 2015. – 486 л.

92. Клишас, А.А. Современная избирательная система как основа устойчивого доверия общества к государству [Электронный ресурс] / А.А. Клишас; Совет Федерации Фед. собрания Рос. Федерации. – Режим доступа: <https://council.gov.ru/services/discussion>. – Дата доступа: 14.12.2023.

93. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 278-З: принят Палатой Представителей 3 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

94. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: 6 янв. 2021 г., № 91-З: принят Палатой Представителей 18 дек. 2020 г.: одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

95. Козлихин, И.Ю. Современная политическая наука: учеб. пособие / И.Ю. Козлихин; С.-Петербург. гос. ун-т. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – 98 с.

96. Козлова, Е.И. Конституционное право России: учебник для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по спец. «Юриспруденция» / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин; М-во образования и науки Рос. Федерации, Моск. гос. юрид. ун-т. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2018. – 578 с.

97. Конституция Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]: принята на 5-й сессии 5-го Всекитайского собрания народных представителей: обнародована 4 дек. 1982 г.: с изм. по сост. на 11 марта 2018 г. // Портал законов Китая (CSO). – Режим доступа: <https://ru.chinajusticeobserver.com>. – Дата доступа: 15.12.2023.

98. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс]: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

99. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс]: принята на референдуме 30 авг. 1995 г.: с изм. от 17 сент. 2022 г. – Режим доступа: <https://constitution.kz>. – Дата доступа: 30.12.2023.

100. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.: с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

101. Конституция Соединенных Штатов Америки [Электронный ресурс]: принята 17 сент. 1787 г.: полный текст с 26 поправками. – Режим доступа: https://yurist-online.org/laws/foreign/const_of_USA/ru/konstitucija_ssha.pdf. – Дата доступа: 21.12.2023.

102. О Концепции информационной безопасности [Электронный ресурс]: постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

103. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24 янв. 2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

104. Копии с указов блаженные и вечно достойныя памяти его императорского величества Петра Первого ... в 1722 году состоявшихся: а ныне по указу ея императорского величества императрицы Анны Иоанновны... напечатаны. – СПб.: При императорской Академии наук, 1737. – 213 с.

105. Корнакова, С.В. Суррогатное материнство: проблемы правового регулирования / С.В. Корнакова, Е.Л. Полетаева, Е.В. Чигрина // Семейное и жилищное право. – 2021. – № 3. – С. 10–13.

106. Королев, Г.Н. Сохранится ли прокуратура России как единая система? / Г.Н. Королев // Законность. – 2014. – № 10. – С. 16–19.

107. Крылова, Е.С. Актуальные вопросы уголовной ответственности медицинских работников за получение взятки и незаконного вознаграждения [Электронный ресурс] / Е.С. Крылова, Л.И. Бильданова // Учен. зап. Казан. юрид. ин-та МВД России. – 2019. – Т. 4, № 7. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-ugolovnoy-otvetstvennosti-meditsinskih-rabotnikov-za-poluchenie-vzyatki-i-nezakonnogo-voznagrazhdeniya/viewer>. – Дата доступа: 29.12.2023.

108. Кудрявцев, В.Н. Криминология и проблемы декриминализации / В.Н. Кудрявцев, В.Е. Эминов // Журн. рос. права. – 2004. – № 12. – С. 49.

109. Кусков, А.С. Право на односторонний отказ от исполнения договора и изменение в одностороннем порядке условий обязательства по предоставлению гостиничных услуг [Электронный ресурс] / А.С. Кусков, Н.В. Сирик // Гостиничное дело. – 2023. – № 4. – Режим доступа: <https://panor.ru/articles>. – Дата доступа: 28.12.2023.

110. Кутафин, О.Е. Избранные труды / О.Е. Кутафин; сост. В.В. Комарова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Моск. гос. юрид. ун-т. – М.: Проспект, 2016. – 367 с.

111. Левушкин, А.Н. Правовая природа и содержание договора суррогатного материнства через призму поименованных договоров / А.Н. Левушкин, А.В. Нечаева // Семейное и жилищное право. – 2020. – № 5. – С. 7–11.

112. Лившиц, Р.З. Законодательство / Л.З. Лившиц // Теория права: учебник для юрид. вузов / Р.З. Лившиц. – М., 1994. – Гл. 7. – С. 111–128.

113. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев // Из ранних произведений / А.Ф. Лосев; [сост. и подгот. текста И.И. Маханькова; вступ. ст. А.А. Тахо-Годи, Л.А. Гоготишвили; примеч. Л.А. Гоготишвили, М.М. Гамаюнова, И.И. Маханькова; Журн. «Вопросы философии», Ин-т философии АН СССР, Филос. о-во СССР. – М., 1990. – С. 391–599. – (Из истории отеч. филос. мысли).

114. Лосев, А.Ф. Музыка как предмет логики / А.Ф. Лосев // Из ранних произведений / А.Ф. Лосев; [сост. и подгот. текста И.И. Маханькова; вступ. ст. А.А. Тахо-Годи, Л.А. Гоготишвили; примеч. Л.А. Гоготишвили, М.М. Гамаюнова, И.И. Маханькова; Журн. «Вопросы философии», Ин-т философии АН СССР, Филос. о-во СССР. – М., 1990. – С. 193–368. – (Из истории отеч. филос. мысли).

115. Лунеев, В.В. Курс мировой и российской криминологии: [в 2 т.] / В.В. Лунеев; РАН, Ин-т гос-ва и права. – М.: Юрайт, 2011. – Т. 1: Общая часть. – 1003 с.

116. Макаренко, А.С. «Проектировать лучшее в человеке...» / А.С. Макаренко. – Минск: Университетское, 1989. – 417 с. – (Б-чка серии «Университет – школе»).

117. Макаров, О.В. Соотношение государства и права / О.В. Макаров // Государство и право. – 1995. – № 5. – С. 16–22.

118. Макарова, Е.А. Становление либеральной модели социального государства в США в первой половине XX века / Е.А. Макарова // Вестн. Новгор. фил. РАНХиГС. – 2018. – Т. 8, № 2-1(10). – С. 173–178.

119. Малахов, В.П. Методологическое мышление в познании и понимание права: монография / В.П. Малахов. – М.: ЮНИТИ, 2018. – 239 с.

120. Мамардашвили, М.К. Кантианские вариации / М.К. Мамардашвили; под ред. Ю.П. Сенокосова. – М.: Аграф, 1997. – 311 с. – (Путь к очевидности).

121. Марченко, М.Н. Правовые системы современного мира / М.Н. Марченко // Теория государства и права: учебник / М.Н. Марченко; Моск. гос. ун-т. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2006. – Гл. 8. – С. 223–295. – (Классич. университет. учебник).

122. Матузов, Н.И. Право и правовая система / Н.И. Матузов, В.Н. Сянюков // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2016. – С. 190–417.

123. Москва в декабре 1905 г.: [очерки] / изд. П.В. Кохманский. – М.: Тип. торг. дома А.П. Печковский, П.А. Буланже и К°, 1906. – 246 с.

124. Мулукаев, Р.С. Развитие организационных форм участия трудящихся в охране общественного порядка (1917–1937 гг.) / Р.С. Мулукаев // Труды Киевской высшей школы МООП СССР / [М-во охраны обществ. порядка СССР]; редкол.: П.П. Михайленко (отв. ред.) [и др.]. – Киев, 1968. – [Вып.] 1. – С. 34–45.

125. Муромцев, Г.И. Основные правовые системы прошлого и современности / Г. И. Муромцев // Проблемы общей теории права и государства: учебник / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – 2-е изд., пересм. – М., 2017. – Гл. 13. – С. 306–333.

126. Надин, А.Н. К вопросу о принадлежности прокуратуры России к президентской власти / А.Н. Надин // Учен. зап. Тамбов. отд. РоСМУ. – 2020. – № 18. – С. 106–112.

127. Нерсесянц, В.С. Сущность, понятие и ценность права / В.С. Нерсесянц // Проблемы общей теории права и государства: учебник / под общ. ред. В.С. Нерсесянца; Ин-т гос-ва и права РАН. – 2-е изд., пересм. – М., 2017. – Разд. 3. – С. 158–223.

128. Нерсесянц, В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция / В.С. Нерсесянц // Вопр. философии. – 2002. – № 3. – С. 3–15.

129. Никитина, Э.В. Соотношение формальной и реальной свободы в аспекте реализации права / Э.В. Никитина // Вестн. Рос. ун-та кооперации. – 2020. – № 2 (40). – С. 141–146.

130. Новгородцев, П.И. Демократия на распутье: введение в философию права / П.И. Новгородцев // Об общественном идеале: [сборник] / [Ин-т философии АН СССР, Филос. о-во СССР; сост., подгот. текста, вступ. ст. А.В. Соболева; примеч. В. Сапова, Н. Плотникова]. – М., 1991. – С. 96–119. – (Из истории отеч. филос. мысли).

131. Номоконов, В.А. О криминогенности российской политики в сфере борьбы с преступностью / В.А. Номоконов // Всерос. криминолог. журн. – 2016. – Т. 10, № 3. – С. 438–446.

132. Кодекс о выборах в Кыргызской Республике [Электронный ресурс]: 29 мая 1999 г., № 39: утратил силу в соответствии с Конституционным Законом Кыргызской Республики от 2 июля 2011 г. № 68. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/7>. – Дата доступа: 10.12.2023.

133. О выборах в Республике Казахстан [Электронный ресурс]: Конституционный Закон Респ. Казахстан, 28 сент. 2023 г., № 2464. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus>. – Дата доступа: 15.12.2023.

134. О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: Конституционный Закон Кыргызской Республики, 2 июля 2011 г., № 68: в ред. Конституционного Закона от 8 авг. 2019 г. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view>. – Дата доступа: 25.12.2023.

135. О геноциде белорусского народа [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2022 г., № 146-З: принят Палатой Представителей 14 дек. 2021 г.: одобр. Советом Респ. 22 дек. 2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

136. О защите прав потребителей [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 9 февр. 2002 г., № 90-З: принят Палатой Представителей 5 дек. 2001 г.: одобр. Советом Респ. 20 дек. 2001 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 6 янв. 2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

137. О медиации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 58-З: принят Палатой Представителей 26 июня 2013 г.: одобр. Советом Респ. 28 июня 2013 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

138. О недопущении реабилитации нацизма [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 14 мая 2021 г., № 103-З: принят Палатой Представителей 16 апр. 2021 г.: одобр. Советом Респ. 21 апр. 2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

139. О политических партиях [Электронный ресурс]: Закон Респ. Казахстан, 15 июля 2002 г., № 344-П: с изм. и доп. по сост. на 1 мая 2023 г. – Режим доступа: <https://online.zakon.kz>. – Дата доступа: 18.12.2023.

140. О правах ребенка [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 19 нояб. 1993 г., № 2570-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь от 19 мая 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

141. О Программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 дек. 2021 г., № 773 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

142. О прокуратуре [Электронный ресурс]: Конституционный Закон Республики Казахстан, 5 нояб. 2022 г., № 155-VII: с изм. и доп. по сост.

на 12 сент. 2023 г. – Режим доступа: <https://online.zakon.kz/Document>. – Дата доступа: 30.12.2023.

143. О рекламе [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 10 мая 2007 г., № 225-З: принят Палатой Представителей 2 апр. 2007 г.: одобр. Советом Респ. 20 апр. 2007 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 6 янв. 2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

144. О свободе совести и религиозных организациях [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 17 дек. 1992 г., № 2054-ХП: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

145. О средствах массовой информации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2008 г., № 427-З: принят Палатой Представителей 24 июня 2008 г.: одобр. Советом Респ. 28 июня 2008 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 июня 2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

146. О туризме [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 11 нояб. 2021 г., № 129-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

147. Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

148. Одинец, А.Н. Принципы осуществления государственных закупок / А.Н. Одинец // Промышленно-торговое право. – 2015. – № 3. – С. 12–15.

149. Оль, П.А. Генезис современного правопонимания – дуализм формы и содержания / П.А. Оль // Правогенез: традиция, воля, закон: кол. монография / под ред. Р.А. Ромашова. – СПб., 2021. – С. 69–74.

150. Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел [Электронный ресурс] // Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. – Режим доступа: <https://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121>, <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7069>. – Дата доступа: 30.12.2023.

151. Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/55806>. – Дата доступа: 30.12.2023.

152. Официальный сайт Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.president-sovet.ru/members/blogs/post/o_rabote_nad_proektom_federalnogo_zakona_o_vnesenii_izmeneniy_v_otdelnye_zakonodatelnye_aktuy_rossiys/. – Дата доступа: 30.12.2023.

153. Очерки истории милиции Белорусской ССР: 1917–1987 / М-во внутр. дел БССР, Мин. высш. шк. милиции МВД СССР; [авт. кол.: В.Н. Савичев [и др.]; под ред. В.А. Пискарева]. – Минск: Беларусь, 1987. – 535 с.
154. Павлова, Е.А. Проблемы коммерциализации результатов научных исследований в университетах Вьетнама через спин-офф компании / Е.А. Павлова, Т.Т.Х. Нгуен // Современная наука: актуал. пробл. теории и практики. Сер.: Экономика и право. – 2022. – № 1. – С. 93–97.
155. Павлова, С.В. Культурологический подход в истории отечественной политико-правовой мысли: монография / С.В. Павлова; С.-Петерб. юрид. акад. – СПб.: Ноу СЮА, 2013. – 131 с.
156. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / [сост. И.Д. Мартысевич и др.]; под ред. и с предисл. К.А. Сафроненко. – М.: Госюриздат, 1957. – 503 с. – (Памятники рус. права; вып. 6).
157. Партархив Института истории партии при ЦК КП Белоруссии. – Ф. С 3. Оп. 2. Д. 287. Л. 43.
158. Пархомович, В.Б. Восприятие будущего агрессивными людьми / В.Б. Пархомович // Адукацыя і выхаванне. – 2014. – № 4. – С. 49–54.
159. Ханатаева, В. Перемены, которых не было сто лет. Почему встречу Си Цзиньпина и Путина называют эпохальной [Электронный ресурс] / В. Ханатаева // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/world/view/peremeny-kotoryh-ne-bylo-sto-let-pochemu-vstrechu-si-tszinpina-i-putina-nazyvajut-epochalnoj>. – Дата доступа: 23.12.2023.
160. О мерах противодействия экстремизму и реабилитации нацизма [Электронный ресурс]: [перечень организаций, формирований, индивидуальных предпринимателей, причастных к экстремистской деятельности. Перечень граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, причастных к экстремистской деятельности] // МВД Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by/ru/news>. – Дата доступа: 24.12.2023.
161. Петрова, О.В. Медиация в уголовном процессе Республики Беларусь как новая форма защиты прав личности / О.В. Петрова // Вестн. науки и образования. – 2021. – № 16-1 (119). – С. 48–50.
162. Полное собрание законов Российской Империи: [собрание 1-е: с 1649 г. по 12 декабря 1825 г.: в 45 т.] / под ред. М.М. Сперанского. – СПб.: в Тип. II отд-ния Собственной е.и.в. канцелярии, 1830–1851. – Т. 1: 1649–1675: [№ 1–618]. – 1830. – 1072 с.
163. Полное собрание законов Российской Империи: [собрание 1-е: с 1649 г. по 12 декабря 1825 г.: в 45 т.] / под ред. М.М. Сперанского. – СПб.: в Тип. II отд-ния Собственной е.и.в. канцелярии, 1830–1851. – Т. 5: 1713–1719: [№ 2620–3479]. – 1830. – [2], 781 с.

164. Щерба, С.П. Полномочия органов прокуратуры государств – участников СНГ: монография / С.П. Щерба, Т.А. Решетникова, М.А. Фролова. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 340 с. – (Б-ка криминалиста).

165. Положение о Координационном совете генеральных прокуроров государств – участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] / Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. – Режим доступа: <https://cis.minsk.by/page/1004>. – Дата доступа: 30.12.2023.

166. Положение об общественно-консультативном совете по защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс]: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь от 25 окт. 2016 г., № 871 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

167. Поляков, А.В. Действие права / А.В. Поляков // Общая теория права: курс лекций / А.В. Поляков; Ассоц. «Юрид. центр», Каф. теории и истории государства и права. – СПб., 2001. – С. 433. – (Учебники и учеб. пособия).

168. Об утверждении перечня медицинских показаний и противопоказаний к суррогатному материнству, порядок и объем медицинского обследования суррогатной матери, генетической матери и их супругов [Электронный ресурс]: постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь, 14 сент. 2006 г., № 71: в ред. постановления М-ва здравоохранения Респ. Беларусь от 20 февр. 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

169. О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ, 14 нояб. 2017 г., № 44 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

170. О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ, 24 дек. 2019 г., № 58 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

171. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ, 9 июля 2013 г., № 24 // Консультант Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

172. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ, 16 окт. 2009 г., № 19:

в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

173. О Концепции управления государственным имуществом и приватизации в Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ, 9 сент. 1999 г., № 1024: в ред. постановления Правительства РФ от 29 нояб. 2000 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

174. Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ, 18 нояб. 2020 г., № 1853: в ред. постановления Правительства РФ от 1 апр. 2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

175. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению [Электронный ресурс]: приказ М-ва здравоохранения Рос. Федерации, 31 июля 2020 г., № 803н // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

176. Проблемы общей теории права и государства: учебник / [Н.В. Варламова и др.]; под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – 2-е изд., пересм. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 815 с.

177. Проданова, Н.А. Особенности системы государственных закупок в Китае / Н.А. Проданова, Е.И. Зацаринная // Экономика, предпринимательство и право. – 2015. – Т. 5, № 3. – С. 151–158.

178. Радько, Т.Н. Теория государства и права: хрестоматия / Т.Н. Радько. – М.: Акад. проект, 2005. – 718 с. – (Gaudeamus).

179. Головина, А.А. Современная системно-правовая теория: новый этап развития или методологический кризис? / А.А. Головина, А.С. Туманова // Государство и право. – 2017. – № 2. – С. 34–40.

180. Рассолов, М.М. Проблемы теории государства и права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по спец. 030501 «Юриспруденция» / М.М. Рассолов. – М.: Юнити-ДАНА: Закон и право, 2012. – 432 с. – (Высш. профессиональное образование. Юриспруденция).

181. О расширении сотрудничества в области применимого права к расторжению брака и судебному разлучению супругов: Рим III [Электронный ресурс]: Регламент Совета Европейского Союза, 20 дек. 2010 г., № 1259/2010. – Режим доступа: <http://base.garant.ru>. – Дата доступа: 10.12.2023.

182. О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам: Рим I [Электронный ресурс]: Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза, 17 июня 2008 г., № 593/2008. – Режим доступа: <http://base.garant.ru>. – Дата доступа: 10.12.2023.

183. О юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении нотариальных актов, а также о создании Европейского свидетельства о наследовании: Рим IV [Электронный ресурс]: Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза, 4 июля 2012 г., № 650/2012. – Режим доступа: <http://base.garant.ru>. – Дата доступа: 10.12.2023.

184. О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам: Рим II [Электронный ресурс]: Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза, 11 июля 2007 г., № 864/2007. – Режим доступа: <http://base.garant.ru>. – Дата доступа: 10.12.2023.

185. Республиканский список экстремистских материалов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mininform.gov.by/documents/respublikanskiy-spisok-ekstremistskikh-materialov>. – Дата доступа: 24.12.2023.

186. Ретнева, Н.И. Новеллы уголовного закона и эффективность противодействия торговле людьми в Республике Беларусь: постановка проблемы / Н.И. Ретнева, И.В. Козелецкий // *Право.by*. – 2016. – № 2. – С. 64–68.

187. Решение Псковского городского суда Псковской области от 24 декабря 2019 г. по делу № 2-4194/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/ueubfcr8eNZX/>. – Дата доступа: 05.12.2023.

188. Ромашов, Р.А. Методологические основания исследования политогенеза / Р.А. Ромашов // *Политогенез: Храм – Полис – Государство – State: монография / Р.А. Ромашов; вступ. ст. В.П. Сальникова*. – СПб., 2020. – С. 34–44. – (Независимый альянс).

189. Ромашов, Р.А. Особенности государственной экономической политики в условиях различных политико-правовых систем в контексте идеи единого экономического пространства / Р.А. Ромашов // *Теоретико-правовая наука и юридическая практика: проблемы соотношения и взаимодействия: сб. избр. ст. / Р.А. Ромашов; С.-Петербург. ун-т МВД России*. – СПб., 2004. – С. 110.

190. Ромашов, Р.А. Цифровое государство (digital state) – концептуальное основание глобального мирового порядка / Р.А. Ромашов, В.Ю. Панченко // *Государство и право*. – 2018. – № 7. – С. 99–109.

191. Российский центр хранения и изучения документов новейшего периода (РЦХИДНИ). – Ф. 1. Оп. 4. Д. 2. Л. 31.

192. РЦХИДНИ. – Ф. 1. Оп. 23. Д. 340 б. Л 3.

193. Савинский, А.В. Бытовая коррупция в сфере медицины и образования: вопр. криминализации [Электронный ресурс] / А.В. Савинский // *Журн. рос. права*. – 2018. – № 1 (263). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bytovaya-korruptsiya-v-sfere-meditsiny-i-obrazovaniya-voprosy-kriminalizatsii/viewer>. – Дата доступа: 03.12.2023.

194. Советское правовое государство и юридическая наука: круглый стол / В.Ф. Яковлев [и др.] // Совет. государство и право. – 1989. – № 3. – С. 53–63.

195. Санникова, Л.В. О прекращении договора возмездного оказания услуг / Л.В. Санникова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2008. – № 2. – С. 56–58.

196. Сафонова, Т.В. Формирование правовых основ государственной информационной политики как фактор сохранения духовно-нравственных ценностей белорусского общества / Т.В. Сафонова // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XXIV (71) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 14 февр. 2019 г.: в 2 т. / М-во образования Респ. Беларусь, Витеб. гос. ун-т; редкол.: И.М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2019. – Т. 1. – С. 205–207.

197. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. Закон РФ, 29 дек. 1995 г., № 223-ФЗ: принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г.: в ред. Федер. Закона РФ от 31 июля 2023 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

198. Сериков, А.М. Опыт противодействия молодежному экстремизму в Германии, США и Великобритании: сравн. анализ / А.М. Сериков, С.В. Венцель // Философия права. – 2017. – № 4. – С. 43–49.

199. Смирнов, А.Ф. К вопросу о правовом регулировании статуса прокуратуры Российской Федерации / А.Ф. Смирнов // Актуал. пробл. рос. права. – 2017. – № 1. – С. 215–221.

200. Хавский, П.В. Собрание российских законов / П.В. Хавский. – СПб., 1823–1825. – Кн. 12: О полицейском управлении. Или наказы губернаторские и устав управы благочиния. Со включением законов, им предшествовавших и последовавших, с 1708 по апрель месяц 1823. – 1823. – [2], VIII, XXXI, [1], 460 с.

201. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 32. – Ст. 4557.

202. Положение о рабоче-крестьянской милиции // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. – 1931. – № 33. – Ст. 247.

203. Собрание постановлений Правительства СССР. – 1959. – № 4. – Ст. 25.

204. Об организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции: инструкция: постановление Народных Комиссариатов по Внутренним делам и Юстиции // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1918. – № 75. – Ст. 813.

205. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1924. – № 28. – С. 194.

206. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1930. – № 25. – Ст. 324.
207. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1932. – № 38. – Ст. 173.
208. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1932. – № 44. – Ст. 194.
209. Советская милиция: история и современность, 1917–1987 / А.П. Косицын [и др.]; под ред. А.В. Власова. – М.: Юрид. лит., 1987. – 335 с.
210. Сорокин, В.В. Дух права – фундаментальная категория юридической науки / В.В. Сорокин // Государство и право. – 2021. – № 12. – С. 164–167.
211. Сорокин, П. Социальная и культурная динамика / П. Сорокин; [пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова]. – М.: Астрель, 2006. – 1175 с. – (Социальная мысль России).
212. Сорокин, П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии / П.А. Сорокин; пер. с англ. М.А. Маслина // О России и русской философской культуре : философы рус. послеоктябрьского зарубежья: Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, В.В. Зеньковский, П.А. Сорокин, Г.П. Федотов, Г.В. Флоровский / сост. М.А. Маслин ; отв ред. Е.М. Чехарин. – М., 1990. – С. 463–489.
213. Соснов, Н. «Экстремизм»: история и современность [Электронный ресурс] / Н. Соснов // Вестн. Бури. Воля и правда. – 2015. – Режим доступа: <https://vestnikburi.com/ekstremizm-istoriya-i-sovremennost/>. – Дата доступа: 21.12.2023.
214. Софийчук, Н.В. Предпосылки внедрения института медиации в уголовное судопроизводство Российской Федерации: криминологические и процессуальные аспекты / Н.В. Софийчук, А.Т. Валеев // Криминол. журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 114–124.
215. Справочник партийного работника / сост. Секретариатом ЦК РКП; РСФСР, РКП(б). – [М.]; Гос. изд-во, 1922. – Вып. 2. – VIII, 336 с.
216. Стенографические отчеты о собраниях Московской городской думы. – М., 1886–1917. – За 1905 год: сентябрь, октябрь. – 1907. – XVI, 505–776.
217. Степушкина, Е.И. О моделях социальной государственности и содержании социальной функции государства / Е.И. Степушкина // Теория государства и права. – 2019. – № 1 (13). – С. 84–88.
218. Сухарев, А.А. Психологическая составляющая коррупционных преступлений / А.А. Сухарев, О.В. Егорова // Право. Экономика. Психология. – 2021. – № 1 (21). – С. 22–32.

219. Сырых, В.М. Методология системного подхода / В.М. Сырых // История и методология юридической науки: учебник по магистерской ступени образования / В.М. Сырых. – М., 2017. – Гл. 20. – С. 396–406.

220. Сырых, В.М. Теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направл. подгот. «Юриспруденция» / В.М. Сырых. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юстицинформ, 2012. – 703 с. – (Образование).

221. Тард, Г. де. Преступник и преступление; Сравнительная преступность; Преступления толпы: пер. / Г. де Тард; [предисл. В.С. Овчинского]. – М.: Инфра-М., 2004. – 390 с. – (Б-ка криминолога: БК).

222. Тасалов, Ф.А. Контрактная система в сфере государственных закупок России и США: сравнительно-правовое исследование: монография / Ф.А. Тасалов. – М.: Проспект, 2014. – 236 с. – (Госзакупки).

223. Телин, К. Пробелы идентичности: как и почему нация ускользает от государства / К. Телин, К. Филимонов // Социолог. обозр. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 35–73.

224. Тиунова, Л.Б. Право. Конституция. Правовое государство: концепции демократического конституционального анализа правового государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Л.Б. Тиунова; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 1992. – 32 с.

225. Тихомиров, Ю.А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы / Ю.А. Тихомиров // Журн. рос. права. – 2020. – № 4. – С. 5–16.

226. Тоффлер, Э. Шок будущего: пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2002. – 558 с. – (Philosophy).

227. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ: в ред. Федер. Закона РФ от 25 дек. 2023 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

228. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 275-З: принят Палатой Представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 марта 2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

229. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: в ред. Федер. Закона РФ от 25 дек. 2023 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

230. Уголовный кодекс Франции [Электронный ресурс]: принят 22 июля 1992 г.: вступ. в силу с 1 марта 1994 г. – Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006070719>. – Дата доступа: 21.12.2023.

231. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ, 02 июля 2021 г., № 400 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

232. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [Электронный ресурс]: Федер. Закон РФ, 29 дек. 2010 г., № 436-ФЗ: принят Гос. Думой 21 дек. 2010 г.: одобр. Советом Федерации 24 дек. 2010 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

233. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. Закон РФ, 17 янв. 1991 г., № 2202-1: в ред. Федер. Закона РФ от 17 нояб. 1995 г.: с изм. на 25 дек. 2023 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

234. О противодействии коррупции [Электронный ресурс]: Федер. Закон РФ, 25 дек. 2008 г., № 273-ФЗ: принят Гос. Думой 19 дек. 2008 г.: одобр. Советом Федерации 22 дек. 2008 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

235. Об актах гражданского состояния [Электронный ресурс]: Федер. Закон РФ, 15 нояб. 1997 г., № 143-ФЗ: принят Гос. Думой 22 окт. 1997 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

236. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) [Электронный ресурс]: Федер. Закон РФ, 27 июля 2010 г., № 193-ФЗ: принят Гос. Думой 7 июля 2010 г.: одобр. Советом Федерации 14 июля 2010 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

237. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. Закон РФ, 21 нояб. 2011 г., № 323-ФЗ: принят Гос. Думой 1 нояб. 2011 г.: одобр. Советом Федерации 9 нояб. 2011 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

238. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. Закон РФ, 24 нояб. 1996 г., № 132-ФЗ: принят Гос. Думой 4 окт. 1996 г.: одобр. Советом Федерации 14 нояб. 1996 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

239. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: Федер. Закон РФ, 25 июля 2002 г., № 114-ФЗ: принят Гос. Думой 27 июня 2002 г.: одобр. Советом Федерации 10 июля 2002 г.: в ред. Федер. Закона РФ от 28 дек. 2022 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

240. Флоренский, П.А. Письмо четвертое: Свет Истины / П.А. Флоренский // Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи в двенадцати письмах / П.А. Флоренский; вступ. ст. С.С. Хоружего; историогр. очерк игум. Андроника (Трубачева). – М., 1990. – Т. 1, ч. 1. – С. 70–108. – (Из истории отечественной философской мысли).

241. Фромм, Э. Из плена иллюзий / Э. Фромм // Душа человека: [сборник: пер.] / Э. Фромм; [общ. ред., сост. и предисл. П.С. Гуревича]. – М., 1992. – С. 48–67. – (Мыслители XX века).

242. Хабриева, Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т.Я. Хабриева // Журн. рос. права. – 2018. – № 9. – С. 5–16.

243. Хабриева, Т.Я. Циклические нормативные массивы в праве / Т.Я. Хабриева // Журн. рос. права. – 2019. – № 12. – С. 5–18.

244. Хадысов, М.А. Сравнительный анализ правового регулирования противодействия экстремизму в зарубежных странах (на примере Содружества Независимых Государств и стран Европы) [Электронный ресурс] / М.А. Хадысов // Гуманитар., соц.-экон. и обществ. науки. – 2015. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-pravovogo-regulirovaniya-protivodeystviya-ekstremizmu-v-zarubezhnyh-stranah-na-primere-sodruzhestva-nezavisimyh/viewer>. – Дата доступа: 19.12.2023.

245. Хильгендорф, Э. Пунитивное законодательство и уголовно-правовая доктрина. Скептические замечания к некоторым руководящим терминам современной теории уголовного права / Э. Хильгендорф // Вопр. рос. и междунар. права. – 2012. – № 1. – С. 111–141.

246. Хлабордов, В.А. Закупки: очередные изменения [Электронный ресурс] / В.А. Хлабордов // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

247. Хутыз, М.С. Энциклопедия права / М.С. Хутыз, П.Н. Сергейко; Кубан. гос. ун-т. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Былина, 1995. – 158 с.

248. Цицерон. О государстве / Цицерон // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. / [Нац. обществ.-науч. фонд; рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин]. – М., 1999. – Т. 1: Античность и восточные цивилизации / [отв. ред. Л.Р. Сюкияйнен]. – С. 221–222.

249. Червонюк, В.И. Система права / В.И. Червонюк // Общая теория права и государства: учебник для студентов вузов / В.С. Афанасьев [и др.]; под ред. В.В. Лазарева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2015. – С. 236–263.

250. Чистова, Л.Е. Криминальная агрессия и ее предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Л.Е. Чистова; С.-Петерб. ун-т МВД Рос. Федерации. – СПб., 2005. – 22 с.

251. Чичерин, Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин. – Изд. 2-е, испр., [репр.]. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – 337 с. – (Из наследия мировой философ. мысли: социальная философия).

252. Шагиева, Р.В. Правовое государство и его современные критерии как главное основание юридической типологии (на примере России) / Р.В. Шагиева // Учен. тр. Рос. акад. адвокатуры и нотариата. – 2022. – № 3 (66). – С. 34–44.

253. Шагиева, Р.В. Система права и система законодательства: понятия и проблемы их соотношения / Р.В. Шагиева, А.П. Севрюков // Акту-

альные проблемы теории государства и права: учеб. пособие для студентов вузов, обуч. по направлению «Юриспруденция» / [Л.А. Букалерева и др.]; отв. ред. Р.В. Шагиева. – 2-е изд., пересм. – М., 2015. – С. 345–347.

254. Шевченко, В.Ю. Прокуратура в системе разделения властей и государственном механизме защиты конституционных прав граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / В.Ю. Шевченко; Пенз. гос. ун-т. – Саратов, 2009. – 30 с.

255. Постникова, Е. Шелковый путь Александра Лукашенко: в Пекине прошли переговоры лидеров КНР и Белоруссии [Электронный ресурс] / Е. Постникова, В. Вишнякова // Газета. – 2023. – 1 марта. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/03/02>. – Дата доступа: 13.04.2023.

256. Шершеневич, Г.Ф. Общее учение о праве и государстве: лекции Г.Ф. Шершеневича / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Изд-во Моск. о-ва Нар. Университетов, 1908. – 68 с.

257. Шпенглер, О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер; [авт. коммент. Ю.П. Бубенков, А.П. Дубнов]. – Минск: Поппкри, 1998. – [Т.] 2: Всемирно-исторические перспективы / [пер. с нем. С.Э. Борич; науч. ред. пер. О.Н. Шпарага]. – 719 с.

258. Шпрингер, Р. Национальная проблема: борьба национальностей в Австрии / Р. Шпрингер; пер. с нем. М. Брагинского, А. Брумберга; под ред. и с предисл. М. Ратнера. – СПб.: Обществ. польза, 1909. – XXV, 293 с.

259. Экимов, А.И. Доверие к юридической науке в России: методол. и праксеолог. проблемы / А.И. Экимов // Государство и право. – 2021. – № 6. – С. 63–72.

260. Юшенкова, С.Ю. О предмете преступления, предусмотренного ст. 1271 УК РФ «Торговля людьми» / С.Ю. Юшенкова, М.А. Кауфман // Рос. юстиция. – 2008. – № 10. – С. 36–39.

261. Якимович, Ю.К. Назначение прокуратуры и процессуальные функции прокурора / Ю.К. Якимович // Законность. – 2015. – № 8. – С. 3–7.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аниськина Эвелина Геннадьевна – и.о. заведующего кафедрой уголовно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

Барышев Владимир Алексеевич – старший преподаватель кафедры истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Борботько Павел Валентинович – доцент кафедры истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

Бочков Александр Александрович – профессор кафедры истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент.

Бутримова Юлия Сергеевна – старший преподаватель кафедры истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Гурщенков Павел Валентинович – доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент.

Долголенко Татьяна Васильевна – доцент кафедры уголовного права Юридического института Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент.

Елисеев Вячеслав Сергеевич – профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, доктор юридических наук, доцент.

Ивашкевич Елена Францевна – заведующий кафедрой истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент.

Кусков Алексей Сергеевич – доцент кафедры гражданского права и процесса Смоленского филиала Международного юридического института, кандидат юридических наук, доцент.

Мельникова Татьяна Витальевна – доцент кафедры гражданского права Юридического института Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент.

Мороз Елена Владимировна – профессор кафедры международного права Юридического института Сибирского федерального университета, доктор исторических наук, доцент.

Муллахметова Наталья Евгеньевна – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент.

Павлова Светлана Викторовна – заведующий кафедрой теории и истории государства и права автономной некоммерческой организации

высшего образования «Санкт-Петербургская юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент.

Прокофьев Виктор Федорович – старший научный сотрудник кафедры технологий управления Института цифровой экономики, управления и сервиса Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации.

Ромашов Роман Анатольевич – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Ромашова Галия Талгатовна – доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Рычкова Наталья Юрьевна – старший преподаватель кафедры гражданского права Юридического института Сибирского федерального университета.

Сафонова Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Сирик Наталия Валериевна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии.

Стаценко Владимир Григорьевич – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

Сухарев Андрей Александрович – доцент кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент.

Шантырева Елена Анатольевна – старший преподаватель кафедры истории и теории права Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

Научное издание

АНИСЬКИНА Эвелина Геннадьевна

БАРЫШЕВ Владимир Алексеевич

БОРБОТЬКО Павел Валентинович [и др.]

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА:
СРАВНИТЕЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Монография

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Корректор

А.Н. Метла

Компьютерный дизайн

А.В. Табанюхова

Подписано в печать 21.02.2024. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 12,26. Уч.-изд. л. 13,44. Тираж 27 экз. Заказ 24.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.